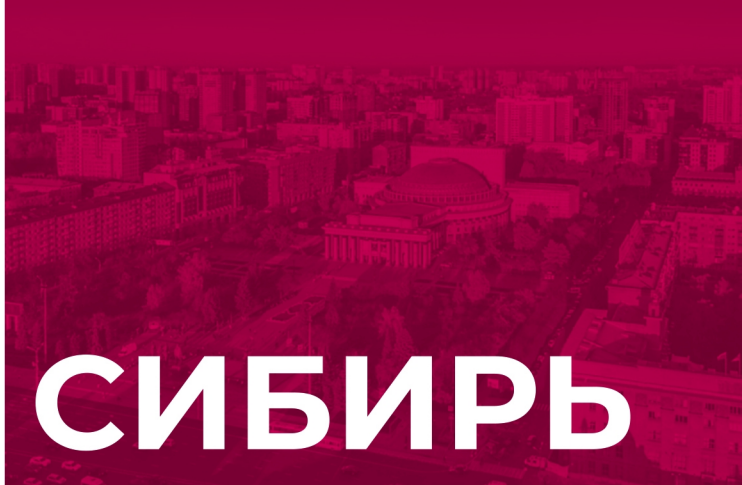

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ
РАНХиГС НОВОСИБИРСК

СИБИРЬ

ГУМАНИТАРНАЯ

Siberia humanitaria

2024 №4 (8)

ISSN 2949-1568

SIBERIA HUMANITARIAN

Quarterly scientific-practical journal

2024

№ 4 (8)

Founded
in 2022

EDITORIAL BOARD

Vladimir E. Zubov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Anna A. Izgarskaya, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Tatiana S. Ilarionova, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Russia, Moscow
Elena V. Kiseleva, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Dmitry A. Mikhailov, Candidate of Historical Sciences, Russia, Novosibirsk
Vladimir P. Motrevich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Yekaterinburg
Türkan Olcay, Doctor of Philological sciences, professor, Republic of Turkey, Istanbul
Valentina S. Pel, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Andrei I. Savin, Candidate of Historical Sciences, Russia, Novosibirsk
Dmitry A. Savchenko, Doctor of Law, Associate Professor, Russia, Moscow
Alexander S. Smykalin, Doctor of Law, Professor, Russia, Ekaterinburg
Marina Yu. Sorokina, Candidate of Historical Sciences, Russia, Moscow
Elena E. Tikhomirova, Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Russia, Novosibirsk
Oleg D. Fedorov, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Russia, St. Petersburg
Boris L. Khavkin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Moscow
Denis V. Chernov, Candidate of Historical Sciences, Russia, Novosibirsk
Marina V. Shakurova, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Russia, Voronezh

EDITION

Editor in Chief *Natalia M. Markdorf*, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Deputy Editor in Chief *Elena A. Belaya*, Candidate of Pedagogical Sciences
Executive Secretary *S.M. Koba*
Editors: *N.A. Zolotenina*, *N.A. Vnukova*
Technical Editor *O.A. Gladunova*

Editorial office address: Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102. Tel. +7 (383) 373-13-24, sib.gum@siu.ranepa.ru

Founder — Federal State-funded Educational Institution of Higher Education “Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration”

The Journal is included in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media Register. Register number and date of registration: *III № ФС77-83738 dated August 5, 2022.*

The point of view of the editorial board may not coincide with the point of view of the authors.
Link to the journal “Siberia Humanitarian” is mandatory when materials are used.

A photo of Eduard Dobrovolsky’s sculpture “Buyer and Seller” was used for the cover (taken from open sources).

Release date 17.12.2024. OCE print. Format 70×108 1/16. Conventional printed sheet 12,6. Publisher's signature 13,68. Edition of 500 copies. Order 22.

SibAGS Publishing House. Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102.

Printed on the printing facility of the Siberian Institute of Management — a branch of RANEPa. Nizhegorodskaya street, 6, Novosibirsk, 630102.

Subscription price 180.

© Siberian Institute of Management — branch of RANEPa

СИБИРЬ

ГУМАНИТАРНАЯ

Ежеквартальный научно-практический журнал

2024

№ 4 (8)

Основан
в 2022 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Зубов Владимир Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент, Россия, Новосибирск
Изгарская Анна Анатольевна, доктор философских наук, доцент, Россия, Новосибирск
Иларионова Татьяна Семеновна, доктор философских наук, профессор, Россия, Москва
Киселева Елена Васильевна, доктор педагогических наук, доцент, Россия, Новосибирск
Михайлов Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, Россия, Новосибирск
Мотревич Владимир Павлович, доктор исторических наук, профессор, Россия, Екатеринбург
Олджай Тюркан, доктор филологических наук, профессор, Турецкая Республика, Стамбул
Пель Валентина Степановна, кандидат педагогических наук, доцент, Россия, Новосибирск
Савин Андрей Иванович, кандидат исторических наук, Россия, Новосибирск
Савченко Дмитрий Александрович, доктор юридических наук, доцент, Россия, Москва
Смыкалин Александр Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, Россия, Екатеринбург
Сорокина Марина Юрьевна, кандидат исторических наук, Россия, Москва
Тихомирова Елена Евгеньевна, кандидат культурологии, доцент, Россия, Новосибирск
Федоров Олег Дмитриевич, доктор педагогических наук, доцент, Россия, Санкт-Петербург
Хавкин Борис Львович, доктор исторических наук, профессор, Россия, Москва
Чернов Денис Владимирович, кандидат исторических наук, Россия, Новосибирск
Шакурова Марина Викторовна, доктор педагогических наук, профессор, Россия, Воронеж

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор *Наталья Михайловна Маркдорф*, доктор исторических наук, доцент
Зам. главного редактора *Елена Александровна Беляя*, кандидат педагогических наук
Ответственный секретарь *С. М. Коба*
Редакторы: *Н. А. Золотенина, Н. А. Внукова*
Технический редактор *О. А. Гладунова*

Адрес редакции: 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6. Тел. +7 (383) 373-13-24, sib.gum@siu.ranepa.ru

Учредитель — ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Регистрационный номер и дата регистрации: ПИ № ФС77-83738 от 5 августа 2022 г.

Точка зрения редакционной коллегии может не совпадать с точкой зрения авторов.

При использовании материалов журнала «Сибирь гуманитарная» ссылка на журнал обязательна.

Для обложки использовано фото скульптуры «Покупатель и продавец» Эдуарда Добровольского (взято из открытых источников).

Дата выхода в свет 17.12.2024. Печать ОСЕ. Формат 70×108 1/16. Усл. п. л. 12,6. Уч.-изд. л. 13,68. Тираж 500 экз. Заказ 22.

Издательство СибАГС, 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6.
Отпечатано на полиграфической базе Сибирского института управления — филиала РАНХиГС. 630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, 6.

Цена по подписке 180 руб.

© Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС

EDITORIAL COUNCIL

Maria A. Abramova

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Russia, Novosibirsk

Marina N. Wolf

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Russia, Novosibirsk

Arkady A. Herman

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Saratov

Emrah Gaznevi

Doctor of Philological Sciences, Professor, Associate Professor, Republic of Turkey, Istanbul

Victor Denninghaus

Doctor of Historical Sciences, Professor, Germany, Lüneburg

Olga V. Zinevich

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Russia, Novosibirsk

Stefan Karner

Doctor of Historical Sciences, Professor, Austria, Graz

Viktor M. Kirillov

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Nizhny Tagil

Anatoly S. Kolesnikov

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Russia, St. Petersburg

Anatoly G. Kosichenko

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Kazakhstan, Almaty

Nikolay I. Krasniakov

Doctor of Law, Associate Professor, Russia, Novosibirsk

Gulnara M. Mendikulova

Doctor of Historical Sciences, Professor, Kazakhstan, Almaty

Igor V. Poberezhnikov

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Ekaterinburg

Alexander M. Sidorkin

PhD, Professor, USA, Sacramento

Tatiana B. Smirnova

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Omsk

Gulnaz K. Tleuzhanova

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Kazakhstan, Karaganda

Dmitry A. Funk

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, Moscow

Lazar S. Heifets

Doctor of Historical Sciences, Professor, Russia, St. Petersburg

Irina V. Cherkazyanova

Doctor of Historical Sciences, Russia, St. Petersburg

Alexey A. Chernobrov

Doctor of Philological Sciences, Professor, Russia, Novosibirsk

Vladimir N. Shaidurov

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Russia, St. Petersburg

Lubinka Shkodric

PhD, Doctor of Historical Sciences, Serbia, Belgrade

Irina I. Shulga

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Russia, Novosibirsk

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Абрамова Мария Алексеевна

доктор педагогических наук, профессор, Россия, Новосибирск

Вольф Марина Николаевна

доктор философских наук, профессор, Россия, Новосибирск

Герман Аркадий Адольфович

доктор исторических наук, профессор, Россия, Саратов

Газневи Эмрах

доктор филологических наук, доцент, Турецкая Республика, Стамбул

Дёнингхаус Виктор

доктор исторических наук, профессор, Германия, Люнебург

Зиневич Ольга Владимировна

доктор философских наук, профессор, Россия, Новосибирск

Карнер Стефан

доктор исторических наук, профессор, Австрия, Грац

Кириллов Виктор Михайлович

доктор исторических наук, профессор, Россия, Нижний Тагил

Колесников Анатолий Сергеевич

доктор философских наук, профессор, Россия, Санкт-Петербург

Косиченко Анатолий Григорьевич

доктор философских наук, профессор, Казахстан, Алматы

Красняков Николай Иванович

доктор юридических наук, доцент, Россия, Новосибирск

Мендикулова Гульнара Малбагаровна

доктор исторических наук, профессор, Казахстан, Алматы

Побережников Игорь Васильевич

доктор исторических наук, профессор, Россия, Екатеринбург

Сидоркин Александр Михайлович

PhD, профессор, США, Сакраменто

Смирнова Татьяна Борисовна

доктор исторических наук, профессор, Россия, Омск

Тлеужанова Гульназ Кошкимбаевна

кандидат педагогических наук, доцент, Казахстан, Караганда

Функ Дмитрий Анатольевич

доктор исторических наук, профессор, Россия, Москва

Хейфец Лазарь Соломонович

доктор исторических наук, профессор, Россия, Санкт-Петербург

Черказьянова Ирина Васильевна

доктор исторических наук, Россия, Санкт-Петербург

Чернобров Алексей Александрович

доктор филологических наук, профессор, Россия, Новосибирск

Шайдуров Владимир Николаевич

доктор исторических наук, доцент, Россия, Санкт-Петербург

Шкодрич Любинка

PhD, доктор истории, Сербия, Белград

Шульга Ирина Ивановна

доктор педагогических наук, профессор, Россия, Новосибирск

CONTENTS

Editorial	8
SOCIETY AND POLITICS	9
Ilarionova T.S. Elite under Control: the History of Daily Life at the Institute(Academy) of Social Sciences of the Central Committee of the Socialist United Party of Germany (1951—1990).....	9
Petrenko M.S. Blat (Favors) as a Factor in Making Status Groups in the USSR in the 1970s—1980s	28
STATE AND LAW	41
Blinova V.V. Juvenile Delinquency During the Great Patriotic War: Historical and Legal Analysis.....	41
SCIENCE AND CULTURE	51
Savin A.I. Soviet Everyday Life in the First Half of the 1930s in the Mirror of Rosalia Rabinovich's Graphic Works	51
Shulga D.P., Piven N.N. Three VII—IX Century Byzantine Coins in China	65
Zivanovic M. Contribution of Russian Emigrants to the Culture and Science of Yugoslavia	72
Djordjevic A. Russian Academicism in the Architecture of Belgrade.....	83
Zhigunova M.A. Anthropology of Scientific Life and Academic Everyday Life (on the Example of the Activities of the Ethnographic Omsk Scientific Center).....	95
EDUCATION AND UPBRINGING	107
Antonenko V.S. Daily Life of Orphanage Inmates in the Novosibirsk Region during the War and Post-War Years	107
Deich B.A. Children's Club as a Child's Everyday Life Activity.....	116
Lopatina S.S. Center for International Education and Intercultural Communication as a Way to Carry International Activities of the University.....	123
HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES	128
Argunov O.N., Konischev A.R. Changes in Life Style of Kursk Province Residents in the late 1910s — early 1920s (on Archival Documents of Civil Registry Offices)	128
AUTHOR AFFILIATIONS	137
INFORMATION FOR AUTHORS	139

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	8
ОБЩЕСТВО И ПОЛИТИКА	9
Иларионова Т. С. Элита под контролем: из истории повседневности Института (Академии) общественных наук при ЦК Социалистической единой партии Германии (1951—1990).....	9
Петренко М. С. Блат как фактор формирования статусных групп в СССР в 1970—1980-е гг.....	28
ГОСУДАРСТВО И ПРАВО.....	41
Блинова В. В. Детская преступность в годы Великой Отечественной войны: историко-правовой анализ.....	41
НАУКА И КУЛЬТУРА	51
Савин А. И. Советская повседневность первой половины 1930-х гг. в зеркале графических работ Розалии Рабинович.....	51
Шульга Д. П., Пивень Н. Н. Три византийские монеты VII—IX вв. в Китае	65
Живанович М. Вклад русских эмигрантов в культуру и науку Югославии	72
Джорджевич А. Русский академизм в архитектурном облике Белграда.....	83
Жигунова М. А. Антропология научной жизни и академическая повседневность (на примере деятельности Этнографического омского научного центра).....	95
ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ	107
Антоненко В. С. Повседневность воспитанников детских домов Новосибирской области в военное и послевоенное время	107
Дейч Б. А. Детский клуб как форма повседневности ребенка	116
Лопатина С. С. Центр международного образования и межкультурной коммуникации как способ организации международной деятельности вуза.....	123
ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	128
Аргунов О. Н., Конищев А. Р. Изменение жизненных практик жителей Курской губернии в конце 1910 — начале 1920-х гг. (по архивным документам органов ЗАГС)	128
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	137
ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ.....	139

От редакции

Тема номера — вопросы истории повседневности в СССР, России, зарубежных странах. Повседневная жизнь, быт, нравы, процессы социокультурной адаптации индивида, различных социальных групп и народов — предмет изучения различных гуманитарных наук. Исследование повседневности позволяет понять те политические, экономические, социальные процессы, которые определяли траекторию развития общества, его исторические трансформации.

Авторы статей рассматривают разнообразные стороны и явления повседневности в различные исторические периоды: от Средневековья до современности; исследуют изменения жизненных практик российского и советского населения (в том числе и детей); характеризуют повседневность академических и общественных структур; освещают вклад русской эмиграции в науку, архитектуру и иную культурную жизнь Югославии. Традиционные публикации, в которых рассматриваются вопросы историко-культурного наследия. Так, на примере серии графических работ советской художницы-авангардистки Р. М. Рабинович проанализирован потенциал советского политического плаката для изучения повседневности 1930-х гг.

Реконструкция различных сторон повседневной жизни позволяет историкам не просто обогатить науку ранее неизвестными фактами, но и по-новому оценить сферу человеческой обыденности, мировосприятие, проследить изменения, происходящие в социуме, их влияние на государственность.

Следующий номер журнала будет посвящен событиям Великой Отечественной войны, 80-летие Победы в которой отмечает наша страна. Великая Отечественная война оставила неизгладимый след в памяти миллионов людей, наложила серьезный отпечаток на все сферы жизни военного и послевоенного поколений. В очередном номере журнала предполагается рассмотрение следующих вопросов:

- дискуссионные историко-правовые исследования Великой Отечественной войны и послевоенного развития общества;
- героика фронта и тыла;
- советский тыл в годы войны, единство с фронтом;
- сибиряки — фронту;
- источниковедческие и историографические исследования;
- социально-психологическая и социокультурная адаптация человека в условиях военного и послевоенного общества;
- историко-демографические процессы в годы войны и в послевоенное десятилетие;
- этноконфессиональная политика государства в отношении различных национальных групп;
- быт и повседневность городского и сельского населения различных регионов СССР, иных стран и народов в военный и в послевоенный периоды;
- советские медицина, образование и культура;
- формирование и развитие социокультурной среды тыловых регионов СССР;
- сохранение исторической памяти, историко-культурного наследия.

Приглашаем исследователей к публикации на страницах журнала рецензий на научные издания, сборников документов, а также сообщений о прошедших защитах диссертаций.

Н. М. Маркдорф, главный редактор

ОБЩЕСТВО И ПОЛИТИКА SOCIETY AND POLITICS

Сибирь гуманитарная. 2024. № 4. С. 09—27.
Siberia Humanitarian. 2024;(4):09—27.

Общество и политика

Научная статья
УДК 323.396(430.2):378.12(091)
<https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-4-09-27>

Элита под контролем: из истории повседневности Института (Академии) общественных наук при ЦК Социалистической единой партии Германии (1951—1990)

Татьяна Семеновна Иларионова

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация, ilarionovat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8615-5374>

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы развития Института (с 1976 г. — Академии) общественных наук (АОН) при ЦК Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) с 1951 по 1990 г., ее повседневная работа по формированию собственного коллектива преподавателей и сотрудников и подготовке аспирантов и слушателей для правящей партии ГДР. Автор видит в АОН при ЦК СЕПГ институт формирования элиты социалистического общества, с опорой на работы германских и советских историков делает вывод о «позиционном» (должностном) типе этой элиты, что было присуще и другим соцстранам, в первую очередь СССР. На примере Института (Академии) показано, как складывалась система всеобъемлющего контроля над деятельностью преподавателей и аспирантов со стороны руководства вуза. В эту систему входило составление преподавателями детальных учебных планов, конспектов лекций, разработок практических занятий, контроль конспектов аспирантов; важными формами контроля были предварительные обсуждения выступлений на конференциях, публикаций преподавателей. Повседневное наблюдение за коллективом велось на кафедрах, большую роль в этом играла библиотека с ее учетом абонированных книг читателями. Данная система создавалась и поддерживалась фактически несменяемыми на протяжении всей истории страны руководителями вуза — Лене Берг и Отто Рейнгольдом, последний беспрерывно был на посту директора, позже ректора Института (Академии) почти 38 лет. Автор делает вывод, что элита социалистической ГДР (в отличие от других исторических типов элиты) не была «праздным классом» в полном смысле, как это представлено в теории Т. Веблена: напротив, эта элита должна была изо дня в день доказывать свою нужность ради сохранения должности, демонстрировать приверженность марксистско-ленинской идеологии и руководству вуза и партии, трудиться для подтверждения собственной состоятельности. Это сыграло свою роль в 1989—1990 гг., когда члены СЕПГ и, в частности, преподаватели Академии общественных

наук при ЦК СЕПГ потеряли свои привилегии и были не востребованы в научном и образовательном сообществе объединенной Германии. Автор опирался на материалы Российского государственного архива социально-политической истории и Федерального архива Германии, большая часть этих материалов впервые вводится в научный оборот.

Ключевые слова: образование, элита, Институт общественных наук при ЦК СЕПГ, Академия общественных наук при ЦК СЕПГ, ГДР, марксистско-ленинская идеология
Для цитирования: Иларионова Т. С. Элита под контролем: из истории повседневности Института (Академии) общественных наук при ЦК Социалистической единой партии Германии (1951—1990) // Сибирь гуманитарная. 2024. № 4. С. 09—27. <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-4-09-27>

Society and Politics

Original article

Elite under Control: the History of Daily Life at the Institute(Academy) of Social Sciences of the Central Committee of the Socialist United Party of Germany (1951—1990)

Tatiana S. Ilarionova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation, ilarionovat@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8615-5374>

Abstract. The article deals with the development of the Institute (since 1976 — Academy) of Social Sciences (AON) under the Central Committee of the Socialist United Party of Germany (SED) from 1951 to 1990. It studies a daily work to form a team of teachers and staff and to train graduate students and students for the ruling party of the GDR. The AON at the SED Central Committee is seen as an institution to raise the elite of socialist society. Based on the works of German and Soviet historians, the article makes a conclusion on the positional (official) type of these elite, which was inherent in other socialist countries, primarily the USSR. On the example of the Institute (Academy), the article shows how the university management developed the system of comprehensive control over the activities of teachers and graduate students. This system included detailed curricula, lecture notes, development of practical classes, and control of postgraduate students' notes. Important forms of control were preliminary discussions of conference presentations and publications of lecturers. The departments conducted daily supervision of the teaching stuff, and the library played a great role in this, with its record of books on loan. The leaders of the university, Lene Berg and Otto Rheingold created and maintained this system. They both were virtually unchanged throughout the history of the country. Besides, Otto Rheingold was the Director, and later the Rector, of the Institute (Academy) for almost 38 years. The article concludes that the elite of the socialist GDR (unlike other historical types of elite) was not an idle class in the full sense, as presented in Thorstein Veblen's theory. On the contrary, this elite had to prove its necessity day in and day out in order to keep its position, to demonstrate its adherence to Marxist-Leninist ideology and to the leadership of the university and the Party, and to work to prove its own worthiness. This played its role in 1989—1990, when members of the SED and, in particular, teachers of the Academy of Social Sciences at the Central Committee of the SED lost their privileges and were not in demand in the academic and educational community of united Germany. The study used the materials of the Russian State Archive of Social and Political History and the Federal Archive of Germany, most of these materials are introduced into the research turnover for the first time.

Keywords: education, elite, Institute of Social Sciences at the Central Committee of the SED, Academy of Social Sciences at the Central Committee of the SED, GDR, Marxist-Leninist ideology

For citation: Ilarionova T. S. Elite under Control: the History of Daily Life at the Institute (Academy) of Social Sciences of the Central Committee of the Socialist United Party of Germany (1951—1990). *Siberia Humanitarian*. 2024. № 4. С. 09—27 <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-4-09-27>

Введение

Образование — безусловное социальное благо — на протяжении своего институционального существования всегда в той или иной мере находилось под контролем государства. В эпоху абсолютизма университеты, как и в целом общественная мысль и нарождавшееся общественное мнение, контролировались жестко, однако находились формы защиты от предвзятости и давления, в частности принимались университетские уставы, в которых оговаривались профессорские и студенческие свободы. При тоталитарных режимах XX в. вузы в государстве становились важным механизмом нужного воспитания новых поколений. При демократии инструменты управления сферой образования принимали правовые формы, иногда «мягкие», иногда идущие вразрез с либеральными ценностями. Институт образования мог быть индикатором изменений в обществе, показателем того, как и в каком направлении развивается та или иная страна, каковы в ней ценности, идеалы, устремления. Развитие школ и вузов могло свидетельствовать о принципах функционирования государства, о достоинствах и дефектах политического режима.

В этом отношении изучение микроистории социализма более чем поучительно, оно дает возможность через понимание жизни небольших коллективов, организаций, сообществ видеть машинерию эпохи. Интерес к исследованию повседневности социализма не угасает за рубежом, тогда как в России основное внимание привлечено к теории вопроса, к обсуждению глобальных процессов и явлений [1—7].

Изучение повседневности социализма может защитить нас от возврата устаревших, но не потерявших своей иллюзорной привлекательности общественных практик. Среди этих практик — всепроникающий государственный контроль сферы образования и науки. Не только собственные примеры (из советского прошлого), но и опыт стран бывшего соцлагеря дают материал для разностороннего анализа этого феномена, обнаруживая как специфику странового развития вузов, так и общие закономерности становления целостной и эффективной системы предотвращения появления оппозиционной мысли в университетской среде.

Для уяснения этих проблем в качестве исследовательского поля в настоящей работе взят Институт (Академия) общественных наук при Центральном Комитете Социалистической единой партии Германии (СЕПГ).

В «семье» партийных вузов

В 1946 г. 2 августа было принято постановление ЦК ВКП(б), на основании которого существенное обновление получила созданная в СССР еще до войны, в 1939 г., Высшая партийная школа при ЦК партии, а также было организовано учебное заведение нового типа для подготовки высших управленческих партийных и советских кадров, руководителей средств массовой информации — Академия общественных наук при ЦК ВКП(б) [8]. В задачи этих учебных заведений входило также установление международных связей, в первую очередь с образовательными организациями социалистических стран. Позже это выльется в оказание всесторонней помощи в организации по советскому образцу высших партийных школ и академий общественных наук при центральных органах братских партий.

Далеко не во всех странах, где под воздействием СССР стал строиться социализм, процесс формирования действенной системы подготовки новой генерации кадров управления шел, с точки зрения советских товарищей, быстро и хорошо. Например, в Румынии на первых порах пришлось практически полностью копировать учебные планы и программы Высшей партийной школы и Академии общественных наук при ЦК КПСС — там не хватало, как и везде в Восточной Европе после войны, людей и средств

на проведение самостоятельной планомерной и эффективной работы [9, р. 219—238].

Та же картина наблюдалась и в восточной части Германии, хотя здесь вопрос о необходимости подготовки марксистски мыслящих руководителей был поставлен даже раньше, чем вышло партийное постановление в Москве: уже в декабре 1945 г. возрожденная силами антифашистов (часть из них в ходе войны была в эмиграции в СССР, часть — во французском Сопротивлении, часть являлась военнопленными советских лагерей), проникшихся идеями Маркса, Энгельса, Ленина, Коммунистическая партия Германии принимает решение о создании Социального исследовательского института, основной задачей которого была именно подготовка кадров [10, s. 24]. Как выяснилось в дальнейшем, название оказалось полезным и дальновидно было использовано: именно исследования и именно социальных отношений (общественные науки) и были позже востребованы не только в Восточной Германии, но и в других странах социалистического содружества, в СССР в первую очередь.

Социальный исследовательский институт начал свою работу силами всего трех преподавателей — убежденных коммунистов, в том числе вернувшейся из эмиграции в СССР Лене Берг. Среди сорока первых слушателей были участники гражданской войны в Испании, узники фашистских концлагерей. На занятиях обсуждались острые темы недавней истории: решения VII Конгресса Коминтерна, на котором в вину социал-демократии была поставлена разобщенность германского рабочего класса, что способствовало приходу Гитлера к власти, заключение советско-германского пакта о ненападении в 1939 г., опыт СССР по построению социализма [10, s. 25].

В тот момент в Восточной Германии также активно начала действовать и Социал-демократическая партия Германии (СДПГ). Фактически и Коммунистическая партия Германии, и СДПГ «играли» на одном поле, было ясно, что такое положение не может сохраняться долго. 19 апреля 1946 г. произошло объединение двух политических сил, была создана Социалистическая единая партия Германии, чья деятельность распространялась только на восточную часть страны. Одно из первых решений правления СЕПГ 14 мая 1946 г. касалось именно подготовки партийных кадров — создается Высшая партийная школа им. Карла Маркса [10, s. 26]. Через пять лет, в 1951 г., организуется Институт общественных наук при ЦК СЕПГ, получивший в 1976 г. название Академии общественных наук (АОН) при ЦК СЕПГ. С 1951 по 1961 г. институт возглавляла Лене Берг [11, s. 7]. Ей на смену пришел специалист по политической экономии профессор Отто Рейнгольд¹, который оставался на должности директора института, а затем ректора Академии до 1989 г., т. е. практически до ликвидации АОН при ЦК СЕПГ в 1990 г.

Профессор Рейнгольд 38 лет возглавлял главную кузницу партийных кадров ГДР и во многом определял облик не только главного образовательного учреждения СЕПГ, но и всей системы высшей школы ГДР.

В отличие от академии в Москве, где ни один из ректоров никогда не входил в состав Центрального комитета партии, Отто Рейнгольд на протяжении десятилетий был членом ЦК СЕПГ, в отдельные годы (в 1963—1981 гг.) даже совмещал эту деятельность с руководством отделом в аппарате ЦК СЕПГ [13], имел широкие возможности для влияния на принятие решений. Это не означало, что сам он оставался вне контроля партийных органов, в первую очередь в лице секретаря по идеологии Курта Хагера,

¹ В объемном исследовании истории АОН при ЦК СЕПГ, которое было проведено Лотаром Мертенсом, есть фактическая ошибка: он указывает начало 1962 г. как время назначения О. Рейнгольда на должность директора [12, s. 57], однако и в личном деле Рейнгольда, хранящемся в Федеральном архиве Германии, указывается другая дата — 1961 г. [13]

с которым его связывали длительные доверительные, но все же деловые отношения с сохранением субординации и партийной этики. О. Рейнгольдт смог установить в вузе жесткую систему контроля за деятельностью профессоров и преподавателей, сотрудников и аспирантов. Эта система в ее основных чертах повторяла систему контроля в сфере образования других стран соцлагеря и в то же время имела особенности.

Номенклатура или элита? Руководящие партийные кадры

Институт (Академия) общественных наук при ЦК СЕПГ ориентировался на подготовку высших управленческих кадров, прежде всего для партийных комитетов в Берлине и округах страны. Идеологи ГДР избегали слова «номенклатура», никогда не говорилось и об элите (этот термин относили к лексикону буржуазных теорий построения общества), речь шла о «руководящей деятельности партии» по отношению к «массе рабочего класса» [11, s. 6]. Тем не менее зарубежные специалисты пытались понять, как выглядит, из кого состоит этот самый руководящий слой.

По оценкам социолога Герда Мейера, управленческий класс ГДР был сравним с тем, что был создан в других социалистических странах, прежде всего в СССР. Это был слой партийно-государственных бюрократов, сформированный по позиционному принципу: человек принадлежал к элите, если замещал высокую должность в аппарате, причем далеко не каждого органа или организации, а только избранных. По мнению Мейера, речь могла идти о тех, кто был в центральном аппарате СЕПГ, а также на руководящих должностях массовых организаций — молодежной, профсоюзной, женской, организации, объединявшей интеллигенцию («Kulturbund»), других четырех партий, действовавших в ГДР [14, s. 90]. Количественно им этот слой оценивался приблизительно в 460 должностей, причем, если учитывать совмещение многими людьми нескольких должностей, то речь вообще шла только о 330 лицах. Ядро же, которое действительно можно было считать руководящим, сводилось всего к 45—64 персонам (в зависимости от периода) [14, s. 91]. Вокруг этого слоя формировались своего рода концентрические круги профессионалов и специалистов в различных сферах деятельности, общественных активистов, являвшихся проводниками воли партии.

В отличие от Мейера, германские исследователи, изучавшие этот вопрос уже после объединения страны, считали, что слой элиты ГДР был значительно больше. Так, Петер Хюбнер, ссылаясь на других исследователей, полагал, что речь нужно вести также и о примерно четверти миллиона человек «служивого (или обслуживающего?) класса» социалистического государства, представители которого, хоть и не участвовали напрямую в принятии решений, тем не менее создавали комфортные условия для высших должностных лиц, выступали посредником между, например, членами ЦК и рядовыми партийцами, поставляли им нужную управленческую информацию, участвовали в формировании идеологической линии партии. По данным социологического исследования 1990 г., 17 % работающих в ГДР были служащими в том или ином аппарате [15, s. 10].

Еще один германский исследователь — Эберхард Шнайдер — указывал, что теоретиками выделяются разные типы элит на основе институционального, бихевиористского или репутационного подходов. В ГДР был функциональный тип правящего класса, связанный с должностью, которая (и это важно!) предполагает отправление власти [16, s. 15—19].

П. Хюбнер разделял подход Г. Мейера и М. Восленского [17] в том, что в советском типе общества именно должность делала человека частью элиты, и потому все крутилось именно вокруг этого: занять должность, не потерять должность. П. Хюбнер в своем вступлении к сборнику, посвященному проблемам элиты при социализме, привел интересную выдержку из публикации журнала «Фокус»: издатель Вольф Йобст Зидлер рассуждал о том,

что с приходом Красной армии на восток страны ситуация, и так тяжелая вследствие войны, существенно ухудшилась. Если нацисты изгнали из Германии евреев, которые занимали высокое положение в обществе, то после 1945 г. из ГДР спешно выехала вся аристократия, после блокады 1946—1948 гг. — все крупные землевладельцы и промышленники, а позже из страны разными способами пытался вырваться любой, кто хотел сделать карьеру, но не разделял коммунистических взглядов. Результат — «пустые регионы», включая Берлин, где не осталось людей, способных управлять [15, с. 11].

Именно этот вакуум и были призваны заполнить партийные учебные заведения, прежде всего Институт (Академия) общественных наук при ЦК СЕПГ и Высшая партийная школа им. Карла Маркса.

После создания объединенной партии — СЕПГ вектор ее развития был определен по советскому образцу. Это касалось и деятельности системы партийного образования.

В 1950-е гг. Институту общественных наук его московская «старшая сестра» передавала по просьбе первого секретаря ЦК СЕПГ В. Ульбрихта литературу [18, л. 47], принимала у себя для обмена опытом делегации руководителей и преподавателей ИОН [19, л. 122]. С 1955 г. в Берлин, как и в другие столицы социалистических стран, на постоянной основе стали отправлять советских аспирантов, чьи диссертационные исследования были посвящены международным проблемам [19, л. 148—159], и в свою очередь на обучение в другие города отправлялись немцы (к 1970-м гг. это стабильно были девять-десять человек в год [20, л. 107]).

Как и Академия в Москве, берлинский Институт общественных наук был нацелен на поствузовскую подготовку кадров: работала аспирантура, шли защиты диссертаций. Система присвоения научных степеней в ГДР отличалась от существовавшей в СССР: были доктора наук класса «А» и доктора наук класса «В», степень кандидата наук отсутствовала. Класс «А» предполагал защиту работы с обобщением практики и являлся первой ступенью в научной карьере (мог быть сравним с советской научной степенью кандидата наук), класс «В» предполагал вклад в теоретическую разработку проблем (как докторская степень в СССР) [21]. В Институте общественных наук при ЦК СЕПГ присваивались всего шесть научных степеней (в 1969 г. это было подтверждено министерством высшего и среднего специального образования страны): *doctor philosophiae* (Dr. phil.), *doctor oeconomicae* (Dr. oec.), *doctor rerum politicarum* (Dr. rer. pol.), *doctor scientiae philosophiae* (Dr. sc. phil.), *doctor scientiae oeconomicae* (Dr. sc. oec.), *doctor scientiae politicarum* (Dr. sc. pol.) [22], что приблизительно соответствовало советским степеням кандидата и доктора философских наук (кандидата и доктора экономических наук, кандидата и доктора политических наук в СССР не существовало).

Кроме этого, важной задачей Института была организация краткосрочных курсов повышения квалификации для ответственных партийных работников. В первые годы существования Института, правда, обучение было рассчитано на год и два года и предполагало прием людей даже без высшего образования. Но очень быстро от этого отказались, потому что контингент поступающих не соответствовал представлениям руководства ИОН о партийных работниках нового типа — теоретически подкованных и умевших обобщать собственный практический опыт работы в рядах СЕПГ.

Вся эта деятельность тщательно планировалась и контролировалась.

Набор аспирантов: быт, учеба, контроль

Процедура отбора в аспирантуру была с самого начала установлена следующим образом: в центральных партийных изданиях («Ноейс Дойчланд» или «Нойер вег») публиковалось объявление о наборе аспирантов. Тем, кто намеревался пойти на учебу, нужно было заручиться рекомендациями спе-

циально создававшихся на местах комиссий окружных комитетов партии, получить одобрение партийных бюро этих окружкомов. Затем отделы пропаганды этих комитетов отправляли документы возможного абитуриента в отдел науки и пропаганды при ЦК СЕПГ. Институт видел в качестве основного звена всей этой процедуры те самые комиссии, которые должны были дать первоначальное заключение о претенденте на учебу. Специально устанавливалось, что в этот орган должны были входить по должности начальник отдела руководящего органа (общий отдел в советском варианте), руководитель отдела пропаганды и агитации. Возглавлять комиссию должен был секретарь по идеологии. И только после его одобрения кандидат мог приезжать на экзамены. Для этого давался 14-дневный отпуск [23].

К первому набору в 1951 г. Институт подготовил список трудов, которые поступающие должны были знать: это были произведения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, Вальтера Ульбрихта, материалы съездов СЕПГ и ВКП(б). По завершении приема был составлен отчет, в котором указывались недостатки: практически все абитуриенты показали полное незнание партийной истории после 1945 г., не могли объяснить, почему было принято решение перейти к долгосрочному планированию в экономике ГДР, сказать, что означало для СЕПГ быть «партией нового типа» [23].

Составленный в 1954 г. отчет о приеме в Институт был весь пронизан жесткой критикой. По мнению руководства института, отбор 43 абитуриентов, который произвели комиссии на местах, был из рук вон плох, «большая часть ни по соображениям кадровой политики, ни по своей теоретической подготовке не отвечала требованиям трехгодичного обучения в аспирантуре». Главный недостаток — по своему должностному положению рекомендованные товарищи не подходили для Института, это были по преимуществу «периферийные» кадры, но не в смысле места жительства, а в смысле места занятости. Так, в Лейпциге для учебы в ИОН рекомендовали учителя, который не то что в истории партии не ориентировался, но и теоретической подготовки никакой не имел. Другой пример из Лейпцига — бывшая сотрудница секретариата окружного комитета партии, которая не имела достаточного практического опыта и, как выяснилось, во время восстания 17 июня 1953 г. в Лейпциге не только не противодействовала враждебным выступлениям студентов университета, но и фактически вставала на их сторону. В ходе собеседования уже в Берлине выяснилось, что она совсем не была рада перспективе длительное время оставаться без семьи и маленького ребенка. Список тех, кто совершенно не подходил под высокие критерии Института, был длинный. В конечном счете предлагалось на первых порах на обучение в один-два года, как это было тогда установлено, брать преимущественно выпускников Высшей партийной школы с соответствующей теоретической подготовкой. Впрочем, как показал прием 1954 г., и партийным работникам из столицы не было гарантировано зачисление: из семи абитуриентов был принят тогда один берлинец. Из остальных регионов страны принимали, как правило, половину из желающих. Были и такие крупные города и округа, откуда не было взято на обучение вообще ни одного человека: например, из Геры пробовали поступить четверо, из Потсдама — трое, из Зуля — двое, ни один не был принят. Отдельный порядок приема был для работников министерств и центрального аппарата партии, хотя и там первоначально проходил конкурс документов и только после утверждения в ЦК шли экзамены [24].

В целом вступительные экзамены аспиранты первых трех наборов выдержали плохо. Только 12,2 % во втором наборе и 9,4 % в четвертом (1955 г.) получили отличные оценки, ни один из абитуриентов первого и третьего наборов не получил высшего балла. Аспиранты 1954 г. набора

оказались самыми слабыми: на «хорошо» сдали 46,6 %, а на тройки — 51,7 % товарищей [25].

Институт стремился следовать на практике классовой теории и принимал на трехгодичное обучение в аспирантуре по преимуществу тех, кто происходил из рабочих: в первом наборе (декабрь 1951 г.) таких представителей было 82 %, во втором наборе (январь 1953 г.) — 84 %, в третьем наборе (февраль—сентябрь 1954 г.) — 95 %. Однако по своей основной специальности эти люди далеко не все были рабочими: в наборе 1951 г. они составляли 60 %, 1953 г. — 57 %, 1954 г. — 48 %. Одновременно росло число тех, кого можно было назвать не просто служащими, а именно аппаратчиками: в 1951 г. их доля составляла 22 %, в 1953 г. — 33 %, в 1954 г. — 36 % [25]. На глазах менялась социальная структура управляющего класса ГДР, в которой закономерно все возрастающую роль начинали играть именно бюрократы, партийные функционеры, они стремительно замещали тех самых старых управленцев, которым места в новой Германии просто не было, и показывали закономерный отход от догм классиков марксизма-ленинизма о народной сути социализма. С рабочей средой этот новый слой людей был связан только благодаря своим родителям, биография которых была для их детей пропуском во власть.

Подготовка первых обучавшихся в Институте была, как правило, партийная — до поступления в ИОН большинство из них оканчивали партшколы на местах, причем далеко не все имели высшее партийное образование (в 1954 г. — 28,6 %), более трети (38,8 %) вообще не проходили какого бы то ни было партийного обучения. Всего пятая часть получила высшее образование в вузах гражданской направленности, еще 27,6 % имели среднее специальное образование (сравнимо с образованием, полученным в советских техникумах) и 20,6 % закончили профессиональные школы (сравнимы с советскими ПТУ) [25]. Таким образом, значительный процент обучавшихся в первые годы в Институте вообще не имели высшего образования и профессиональной подготовки, но, видимо, проявили себя в практической работе.

На каждого аспиранта были составлены подробные справки-объективки с указанием всех значимых событий жизни, а также с кратким резюме по итогам собеседования [26]. Интересно и то, как стремительно менялся возрастной состав аспирантов: если в первом наборе средний возраст обучавшихся составлял 27,7 лет, то в четвертом наборе (сентябрь 1955 г.) — уже 30,7 лет [25]. Всего на учебу в аспирантуру в 1951 г. было принято 55 человек, в 1953 г. — 49, в 1954 г. — 58. Учитывалось также и то, где во время войны были в плену эти люди: в СССР или странах Запада [27].

Тем не менее учиться смогли далеко не все. Так, данные свидетельствуют, что из первого набора (который был, видимо, пополнен в течение трех лет и составлял 62 человека) более трети не дошли до финиша: трое были направлены на учебу в Москву, трое стали работать в качестве ассистентов в Институте, семеро сдали государственные экзамены экстерном без защиты диссертации, трое по болезни и пятеро из-за неукладчивости были отчислены. Только 34 человека, т. е. чуть больше половины работали над диссертацией. Еще хуже дело обстояло с аспирантами 1953 г. набора: из 50 человек над диссертациями работали только 23 [28].

Не удивительно, что жесткие требования, установленные в Институте, которым в то время руководила Лене Берг, привели к тому, что только в 1955 г. была защищена первая диссертация. Не менее удручающим был результат и в последующие несколько лет: в 1956 г. — 11 защищенных диссертаций, в 1957 г. — шесть, в 1958 г. — восемь, и только после 1959 г. Институт набрал нужный темп, добиваясь выхода на защиту максимального количества аспирантов [29].

Требовательность к работам была очень высокая. Научные руководители пристально следили за тем, сколько материала научного и эмпирического аспиранты проработали, насколько зрелыми стали их исследовательские поиски и выводы. Причем высчитывалось все это с немецкой педантичностью и скрупулезностью. Так, профессор Хоффман с кафедры германской истории, описывая готовность диссертации подопечного Хайнца Гралаппа, указывал, что литературу аспирант проштудировал на 30 %, газетных материалов — на 10 %, архивных данных — на 10—20 %. Закономерно, что ни подробного плана работы, ни общего представления, как писать о профсоюзной стачке в Берлине в 1932 г., у него не было. Намечался жесткий график сдачи глав, чтобы все-таки активизировать деятельность аспиранта [30, s. 3]. После такой оценки усердия руководство Института делало выводы не только в отношении аспирантов, но и в целом в отношении кафедры. Ей предписывалось усилить контроль за работой обучающихся, улучшить связь с партийной организацией Института (видимо, чтобы на аспирантов воздействовали еще и по партийной линии), четче организовывать обсуждение первых глав диссертационных исследований, в частности вопросов теории и т. д. [30, s. 16].

Нужно отметить, что аспирантский хлеб в ИОН не был легким. Очень часто людей использовали для организации и проведения различных партийных кампаний. Например, аспиранты кафедры КПСС все время были задействованы на разного рода мероприятиях. Так, Вернеру Грюнеру был установлен следующий график подготовки диссертации: 4 апреля 1955 г. — представление законченного текста, 15 апреля — автореферата к нему, июнь — защита. Но во внимание принималось то, что 13 недель из подготовки у него просто выпало: четыре недели болел, две недели работал в ЦК СЕПГ, участвуя в подготовке IV съезда партии, еще одна неделя прошла в районе Райхенбах (также подготовка к съезду) и шесть недель отняли внутрипартийные выборы. Примерно так же обстояли дела и у других аспирантов [31, s. 1].

Аспирантам в начале 1950-х гг., в отличие от тех, что учились позже в АОН при ЦК КПСС, которым сохранялся средний заработок по месту работы, платили единую стипендию, что уравнивало положение всех. Стипендия была небольшой — всего 100 марок ГДР в месяц, 40 марок в месяц выделялось на покупку книг, но эти деньги на руки не выдавались, а направлялись в магазин на оплату приобретенной литературы. Аспиранты с семьями получали ежемесячно 30 марок на каждого ребенка, 160 марок полагалось на съем жилья. Общий доход семьи был не менее 480 марок в месяц. Неженатые и незамужние аспиранты вместо семейных денег получали 10 % от своего прежнего заработка. Кроме того, неберлинцы обеспечивались всем необходимым в общежитии, оплата переезда в Берлин не предусматривалась [32].

Процедура отбора для поступления, утвержденная практика экзаменов, проживание аспирантов — все это создавало идеальную систему контроля над обучающимися в ходе учебы. Кафедры зорко следили не только за успеваемостью, но и за тем, насколько аспиранты прилежны, всю ли рекомендованную литературу читают, активны ли на занятиях. Интересно, что аспиранты первого набора даже не слушали лекции, вся работа шла в группах, где и необходимо было проявлять активность. Например, 22 аспиранта из тех, кто поступил в 1953 г. на кафедру КПСС (Lehrstuhl KPdSU), в течение 10 месяцев (561 час) посещали консультации, семинары, беседы, экзамены. В 1954 г. объем лекций составил 30 часов, в то время как консультации, семинары, дискуссии и другие активные формы занятий длились 614 часов. Также устраивались особые мероприятия: научная дискуссия, семинар по изучению материалов IV съезда СЕПГ, посещение выставок

и рекомендованных к просмотру фильмов [33]. Упор был сделан на индивидуализированную подготовку кадров, хотя формирование небольших исследовательских групп, укрепление личных связей аспирантов и их взаимный контроль также были обязательными целями обучения. Для ведения занятий нужны были преподаватели высокой квалификации и ответственности.

Между стабильностью и изменениями

Для немцев традиционно были чрезвычайно важны идеалы академической свободы. Университеты создавались в самых разных городах раздробленной страны. После наполеоновских войн, в 1816 г., под влиянием таких мыслителей, как братья Гумбольдты, Фихте, Гегель, Шеллинг, в Пруссии принимается университетский устав, который в модернизированном виде действовал и после объединения Германии в 1871 г. [34, с. 253—254] Он предоставлял широкую автономию университетам и профессуре. Даже император Вильгельм II, всерьез опасавшийся распространения социал-демократических взглядов в интеллигентской среде, не мог, действуя через собственное министерство образования, увольнять профессоров-вольнодумцев [35, s. 107].

Все изменилось после прихода к власти национал-социалистов. Многие ученые и преподаватели были изгнаны из университетов, уехали в эмиграцию. После войны в Западной Германии в соответствии с законодательством о чиновниках 1953 г. профессора стали государственными служащими¹. Однако порядок их назначения и увольнения предполагал активную работу самого научно-образовательного сообщества, опирался на традиции университетской автономии. Образование в ГДР по советскому образцу было огосударствлено, так что огромные полномочия по руководству вузами, в том числе по назначению и увольнению сотрудников, были у ректоров и ректоратов [36]. Институт общественных наук при ЦК СЕПГ в этом отношении был образцом.

Стабильность руководства партийным вузом совершенно не означала стабильности штатного расписания и кафедральной структуры. Институт, как и в последующем Академия, находился в постоянной динамике, и это было одним из важнейших инструментов управления коллективом преподавателей и сотрудников. Директор Института (позже — ректор Академии) Лене Берг и профессор Отто Рейнгольд создали уникальную систему управления коллективом, о которой можно судить по подробной статистике 1961 г., которая была подготовлена, скорее всего, ввиду смены руководства Института [37].

Структура Института была более чем компактной. В 1951 г. существовало всего несколько кафедр: марксистско-ленинской философии; политической экономии; германской истории; теории и истории литературы и искусства, истории КПСС [11, s. 10]. Поначалу на них работало 33 преподавателя. По преимуществу это были доценты, профессоров было всего три человека на весь Институт. На трех кафедрах было занято всего по четыре преподавателя, самыми большими по численности были кафедры философии (шесть человек), политической экономии (семь человек), германской истории (восемь человек). Самыми старшими по возрасту были сотрудники кафедры германской истории — профессор Эрнст Хоффманн (1912 года рождения) и доцент Лена Роггенбук (1914 года рождения). В основном же сотрудники были 1922—1928 годов рождения. Очевидно было, что для развития Институт остро нуждается в кадрах. Новые кадры подбирали из числа обучающихся кафедр, а именно тех, кто мог бы пополнить пре-

¹ В новой редакции Закон о федеральной государственной службе были принят 5 февраля 2009 г. Сотрудникам университетом адресован § 130 Wissenschaftliches und leitendes Personal der Hochschulen des Bundes.

подавательские ряды. В 1954 г. таких кандидатов на должность преподавателя было 48 [37].

Интересны вопросы, которые изучались на кафедрах. Например, на кафедре КПСС — история и опыт правящей партии Советского Союза, развитие СЕПГ, партийное строительство в ГДР. Кафедры истории СЕПГ ни в Институте, ни позже в Академии не существовало [38]. Это указывает на то, что развитие Социалистической единой партии Германии было как бы в подчинении (по крайней мере в плане исследования и преподавания) у КПСС. В качестве первоочередной задачи на кафедре германской истории, несмотря на название, стояло изучение актуальных вопросов развития Германии после 1945 г., а также истории Коммунистической партии Германии, созданной во время революции 1918 г. В центре внимания были также вопросы развития рабочего движения в XIX в. и другие проблемы [39]. К 1959 г. кафедра получает название истории рабочего движения [40].

К 1959 г. в Институте проходит реорганизация. В документах начинают фигурировать только четыре кафедры: политической экономики, философии, истории рабочего движения, теории и истории литературы и искусства [41].

После 1976 г. в Академии отходят от кафедральной системы, создается система институтов: марксистско-ленинской философии, политической экономики социализма; научного коммунизма; марксистско-ленинских наук о культуре и литературе; марксистско-ленинской социологии; международного рабочего движения; истории немецкого рабочего движения; истории экономики мировой социалистической системы [11, s. 10]. Сегодня это выглядит предтечей российской системы образования: многие вузы нашей страны в 2000-х гг. перешли на подобную систему внутреннего управления. К 1986 г. всего в АОН при ЦК СЕПГ было 500 сотрудников, из них 92 человека работали в ректорате, отделе кадров и библиотеке. Существенно, до 213 человек, увеличилось и количество аспирантов [12, s. 58].

Руководство вуза особое внимание уделяло бюрократической стороне деятельности профессором и доцентов. Они должны были фиксировать письменно все, что происходит в аудитории, кроме того, каждое структурное подразделение получило со временем собственные локальные акты, в которых детально регламентировалась деятельность, права и обязанности сотрудников.

Особый объект контроля в Институте — работа библиотеки. Ее сотрудники регулярно информировали руководство о новых поступлениях, а также о том, кто из преподавателей с какой активностью литературу изучает. В 1959 г. принимается решение напрямую подчинить библиотеку директору Института [42]. Библиотека пережила реорганизацию и была фактически объединена с переводческим бюро. Эта структура отвечала также за подготовку к публикации рекомендованных списков литературы, которые подлежали предварительно одобрению отделом науки ЦК СЕПГ [42]. Как и все библиотеки, она имела специальное хранилище, куда допускались далеко не все преподаватели. Книги, запрещенные в СССР, также попадали под замок [43].

Библиотека участвовала в организации обсуждений материалов пленумов ЦК партии, ее новых ключевых документов. Эти обсуждения проводились на всех кафедрах, преподаватели обязаны были показывать глубокое понимание сути документов, которые принимались ЦК [42]. Особенно масштабными подобными рода обсуждения были накануне каких-либо юбилеев. Например, 10-летие ГДР в 1959 г. отмечалось с размахом: была запланирована научная конференция с 23 докладами [44]. Руководители кафедр и руководство Института внимательно следили за подготовкой докладов, изучая регулярные отчеты с указанием, кто из профессором и доцентов какие тексты докладов сдал, как они были оценены [45].

С советской моделью плановой экономики немцы пошли дальше, чем в СССР: в Институте общественных наук при ЦК СЕПГ разработали семилетний план научно-исследовательских работ [46]. В нем ясно было выражено требование к профессорам и доцентам не ограничиваться обобщением фактов и явлений практики, а вносить вклад в разработку теории марксизма. В план был включен тезис о единстве в ГДР политики и общественной науки: «Исследования служат научным обоснованием и основой для проведения политики партии, они пронизывают политику партии». Также указывалось, что исследования должны стать основой преподавания в Институте: «План исследований и учебный план должны друг друга взаимно определять. Темы учебного плана должны становиться исследовательскими темами, и наоборот» [46]. В 1986 г. решением Политбюро ЦК СЕПГ будет принят единый («центральный») для всех вузов и научных организаций план общественно-политических исследований до 1990 г.

Лекции и семинары находились под пристальным вниманием руководства кафедр Института: преподавателями заранее составлялись подробные планы занятий, в них указывалась и литература, которую аспиранты должны были проработать самостоятельно, по преимуществу это были текущие партийные документы и фундаментальные труды классиков марксизма-ленинизма. Преподаватели обязаны были проверять аспирантские конспекты таких работ, как «Материализм и эмпириокритицизм» В. И. Ленина или «Капитал» К. Маркса [40]. Также им вменялось в обязанность не только вести занятия, но и самим постоянно учиться, заниматься исследованиями и вести воспитательную работу с аспирантами, несмотря на то, что на обучении находились взрослые люди [39].

Контроль над деятельностью преподавателей устанавливался и иными методами. Так, учитывалось, в каких конференциях преподаватели принимали участие. Например, в 1960 г. они были задействованы в семи «центральных» конференциях, четырех конференциях, организованных кафедрами Института, а также в 62 конференциях за пределами Института [47]. Эти конференции в отчетах описывались с максимальной подробностью: кто и с какими идеями на них выступал, включая тех, кто не работал в Институте.

Особое внимание уделялось публикационной активности преподавателей, которая росла год от года: если в 1953 г. всего одна книга вышла в свет, а в 1954 г. — две, то в 1959 г. — 42, а в 1960 г. — 43 (книги, брошюры, сборники) [48]. Статей же в научных журналах насчитывалось еще больше: в 1959 г. — 95, а в 1960 г. — 130 [49].

Первостепенное значение придавалось публикациям за рубежом. ГДР, как и СССР после войны, видела собственную задачу в укреплении связей внутри социалистического лагеря, и территориальная близость, сходство судьбы, а также курс руководства Института (Академии) побуждали активно развивать эти контакты. Возможность быть включенными в международные обмены была для граждан ГДР абсолютной привилегией. Только те, кто относился к элитарным слоям общества, занимал соответствующие должности, работал в партийно-государственных структурах (и то не всех), могли рассчитывать на общение с иностранными коллегами, иметь доступ к зарубежной литературе, верх признания — осуществить служебную поездку за рубеж. В этом отношении Институт (Академия) при ЦК СЕПГ была такой организацией, причастность к которой давала привилегию участвовать в международной жизни страны. Так, к 1961 г. преподаватели всех кафедр публиковались в Чехословакии, Венгрии, Румынии, в СССР. Работы выходили также и в Италии, Нидерландах, Западной Германии, других странах [50]. Это вовсе не означало, что все преподаватели могли свободно ездить на конференции в эти страны. На конференции выезжали

по преимуществу руководители Института (Академии), заведующие кафедрами, отдельные авторы. Например, во многих соцстранах публиковались Штефан Дёрнберг и Йоханнес Целт с кафедры истории рабочего движения, причем каждый из них выступал с совершенно разными темами — от критики монополистического капитала до исторических итогов Октябрьской революции в России. Целый ряд статей был фактически одной и той же работой, переведенной на несколько языков и изданной в нескольких странах. Так, о роли германских коммунистов в Венгерской Республике Йоханнес Целт опубликовал статью и на русском, и на венгерском языках, как ранее и на немецком [50]. Но главным представителем Института и позже Академии за рубежом был Отто Рейнгольд, он особенно часто выезжал в Японию, Италию, Францию [51].

Под контролем была и внеинститутская активность преподавателей. Обязательным предметом контроля оставалась работа, как правило на общественных началах, в разного рода комиссиях и редколлегиях газет и журналов. Сведения собирались о каждом из сотрудников: в какой именно комиссии человек был представлен, как часто проходили заседания, чему они посвящались (таблица).

Участие преподавателей Института общественных наук при ЦК СЕПГ в научных комиссиях за пределами Института (1962) [52]

Participation of teachers of the Institute of Social Sciences of the SED Central Committee in academic panels outside the Institute (1962) [52]

Научные комиссии и редакции, в работе которых принимали участие сотрудники Института	Количество сотрудников Института, участвовавших в работе	Количество комиссий с участием сотрудников Института
Партийные комиссии	25	24
Редакции научных журналов, газет и т. д.	25	32
Комиссии научных институтов, академий, университетов, министерств, предприятий	56	66
Комиссии общественных организаций	23	26

Иерархии и социальные дистанции

При формировании новой элиты в социалистической ГДР обнаруживались иные социальные маркеры принадлежности к избранному слою. Работа в престижном Институте (Академии) общественных наук при ЦК СЕПГ уже была несомненной привилегией, а факт работы на должности профессора или доцента этого вуза уже говорил о высоком общественном статусе человека.

Однако была и обратная сторона: высокий статус сотрудника АОН при ЦК СЕПГ был связан с безусловным подчинением устанавливаемым порядкам, ежеминутным контролем за выполнением обязанностей, за действиями, ходом мысли, общением с коллегами, участием в обязательных мероприятиях, проявлением рвения в деле пропаганды марксистско-ленинских идей. Так, сверху предписывалось, как именно нужно трактовать те или иные события политической жизни, или не трактовать их вообще. Например, при обсуждении доклада Н. С. Хрущева «О культе личности Сталина» на XX съезде КПСС было предписано подчеркивать, что «при социализме не каждое движение может быть свободным от демагогии» и что на съезде не было дано «никакого анализа развития социализма в других странах» [53]. То есть ГДР намерена была следовать и следовала уже ранее взятому курсу. Правильно указывал исследователь истории АОН при ЦК СЕПГ Лотар Мертенс: «Как и все прочие мировоззренческие дик-

татуры, режим СЕПГ пропагандировал оптимизм своего прогресса» [12, s. 11]. Это проявилось со всей силой в 1961 г.: ни одного заседания ни одной из кафедр не было посвящено строительству 13 августа Берлинской стены. Не было обсуждения и событий в Венгрии 1956 г. или в Чехословакии 1968 г. Своего рода политическая омерта по поводу не одобряемых партией событий и явлений была обязательным элементом жизни сотрудников Академии, как и в целом социалистической элиты.

Система отношений в АОН была пропитана лицемерием. Членам СЕПГ было принято друг к другу обращаться на «ты». Так, переписка О. Рейнгольда с секретарем ЦК СЕПГ К. Хагером — это исключительно теплое общение с обязательным товарищеским «ты». Однако, по свидетельству самих сотрудников Академии, дистанции между профессорами и ассистентами, между преподавателями и О. Рейнгольдом были непреодолимыми: рядовые сотрудники коллектива видели своего директора/ректора в лучшем случае два раза в год — на отчетном собрании партийной организации и на профсоюзном собрании. Обратиться напрямую к ректору было для преподавателя делом неслыханным, выстроенная система иерархии предписывала общение только с линейными руководителями, заведующими кафедрами по всем вопросам работы и жизни, а те в свою очередь могли донести ту или иную информацию не иначе как через заместителей ректора. Редко общественно-политические вопросы критического толка поднимались на совещаниях с ректором. Ректор был доступен только узкому кругу приближенных, и это правило не менялось десятилетиями¹.

Позже лицемерие системы проявилось и в 1984 г. в истории с бегством младшей дочери ректора от первого брака в Федеративную Республику Германия. О. Рейнгольд по этому поводу писал объяснительную записку секретарю ЦК СЕПГ К. Хагеру. Вопреки распространенной практике, он не только не получил какого бы то ни было взыскания, но и продолжал поездки за рубеж [51]. Оказалось, что элита в ГДР имеет и еще одну преференцию — не нести ответственности за родственников, которые совершают противоправные (с точки зрения системы власти в то время) действия.

Т. Веблен в своей «Теории праздного класса» представил обобщенный образ элиты и вывел: «Функция праздного класса в развитии общества — препятствовать движению, сохраняя то, что устарело... Богатый класс противится нововведениям потому, что у него есть закрепленное законом право на собственность — недостойная материальная заинтересованность в сохранении существующих условий» [54, с. 208].

Нежелание что бы то ни было менять в полной мере было присуще элите ГДР, в том числе сотрудникам АОН при ЦК СЕПГ. Так, партийная верхушка не приняла перестройку и по-новому выстраивала отношения с СССР, критикуя действия советских товарищей. В сентябре 1984 г. делегация АОН при ЦК КПСС приняла участие в конференции по случаю 35-летия ГДР, проходившей в Берлине и Ростове. По возвращении в Москву был подготовлен отчет о встречах, на которых высказывались суждения, оценки, которые, по мнению составителей отчета, могли представлять интерес. Так, на заключительном приеме, устроенном в честь участников конференции, ректор АОН при ЦК СЕПГ О. Рейнгольд в беседе с главой делегации, секретарем партийной организации АОН при ЦК КПСС Н. И. Кондаковой, говорил о том, что «советская печать не всегда точно выбирает цель для критики реваншизма, и это может способствовать переходу некоторых людей в ФРГ в лагерь реваншистов. Нужно четче представлять себе, кто является реваншистом, а кто нет, и использовать имеющиеся в обществе ФРГ противоречия для борьбы за мир против реваншизма. Г. Коль, например, не является реваншистом». Эту же тему, но с другой стороны, затронула в бе-

¹ Из интервью автору бывшего преподавателя АОН при ЦК СЕПГ В. Хеделера.

седе с участником конференции А. А. Мацневым замещавшая должность консультанта ЦК СЕПГ Лене Берг. Она заметила, что бороться против реваншизма, конечно, нужно, но это необходимо делать так, чтобы не наносить ущерба движению сторонников мира в ФРГ, чтобы не отвлекать их внимания от главной цели антивоенного движения. «В целом создается впечатление, что эти товарищи очень боятся обидеть кого-то из политиков ФРГ», — делали свой вывод советские эксперты [55, л. 6—7].

Заключение

Стабильность кадров в ГДР вела со временем к старению партийных кадров. Как показывают статистические данные, проанализированные Гердом Мейером, с 1971 по 1989 гг. почти вдвое сократилось количество членов ЦК СЕПГ в возрасте до 40 лет; вчетверо — в возрасте от 41 года до 48 лет; но вдвое увеличилось количество тех, кому было от 49 лет до 61 года; вдвое выросло число тех, кому было от 62 до 75 лет и практически на прежнем уровне оставалось число тех, кому было более 71 года [56, s. 152].

И такие люди, как Курт Хагер, Отто Рнейнгольд, Лене Берг по-прежнему определяли образ мысли своих сограждан.

В то же время социалистическая элита не была в полном смысле «праздным классом», как писал Т. Веблен. Это был, по сути, трудящийся класс, находившийся под неусыпным контролем у вышестоящих руководителей партии. Для сохранения своих должностей следовало каждый день доказывать свою нужность и незаменимость. Это был класс, представители которого, связанные длительными рабочими отношениями, не позволяли пускать в свои ряды непроверенных чужаков. Закономерным было то, что эти люди не смогли увидеть будущего и уберечься от него: Академия при ЦК СЕПГ прекратила свое существование вскоре после того, как рухнула Берлинская стена. В 1989 г. на короткое время был назначен новый ректор, под руководством которого коллектив Академии принял решение о самороспуске вуза. Позже на улице Таубенштрассе 19 даже само здание АОН было снесено, сегодня вместо него построен офисный центр.

Правящий класс ГДР исчез в борьбе за выживание: по свидетельству бывшего сотрудника Академии В. Хеделера, лишь немногим удалось остаться в науке, реализуя отдельные проекты, большинство же преподавателей переквалифицировались в страховых агентов или сидели без работы. К сожалению, социологических исследований о судьбе этих людей в современной Германии не найти. Лишь включенное наблюдение свидетельствует о том, что объединение страны не оставило хотя бы какого-нибудь значимого места для бывшей элиты в элите нынешней.

Список источников

1. Андрюшин Е. Н. Государственный социализм без ретуши и фальши: страницы теории и истории. М. : Спутник +, 2020. 245 с.
2. Водолазов Г. Г. Социализм после Октября. Вода живая и мертвая. М. : Политическая энциклопедия, 2022. 415 с.
3. Исайчиков В. Ф. Политическая экономия: от решения старых проблем к постановке новых задач: классовый анализ советского социализма и прогноз развития общества. Кризис прогнозов. Прогноз кризисов. М. : ЛЕНАНД, 2023. 480 с.
4. Лэйн Д. Капиталистическая трансформация государственного социализма: создание и развал государственного социализма и что произошло дальше : моногр. : пер. с англ. М. : ИНИР им. С. Ю. Витте, 2022. 309 с.
5. Социализм — творческая сила истории. Признаки в глобальных миропроцессах : коллектив. моногр. / [А. И. Аганин, В. Э. Багдасарян, И. М. Братищев и др.]; под науч. ред. И. М. Братищева. М. : СОТИС, 2024. 744 с.
6. Станкевичюс А. М. Социализм: история благих намерений. СПб. : Реноме, 2022. 648 с.

7. Чжан Ифэй. Капитализм, коммунизм и социализм: взгляд на историю общественной мысли. СПб. : Свет : Нестор-История, 2022.
8. О подготовке и переподготовке руководящих партийных и советских кадров : постановление ЦК ВКП(б) от 2 авг. 1946 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986). Т. 8. 1946—1955 гг. 9-е изд., доп. и испр. М. : Политиздат, 1985. С. 39—48.
9. Parionova T. «Doresc să se prezinte ca parteneri egali»: relațiile dintre România și URSS în anii 1950 și 1970 în documentele școlilor de partid sovietic // Archiva Moldaviae (Iași, România). 2021. XIII. P. 219—238.
10. Abraham H. Neubeginn auf reichen Traditionen. Gedanken zur Gruendung der Parteihochschule «Karl Marx» // Parteihochschule «Karl Marx» beim ZK der SED: Festschrift zum 20. Jahrestag unserer Partei. Berlin, 1966. S. 21—29.
11. Akademie der Gesellschaftswissenschaften beim ZK der SED. 1951—1981. Berlin, 1981. 148 s.
12. Mertens L. Rote Denkfabrik?: Die Akademie für Gesellschaftswissenschaften beim ZK der SED. Münster: Lit-Verl., 2004. 495 s.
13. Bundesarchiv (BArch). DY 30/93081.
14. Meyer G. Die politische Elite der DDR // Der Bürger im Staat. 1983. N 2. 90—98 s.
15. Eliten im Sozialismus. Beiträge zur sozialgeschichte der DDR / Peter Hübner (Hrsg.). Köln : Weimar ; Wien : Böhlau Verlag, 1999. 476 s.
16. Schneider E. Die politische Funktionselite der DDR. Eine empirische Studie zur SED-Nomenklature. Opladen : Westdeutscher Verlag, 1999. 268 s.
17. Восленский М. С. Номенклатура: господствующий класс Советского Союза. М. : Советская Россия ; Октябрь, 1991. 670 с.
18. Российский государственных архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 14.
19. РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2/с. Д. 4.
20. РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2. Д. 125.
21. Promotionsrecht in der Deutschen Demokratischen Republik. Berlin : Ministerium für Hoch- und Fachschulwesen ; Rat für akademische Grade, 1969.
22. Dem Wissenschaftlichem Rat... Berlin, am 1. September 1969 // BArch. DY/30/22148.
23. BArch. DY 30/22153.
24. Bericht über die Auswahl der Aspiranten für das Institut für Gesellschaftswissenschaften beim Zentralkomitee der SED // BArch. DY 30/22153.
25. Vergleichsübersicht der Analysen der drei Dreijahreslehrgänge // BArch. DY 30/38467.
26. Vorliegende Anträge auf Zulassung zur außerplanmäßigen Aspirantur // BArch. DY 30/38473.
27. Vergleichsübersicht der Analysen der vier Lehrgänge // BArch. DY 30/38467.
28. Übersicht über den 1. Dreijahreslehrgang // BArch. DY 30/38467.
29. Anlage. Arbeitsergebnisse des Instituts. Berlin, den 31.7.1961 // BArch. DY 30/38468.
30. Lehrstuhl Deutsche Geschichte. 16.11.1954 // BArch. DY 30/38473.
31. An die Direktion des Instituts. 9.11.1954 // BArch. DY 30/38473.
32. Merkblatt // BArch. DY 30/22153.
33. Lehrstuhl KPdSU. 21.2.1955 // BArch. DY 30/38467.
34. Дёмин М. Немецкий университет XIX века и дисциплинарная специализация философии // Логос. 2013. № 1(91). С. 240—261.
35. Clark Chr. Wilhelm II. Die Herrschaft letzten deutschen Kaisers. München : Pantheon, 2009. 414 s.
36. Jessen R. Akademische Elite und kommunistische Diktatur in der Ulbricht-Ära. Göttingen : Vandenhoeck&Ruprecht, 1999. 552 s.
37. Lehrkörper des Instituts fuer Gesellschaftswissenschaften beim ZK der SED. Berlin, den 19.12.1955 // BArch. DY/30/38473.
38. Lehrstuhl für Geschichte der KPdSU. 1.6.1954 // BArch. DY 30/38473.
39. Lehrstuhl: Deutsche Geschichte. 1.6.1954 // BArch. DY 30/38473.
40. Lehrstuhl: Geschichte der Arbeiterbewegung. Berlin, den 19.8.1959 // BArch. DY/30/86139.
41. II. Konferenzen (ausschliesslich grösserer Diskussionen). Berlin, den 6.10.1961 // BArch. DY 30/38468.
42. Beschlußprotokoll der Institutsleitungssitzung vom 8.6.1959 // BArch. DY 30/86139.
43. Hamann O. Sowjetliteratur fuer den Giftschränk die Werke Solschenizyns in den Sammlungen der Deutschen Staatsbibliothek Berlin bis 1989 // Bibliotheksmagazin. 2018. N 3. S. 25—31.
44. Protokoll der Direktionssitzung vom 3. August 1959 // BArch. DY 30/86139.
45. Sicherung der Beiträge zur wissenschaftlichen Konferenz anlässlich des 10. Jahrestages der DDR // BArch. DY 30/86139.
46. Allgemeine Richtlinien für der 7-Jahrplan der Forschungsarbeit des Instituts fuer Gesellschaftswissenschaften beim ZK der SED von 1959-65 // BArch. DY 30/86139.

47. Statistische Übersicht über die wissenschaftlichen Konferenzen. Berlin, den 12.1.1961 // BArch. DY 30/38468.
48. Statistik der Bücher, Broschüren und Sammelbände. Berlin, den 13.1.1961 // BArch. DY 30/38468.
49. Direktion. 5.4.1961 // BArch. DY 30/38468.
50. Zusammenstellung 1) der Veröffentlichungen von Mitarbeitern des Instituts in Ausland; 2) der Rezensionen über Arbeiten von Mitarbeitern des Instituts in Ausland. Berlin, den 12.1.1961 // BArch. DY 30/38468.
51. BArch. DY 30/93081.
52. Statistische Übersicht über die Mitarbeit der Mitglieder der Lehrstühle in Kommissionen außerhalb des Instituts. Berlin, den 2.2.1962 // BArch. DY 30/38468.
53. Diskussionsbeitrag fuer die erweiterte Lehrstuhlsitzung am 28.7.1956 // BArch. DY 30/86175.
54. Веблен Т. Теория праздного класса : пер.с англ. М. : ЛИБРОКОМ, 2016. 366 с.
55. РГАСПИ. Ф. 606. Оп. 2с. Д. 395.
56. Meyer G. Die DDR-Machtelite in der Ära Honecker. Tübingen : Franke, 1991. 495 s.

References

1. Andryushin E.N. Gosudarstvennyy sotsializm bez retushi i fal'shi: stranitsy teorii i istorii [State Socialism without Retouching and Falsity: Pages of Theory and History]. Moscow, Sputnik +, 2020, 245 p.
2. Vodolazov G.G. Sotsializm posle Oktyabrya. Voda zhivaya i mertvaya [Socialism after October. Living Water and Healing Water]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2022, 415 p.
3. Isaychikov V.F. Politicheskaya ekonomiya: ot resheniya starykh problem k postanovke novykh zadach: klassovyy analiz sovetskogo sotsializma i prognoz razvitiya obshchestva. Krizis prognozov. Prognoz krizisov [Political Economy: from Solving Old Problems to Setting New Tasks: Class Analysis of Soviet Socialism and Forecasting the Development of Society. The Crisis of Forecasts. Forecasting Crises]. Moscow, LENAND, 2023, 480 p.
4. Leyn D. Kapitalisticheskaya transformatsiya gosudarstvennogo sotsializma: sozdanie i razval gosudarstvennogo sotsializma i chto proizoshlo dal'she [The Capitalist Transformation of State Socialism: the Creation and Collapse of State Socialism and What Happened Next], monogr. Moscow, INIR im. S.Yu. Vitte, 2022, 309 p. (in Russ.).
5. Aganin A.I., Bagdasaryan V.E., Bratishchev I.M. et al., Bratishcheva I.M. (ed.) Sotsializm - tvorcheskaya sila istorii. Priznaki v global'nykh miroprotsessakh [Socialism is the Creative Force of History. Signs in Global World Processes], kollektiv. monogr. Moscow, SOTIS, 2024, 744 p.
6. Stankevichyus A.M. Sotsializm: istoriya blagikh namereniy [Good Socialism: a Story of Intentions]. Saint-Petersburg, Renome, 2022, 648 p.
7. Chzhan Ifey. Kapitalizm, kommunizm i sotsializm: vzglyad na istoriyu obshchestvennoy mysli [Capitalism, Communism and Socialism: A Look at the History of Social Thought]. Saint-Petersburg, Svet, Nestor-Istoriya, 2022.
8. O podgotovke i perepodgotovke rukovodyashchikh partiynykh i sovetskikh kadrov [On Training and Retraining of Leading Party and Soviet Cadres], postanovlenie TsK VKP(b) 2 August 1946, *Kommunisticheskaya partiya Sovetskogo Soyuz v rezolyutsiyakh i resheniyakh s"ezdov, konferentsiy i plenumov TsK (1898—1986). T. 8. 1946—1955 gg.* [The Communist Party of the Soviet Union in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee (1898-1986). Vol. 8. 1946-1955], ed. 9. Moscow, Politizdat, 1985, pp. 39-48.
9. Ilarionova T. "Doresc să se prezinte ca parteneri egali": relațiile dintre România și URSS în anii 1950 și 1970 în documentele școlilor de partid sovietic ["Willing to Present Themselves as Equal Partners": Relations Between Romania and the USSR in the 1950s and 1970s in the Documents of Soviet Party Schools], *Archiva Moldaviae (Iași, România)* [Archiva Moldaviae (Iași, Romania)], 2021, XIII, pp. 219-238.
10. Abraham H. Neubeginn auf reichen Traditionen. Gedanken zur Gruendung der Parteihochschule "Karl Marx" [A New Beginning Based on Rich Traditions. Thoughts on the Founding of the "Karl Marx" Party School], *Parteihochschule "Karl Marx" beim ZK der SED: Festschrift zum 20. Jahrestag unserer Partei* [Party University "Karl Marx" at the Central Committee of the SED: Commemorative Publication on the 20th Anniversary of Our Party]. Berlin, 1966, pp. 21-29.
11. Akademie der Gesellschaftswissenschaften beim ZK der SED. 1951-1981 [Academy of Social Sciences at the Central Committee of the SED. 1951-1981]. Berlin, 1981, 148 p.
12. Mertens L. Rote Denkfabrik?: Die Akademie für Gesellschaftswissenschaften beim ZK der SED [The Red Think Tank?: The Academy of Social Sciences at the Central Committee of the SED]. Münster, Lit-Verl., 2004, 495 p.
13. Bundesarchiv (BArch) [Federal Archives (BArch)], DY 30/93081.

14. Meyer G. Die politische Elite der DDR [The Political Elite of the GDR], *Der Bürger im Staat [The Citizen in the State]*, 1983, no. 2, 90-98 p.
15. Hübner Peter (ed.) Eliten im Sozialismus. Beiträge zur sozialgeschichte der DDR [Elites under Socialism. Contributions to the Social History of the GDR]. Köln, Weimar, Wien, Böhlau Verlag, 1999, 476 p.
16. Schneider E. Die politische Funktionselite der DDR. Eine empirische Studie zur SED-Nomenklature [The Political Functional Elite of the GDR. An Empirical Study of the SED Nomenclature]. Opladen, Westdeutscher Verlag, 1999, 268 p.
17. Voslenskiy M.S. Nomenklatura: gospodstvuyushchiy klass Sovetskogo Soyuza [Nomenklatura: the Ruling Class of the Soviet Union]. Moscow, Sovetskaya Rossiya, Oktyabr', 1991, 670 p.
18. Rossiyskiy gosudarstvennykh arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI) [Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI)], coll. 606, aids. 2/s, fol. 14.
19. RGASPI, coll. 606, aids. 2/s, fol. 4.
20. RGASPI, coll. 606, aids. 2, fol. 125.
21. Promotionsrecht in der Deutschen Demokratischen Republik [Right to Award Doctorates in the German Democratic Republic]. Berlin, Ministerium für Hoch- und Fachschulwesen, Rat für akademische Grade, 1969.
22. Dem Wissenschaftlichem Rat... [The Scientific Council...], Berlin, am 1. September 1969, *BArch*, DY/30/22148.
23. *BArch*, DY 30/22153.
24. Bericht über die Auswahl der Aspiranten für das Institut für Gesellschaftswissenschaften beim Zentralkomitee der SED [Report on the Selection of Candidates for the Institute for Social Sciences at the Central Committee of the SED], *BArch*, DY 30/22153.
25. Vergleichsübersicht der Analysen der drei Dreijahreslehrgänge [Comparative Overview of the Analyses of the Three 3-year Courses], *BArch*, DY 30/38467.
26. Vorliegende Anträge auf Zulassung zur außerplanmäßigen Aspirantur [Existing Applications for Admission to the Extracurricular Post-Graduate Program], *BArch*, DY 30/38473.
27. Vergleichsübersicht der Analysen der vier Lehrgänge [Comparative Overview of the Analyses of the Four Courses], *BArch*, DY 30/38467.
28. Übersicht über den 1. Dreijahreslehrgang [Overview of the 1st Three-Year Course], *BArch*, DY 30/38467.
29. Anlage. Arbeitsergebnisse des Instituts. Berlin, den 31.7.1961 [Appendix. Work Results of the Institute], *BArch*, DY 30/38468.
30. Lehrstuhl Deutsche Geschichte. 16.11.1954 [Chair of German History. 16.11.1954], *BArch*, DY 30/38473.
31. An die Direktion des Instituts. 9.11.1954 [To the Administration of the Institute. 9.11.1954], *BArch*, DY 30/38473.
32. Merkblatt [Instruction sheet], *BArch*, DY 30/22153.
33. Lehrstuhl KPdSU. 21.2.1955 [Chair KPdSU. 21.2.1955], *BArch*, DY 30/38467.
34. Demin M. Nemetskiy universitet XIX veka i distsiplinarnaya spetsializatsiya filosofii [The Nineteenth-Century German University and the Disciplinary Specialization of Philosophy], *Logos*, 2013, no. 1(91), pp. 240-261.
35. Clark Chr. Wilhelm II. Die Herrschaft letzten deutschen Kaisers [The Reign of the Last German Emperor]. München, Pantheon, 2009, 414 p.
36. Jessen R. Akademische Elite und kommunistische Diktatur in der Ulbricht-Ära [Academic Elite and Communist Dictatorship in the Ulbricht Era]. Göttingen, Vandenhoeck&Ruprecht, 1999, 552 p.
37. Lehrkörper des Instituts fuer Gesellschaftswissenschaften beim ZK der SED. Berlin, den 19.12.1955 [Faculty of the Institute for Social Sciences at the Central Committee of the SED. Berlin, 19.12.1955], *BArch*, DY/30/38473.
38. Lehrstuhl für Geschichte der KPdSU. 1.6.1954 [Chair of the History of the CPSU. 1.6.1954], *BArch*, DY 30/38473.
39. Lehrstuhl: Deutsche Geschichte. 1.6.1954 [Chair: German History. 1.6.1954], *BArch*, DY 30/38473.
40. Lehrstuhl: Geschichte der Arbeiterbewegung. Berlin, den 19.8.1959 [Chair: History of the Labor Movement. Berlin, August 19, 1959], *BArch*, DY/30/86139.
41. II. Konferenzen (ausschliesslich grösserer Diskussionen). Berlin, den 6.10.1961 [II Conferences (excluding major discussions). Berlin, October 6, 1961], *BArch*, DY 30/38468.
42. Beschlußprotokoll der Institutsleitungssitzung vom 8.6.1959 [Minutes of the Meeting of the Institute's Administration on June 8, 1959], *BArch*, DY 30/86139.
43. Hamann O. Sowjetliteratur fuer den Giftschrank die Werke Solschenizyns in den Sammlungen der Deutschen Staatsbibliothek Berlin bis 1989 [Soviet Literature for the Poison Cabinet Solzhenitsyn's

- Works in the Collections of the German State Library Berlin until 1989], *Bibliotheksmagazin* [Library Magazine], 2018, no. 3, pp. 25-31.
44. Protokoll der Direktionssitzung vom 3. August 1959 [Minutes of the Administration Meeting on August 3, 1959], *BArch*, DY 30/86139.
45. Sicherung der Beiträge zur wissenschaftlichen Konferenz anlässlich des 10. Jahrestages der DDR [Securing the Contributions to the Scientific Conference on the 10th anniversary of the GDR], *BArch*, DY 30/86139.
46. Allgemeine Richtlinien für der 7-Jahrplan der Forschung-sarbeit des Instituts fuer Gesellschaftswissenschaften beim ZK der SED von 1959-65 [General Guidelines for the 7-Year Research Plan of the Institute for Social Sciences at the Central Committee of the SED from 1959-1965], *BArch*, DY 30/86139.
47. Statistische Übersicht über die wissenschaftlichen Konferenzen. Berlin, den 12.1.1961 [Statistical Overview of the Scientific Conferences. Berlin, January 12, 1961], *BArch*, DY 30/38468.
48. Statistik der Bücher, Broschüren und Sammelbände. Berlin, den 13.1.1961 [Statistics on Books, Brochures and Anthologies. Berlin, January 13, 1961], *BArch*, DY 30/38468.
49. Direktion. 5.4.1961 [Administration. 5.4.1961], *BArch*, DY 30/38468.
50. Zusammenstellung 1) der Veröffentlichungen von Mi-tarbeitern des Instituts in Ausland; 2) der Rezensionen über Ar-beiten von Mitarbeitern des Insitituts in Ausland. Berlin, den 12.1.1961 [Compilation of 1) Publications by Institute Staff Abroad; 2) Reviews of Works by Institute Staff Abroad. Berlin, 12.1.1961], *BArch*, DY 30/38468.
51. *BArch*, DY 30/93081.
52. Statistische Übersicht über die Mitarbeit der Mitglieder der Lehrstühle in Kommissionen außerhalb des Instituts. Berlin, den 2.2.1962 [Statistical Overview of the Participation of Members of the Chairs in Panels outside the Institute. Berlin, 2.2.1962], *BArch*, DY 30/38468.
53. Diskussionsbeitrag fuer die erweiterte Lehrstuhlsitzung am 28.7.1956 [Discussion Paper for the Extended Chair Meeting on 28.7.1956], *BArch*, DY 30/86175.
54. Veblen T. Teoriya prazdnogo klassa [The Theory of the Idle Class]. Moscow, LIBROKOM, 2016, 366 p.
55. *RGASPI*, coll. 606, aids. 2s, fol. 395.
56. Meyer G. Die DDR-Machtelite in der Ära Honecker [The GDR Power Elite in the Honecker Era]. Tübingen, Franke, 1991, 495 p.

Информация об авторе

Иларионова Татьяна Семеновна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация. E-mail: ilarionovat@mail.ru

Information about the author

Tatiana S. Ilarionova — Doctor of Philosophical Science, Professor of the Department of State and Municipal Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation. E-mail: ilarionovat@mail.ru

Статья поступила в редакцию 29.08.2024; одобрена после рецензирования 15.10.2024; принята к публикации 16.10.2024.

The article was submitted 29.08.2024; approved after reviewing 15.10.2024; accepted for publication 16.10.2024.

Блат как фактор формирования статусных групп в СССР в 1970—1980-е гг.

Максим Степанович Петренко

Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Российская Федерация, petmaxim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3690-7697>

Аннотация. Статья посвящена анализу неформальных связей в СССР, которые сложились в условиях дефицита и вызванного им ограничения доступа основной части населения к ряду товаров и услуг. Специфической формой такого рода неформальных отношений стал блат — социальное явление, получившее широкое распространение в советском обществе. Блат — это особая форма личных связей, предполагающая оказание содействия в приобретении дефицитных товаров и услуг, помощь в трудоустройстве на привлекательные места и решении иных проблем. Наряду с экономической стороной блата в статье выделяется социально-групповой аспект данного явления. Приватизация публичного пространства, персонификация социально-экономических отношений способствовали формированию полуэлитных социальных групп, претендующих на особый статус в обществе всеобщего социалистического равенства, тяготившего значительную часть населения в последние десятилетия существования СССР. В статье ставится под сомнение решающее значение потребительских настроений в деле формирования блата. Также отвергаются предположения о решающей роли дефицита и незащищенности человека в вопросе образования такого рода неформальных отношений. Дефицит был не причиной, а катализатором развивавшейся в советском обществе социальной дифференциации населения и формирования специфических социальных групп, близких по значению к сословным. Представляется, что потребности социального ранжирования являлись решающим фактором в вопросе группообразования. В условиях размытости социальных границ и аморфности статусных групп возросло значение маркеров престижного потребления, свидетельствовавших об обладании человеком социальным капиталом, широким кругом возможностей и личных связей, открывавших доступ к ряду дефицитных товаров и услуг. Делается вывод, что блат стал важным фактором локализации социального пространства на уровне полузакрытых малых групп, что стимулировало социальное расслоение советского общества не столько на экономической, сколько на статусной основе.

Ключевые слова: блат, потребление, престиж, личные связи, протекция, дефицит, статусная группа, советское общество

Для цитирования: Петренко М. С. Блат как фактор формирования статусных групп в СССР в 1970—1980-е гг. // Сибирь гуманитарная. 2024. № 4. С. 28—40. <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-4-28-40>

Blat (Favors) as a Factor in Making Status Groups in the USSR in the 1970s—1980s

Maxim S. Petrenko

Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation, petmaxim@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3690-7697>

Abstract. The article analyzes informal relations in the USSR, which developed under conditions of scarcity and the resulting restriction of access to a number of goods and services for the majority of the population. A specific form of such informal relations was blat (favors), a social phenomenon that became widespread in Soviet society. Blat is a special form of personal ties, involving assistance in acquiring scarce goods and services, help in finding attractive jobs and solving other problems. Along with the economic side of blat, the article emphasizes the socio-group aspect of this phenomenon. Privatization of public space, personification of socio-economic relations contributed to making semi-elite social groups claiming a special status in the society of universal socialist equality, which burdened a significant part of the population in the last decades of the USSR. The article questions the decisive importance of consumer sentiment in the phenomenon of blat. It also rejects the assumptions about the decisive role of scarcity and human insecurity in developing such informal relations. The scarcity was not the cause, but the catalyst of the social differentiation of the population and emerging specific social groups close in importance to class groups that developed in Soviet society. It seems that the needs of social ranking were a decisive factor in the issue of group formation. In the conditions of blurred social boundaries and amorphous status groups, the importance of markers of prestigious consumption increased, which testified to the possession of social capital, a wide range of opportunities and personal ties that opened access to a number of scarce goods and services. The article concludes that blat became an important factor in the localization of social space at the level of semi-closed small groups, which stimulated the social stratification of Soviet society not so much on the economic as on the status basis.

Keywords: blat (favors), consumption, prestige, personal ties, patronage, scarcity, status group, Soviet society

For citation: Petrenko M.S. Blat (Favors) as a Factor in Making Status Groups in the USSR in the 1970s—1980s. *Siberia Humanitarian*. 2024. № 4. С. 28—40. <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-4-28-40>

Введение

Интерес к проблеме блата в России возник только после распада СССР, когда появилась возможность взглянуть со стороны на сложившиеся в недавнем прошлом устойчивые повседневные социальные практики, а социологическая наука избавилась от старых методологических схем. Самым маститым исследователем в этой области стала А. В. Леденева, социолог из Новосибирска, переехавшая в 1990-е гг. в Великобританию, где она получила широкую известность в области изучения блата и неформальных отношений в экономике, управлении и сфере принятия политических решений [1 ; 2]. Позднее были исследования и других авторов, хотя эта тема так и не получила широкого распространения в научной среде. Ее больше рассматривали в рамках изучения потребительского поведения в условиях дефицита [3] или как удобный предлог для идеологических нападок на отвергнутое ненавистное прошлое.

Система ценностей советского общества содержала комплекс представлений, в котором социальный статус занимал одну из приоритетных позиций. Уже в наше время, когда на первое место в системе ценностей вышли

деньги, высокий статус советского времени стали представлять как инструмент достижения материальных благ. Произошла явная модернизация истории, когда недавнее прошлое стали рассматривать сквозь призму современных оценок и критериев. Другая крайность заключалась в излишней политизации и идеологизации вопроса. Так, по мнению некоторых исследователей, система социальных отношений в СССР «сложилась под силовым воздействием интересов определенных властных клик» и явилась результатом умышленной репрессивной политики советской власти, которая якобы сознательно не желала повышения качества жизни народа, безопасности, предоставления хорошего медицинского обслуживания, намеренно практикуя статусно-иерархическое распределение и потребление [4, с. 26—27].

Специфика восприятия реальности в 1990-е гг., когда в центре внимания оказались экономические темы и нужно было найти рациональное объяснение существовавшей в СССР системе товарообмена, предопределила ориентацию исследований, касающихся предоставления взаимных услуг, преимущественно на экономическую сторону вопроса, в то время как проблема социального размежевания на основе доступа к дефицитным ресурсам и специфика культивировавшегося в рамках неформального обмена социального статуса оставалась вне области интересов ученых. Проблема дефицита в СССР направляла исследователей в область изучения неформальных экономических отношений, реципрокного обмена [5], коррупции [6 ; 7], что уводило от ключевой проблемы.

Исследования А. В. Леденевой в этом отношении свободны от излишнего экономизма. В них четко отслеживается связь между способностью достать товар или устроить кого-то по блату и социальным статусом. Блат был мерилем социального капитала его обладателя. Однако предметом исследования у Леденевой выступает именно блат, а не социальный статус. Вопросы репутации и престижа оказались на периферии исследования. Спорным выглядит и тезис, что советские люди отрицали свою причастность к блату. Представляется, что ситуация была несколько сложнее. Если устройством по блату в институт не хвастались, то достать через знакомых дефицитную вещь было гораздо престижнее, чем приобрести ее после многочасового стояния в очереди. Это ставит вопрос о необходимости отдельного рассмотрения блата как фактора формирования особых полуэлитных статусных групп, размывающих социалистический принцип социального равенства, утверждавшийся в СССР.

Блат как особая форма личных связей и коммуникации

Блат — это система неформальных контактов и личных связей для получения товаров и услуг ограниченного доступа, когда знакомые или друзья помогают купить что-либо подешевле под видом некондиции, повысить качеством или достать дефицитные вещи, получить важные услуги, помочь в продвижении по службе. Доставать можно было не только предметы, но и дефицитные билеты на концерт известного артиста, путевки, водительские права без сдачи экзаменов в ГАИ, выход на нужных людей. Взамен можно было предложить возможность престижного трудоустройства, поступление без конкурса в институт или университет на труднопроходимые места, получение места в аспирантуре. Иногда достаточно было назвать имя влиятельного лица, чтобы облегчить себе решение той или иной проблемы. Предполагалось, что человек действует с санкции этого лица, протектирующего просителя.

Блат был хорошо известен в советском обществе, он был частью повседневной жизни. Официальная пропаганда пыталась вести с ним борьбу. В 1970—1980-е гг. писались фельетоны, создавались художественные произведения, фильмы, высмеивавшие эти отношения. Фильмы «Ты — мне,

я — тебе», «Блондинка за углом», «Прохиндиада, или Бег на месте», «Нужные люди» и другие стали своеобразным слепком эпохи, по ним можно судить о многих скрытых, в то время до конца не осознаваемых мотивах специфических социальных отношений.

Сводить отношения блата к простой схеме реципрокного обмена или тем более к модели «ты — мне, я — тебе», как справедливо пишет А. В. Леденева, нельзя [8, с. 90]. Статус и социальные коммуникации в России всегда значили больше, чем богатство. Природа блата не в беспомощности человека перед системой и не в существовавшем дефиците товаров широкого потребления, и вообще не в экономической сфере. Это не был бартерный обмен. Обменивались не товарами и трудом, а услугами особого рода — «услугами доступа». О равноценности оказываемых услуг и равновесности речь не шла, хотя некоторые исследователи полагают, что обмен шел исключительно за мзду, пишут об обязательной компенсаторности в оказании услуг и прямо отождествляют отношения блата с формой взятки, рассматривая их как разновидность коррупции [9, с. 58—59]. Ошибочность такого рода суждений связана с переносом проблем современного российского общества на советское прошлое. Главным в то время было вовсе не экономическое благополучие (базовые потребности были удовлетворены), а связи, расширяющие возможности, подрывающие принципы всеобщего равенства, которые многих тяготили. Они создавали особый полужакрытый мир «друзей», или, точнее, «своих» людей. Купить в нем место было невозможно.

Социологические и антропологические исследования показывают, что в большинстве случаев экономическая сторона потребления всегда вторична. Люди хотят в первую очередь уважения к себе. И даже богатство выступает только в качестве одного из инструментов достижения высокого социального статуса [10]. Принадлежность к высшему классу указывает скорее на репутацию, а не на богатство. Статус индивида определяется его «местом в обществе» и умением общаться с «подходящими людьми» [11, с. 93]. Исследования, проведенные американским социологом и антропологом Ллойдом Уорнером, показали, что связь между социальным положением человека в обществе и его экономическим и профессиональным статусом эмпирически не подтверждается. Зато ученый обнаружил зависимость социальной оценки от типичных для стратификационной системы способов поведения [11, с. 92].

Дефицит как фактор социальной дифференциации и символической самоидентификации групп

В повседневной жизни среднестатистического советского города принадлежность к статусной группе всегда была неопределенной в силу размытости ее границ. В условиях неофициального распределения в рамках престижной стратификации общества принадлежность к социальной группе держится на смутном чувстве приобщенности к ней. Отсюда потребность в выработке особой символической идентификации, которая позволила бы консолидировать группу и дистанцироваться от других. Таким статус-символом выступает стиль жизни, специфическая модель поведения, форма организации повседневных практик, что позволяет отличать своих от чужих [12, с. 36—37].

Проблемы идентификации статусной группы требуют ее символического измерения, и применительно к позднесоветскому обществу социальные отношения блата, как обмена на уровне знаков и символов, дают богатый эмпирический материал.

Теоретические основы потребления товаров и услуг как производства символов разработал Жан Бодрийяр [13 ; 14]. По его мнению, в ходе потребления происходит дифференциация населения. В том же ключе рассуждает

В. И. Ильин, автор учебника по социологии потребления. По словам ученого, «потребление... превращается в инструмент конструирования социальной идентичности, социокультурной интеграции в общество» [15, с. 5].

В советское время деньги не играли такой большой роли, как сейчас. Статус человека был ценностью самой по себе. Он определялся не доходом и не размером собственности, а местом в социальной иерархии. Критерии социального размежевания менялись на протяжении всего советского периода. К 1970—1980-м гг., когда в СССР сложилось потребительское общество и материальное благополучие стало цениться высоко, статус не утратил своего значения, скорее наоборот, так как он получил дополнение в виде отрывающихся возможностей в условиях растущего дефицита.

В советском обществе наряду с официальной публичной сферой всегда существовала область неформальных межличностных отношений с особыми типами солидарности, где фактор престижа и связанного с ним статуса имел ключевое значение.

Владимир Шляпентох ввел в научный оборот понятие «приватизация публичного пространства», под которым понимал общую тенденцию к персонификации социально-экономических отношений. Приватизация, по В. Шляпентоху, происходит в форме превращения полезных знакомых, обладающих возможностями обеспечить доступ к редкому ресурсу, в категорию своих людей, друзей или даже членов семьи [16, р. 154]. «Дружба приобретает особую значимость в повседневной жизни людей, — пишет В. Шляпентох. — Значимость дружеских связей прямо пропорциональна доступности товаров и услуг» [16, р. 173—174].

Высокий статус как инструмент возможностей и статус как самооценка тесно переплетены. Возможность достать дефицитный товар была привлекательна сама по себе. Вещи, которые находились в ограниченном доступе, могли быть и не нужны. Важнее была сама возможность их достать [17, с. 114].

Привлекательность дефицитных вещей находилась в обратной зависимости от их доступности. Предметы потребления, обладавшие высокими потребительскими свойствами, конечно, ценились (например, качественные ткани, бритвы, ножи, посуда и т. п.), но дефицитным товаром не были. Они были частью повседневности, которая не рефлексировалась сознанием, а потому не значима [18]. Гораздо важнее было приобретать вещи, которых нет в магазине, даже если они не обладали более привлекательными потребительскими свойствами. Те, кто имел возможность достать альтернативу тому ассортименту, который предлагала широким массам советская торговля, чувствовал свою особенность, свою значимость, непохожесть на других людей. Это рождало у них чувство уверенности и укрепляло самооценку. Такие люди выделялись из общей массы. На них смотрели с уважением, им завидовали и подражали. Взаимное признание друг друга создавало особую социальную группу лиц, действующих схожим образом и обладающих одним типом поведения. Как писал известный сатирик Михаил Жванецкий в своем рассказе «Дефицит», блестяще прочитанном Аркадием Райкиным: «Ты меня уважаешь. Я тебя уважаю. Мы с тобой уважаемые люди». Очевидно, что в данном монологе речь идет не об уважении как эмоциональной стороне межличностных отношений, а о взаимном признании как инструменте формирования социального престижа.

Несмотря на отрицательное отношение людей к существовавшему дефициту, в воспоминаниях преобладают положительные оценки того времени. Население не чувствовало нужды. «Легко жилось, главное, что люди были другие и были как-то добрее»; «То, что продуктов не было... все равно мы не голодали... друг друга все же ценили больше, чем сейчас...» — вспоминают люди [19, с. 109—110].

Возможности достать дефицитный товар существенно различались на разных уровнях неформальной иерархии. Однако стремление обладать такой возможностью даже в минимальных масштабах было повсеместным. Иметь то, чего ни у кого нет, — в этом заключался смысл потребления. Если на Западе консьюмеризм формировался через культивирование и насаждение конкретных товаров и услуг через рекламу, через создание образа потребительского рая, то в СССР потребности поддерживались дефицитом. Как писали американские антропологи Джон Борнеман и вторившая ему Кэтрин Вердери, капитализм делал желание конкретным, определенным и предлагал конкретные товары для его удовлетворения. Социализм, напротив, возбуждал желание, не фокусируя его, поддерживая путем лишений [20, р. 28]. Если в США, как писал Жан Бодрийяр, «90 % населения не имеют другого желания, кроме как иметь то, что имеют другие» [14], то в СССР ситуация выглядела несколько иначе. Важно было иметь то, что не имеют другие. Однако это было актуально для небольшой группы лиц, имевших возможность доставать дефицитный товар. Для тех, кто был лишен этого, на первое место выходила задача потреблять наравне со всеми, чтобы не казаться аутсайдером. По данным Ольги Гуровой, в СССР только 19,3 % высокооплачиваемых инженерно-технических работников стремились отличаться от основной массы. Остальные стремились быть «не хуже других» [21, с. 31].

На первый взгляд, эти показатели свидетельствуют о том, что потребительские установки советских людей в целом соответствовали общемировым тенденциям. Однако следует различать «иметь то, что имеют другие» и «быть не хуже других». Во втором случае статусная составляющая потребления явно выходит на первое место. В СССР, в отличие от стран Запада, в условиях широкого распространения личных связей потребление приобретало дополнительный ценностный смысл, усиливающий престиж потребителя. На этой основе шло символическое размежевание групп. Бодрийяр писал, что человек потребляет не столько вещи, сколько знаки. Потребление однотипных товаров нивелирует существующие социальные различия и создает новые уже на основе дифференциации потребления. Людей интересуют не столько потребительские свойства предмета, сколько то, что он означает. Это позволяет ощущать свою принадлежность к миру тех, кто потребляет или действует сходным образом, и отличаться от других, кто не потребляет эти знаки. Предметы и их потребление, по Бодрийяру, лишь символы статуса, власти, престижа, которые порождают определенные отношения между людьми и создают свой собственный язык коммуникации, не понятный чужому [13].

Статусный характер потребления

Советский человек стремился к потреблению не столько самих вещей, сколько их образов. Об этом справедливо пишет С. Г. Кара-Мурза, который акцентирует внимание на дефиците образов. Только автор «Советской цивилизации» почему-то сводит эту проблему к потребностям в рекламе, образах товарного изобилия, которые якобы волновали советских людей [22, с. 213—214]. Людям действительно был нужен образ, его символическое значение, связанное с иллюзией высокого положения в обществе и принадлежности к особому кругу избранных.

В стремлении ощущать свою принадлежность к миру тех, кто имеет возможность доставать дефицитные вещи, возрастало значение самих вещей, что объективно усиливало мещанские настроения. Эта черта была присуща скорее основной части населения, которая не имела влиятельных покровителей или полезных знакомств и не могла на регулярной основе доставать дефицитные товары, хотя и стремилась казаться принадлежащей к миру

людей с особыми возможностями. Но даже среди них мещанство считалось негативной чертой [23].

В сфере широкого советского консьюмеризма вещи обладали значениями, созданными вне их. Приобретение товаров, которые считались дефицитными, резко усиливало их значимость. Даже если товар становился более доступным и его можно было приобрести в магазине в порядке общей очереди, он какое-то время сохранял свои символические свойства и вселял в сознание его обладателя ощущение принадлежности к избранному миру. Примером может являться приобретение хрустальной посуды, ковров или книг, в том числе теми, кто мало интересовался литературой и зачастую не читал даже тех книг, которые аккуратно было выставлены в книжном шкафу. С течением времени, когда хрусталь, ковры и книги появились почти в каждой городской квартире, значение их стало падать. Однако неуклонный рост дефицита в 1980-е гг. оставлял мало шансов предметам престижного потребления потерять свою привлекательность.

Социально-групповой аспект обладания дефицитным товаром, как правило, до конца не рефлексировался сознанием. В своих воспоминаниях люди объясняют погоню за хрусталем или коврами вовсе не стремлением выделиться или быть не хуже других. О хрустале и коврах чаще говорят как о признаках «шика», «роскоши» и «уюта» [24, с. 39—40], упуская скрытые мотивы потребления, связанные со стремлением противопоставить себя массовому обществу. Об этом свидетельствует отсутствие широкой легитимации приобретения статусных вещей. Их важно было достать либо напрямую, либо через родственников, друзей, через знакомых знакомых. Можно купить, отстояв длинную очередь, но это снижало ценность приобретения.

Сама по себе покупка в магазине мало способствовала укреплению социального статуса. Купить то, что может купить любой, смысла не имело. Важно было достать, а не купить. Деньги были. Была проблема их потратить [25, с. 232]. Даже если их не хватало на дорогие товары, это не считалось особо критичным. На статус это мало влияло. Все, что свободно продавалось в советских магазинах, но было малодоступно из-за высокой стоимости, не имело большой значимости, хотя обладали такими вещами немногие. Важно было достать такое, о существовании чего большинство даже не догадывалось, например японскую электронную зажигалку (в СССР были только кремневые) или мало кому известную модель телефона. Лучше достать сверхдефицитную недорогую вещь, чем пойти в магазин и купить бриллиантовые серьги по цене автомобиля.

Что касается иных способов приобретения дефицитных товаров, таких как воровство, подлог, мошенничество, то они не только не ценились, но и решительно осуждались. Предпринимательство также было не в почете. Речь не идет о моральном отношении к воровству и предпринимательству. Сам конструкт статуса строился на вычленении статусных возможностей и придании им значимости. Иметь много друзей, знакомых, особенно влиятельных, с многочисленными связями, было престижно. Обладатель дефицитного товара, приобретенного через них, становился частью этого статусного мира. Сам товар большого значения не имел. Поэтому те, кто приобретал редкие вещи иным путем, тем более через воровство, относились к профанному миру не понимающих специфичность и тонкость человеческих отношений, не способных ценить связи сами по себе. Негативное отношение к мещанству, свойственное 1950—1960-м гг., никуда не делось. Потребительский раж, коллекционирование книг, погоня за мебелью, которые на первый взгляд означали поворот советского человека к консьюмеризму, в основе своей таковыми были лишь отчасти.

О том, что вещи обладали символическими значениями и были важны не с точки зрения их потребительских свойств, наглядно свидетельствует от-

ношение советской молодежи к джинсам. Джинсы были символом современности, символом успеха. Это был элемент престижного потребления. Но когда советская промышленность наладила их производство, они стали никому не нужны, так как их можно было уже купить повсюду. Другое дело — американские джинсы или считавшиеся таковыми. Это была редкость, в магазине такое не купить. Американские джинсы носили только люди, обладавшие доступом к системе распределения или имевшие полезные знакомства. Ради чувства приобщенности к этому миру избранных и тратили молодые люди огромные деньги на покупку таких джинсов у спекулянтов, переплачивая втридорога. Цена доходила до 200 руб., что было сравнимо со среднемесячной зарплатой в стране. Причем сами продавцы таких джинсов в 1970 — начале 1980-х гг. уважением не пользовались [26, с. 397], так как коммерческая и потребительская составляющая их деятельности явно превалировала над статусной.

В этом отношении конвертация статуса в деньги считалась второстепенной и даже малопrestiжной. Помощь оказывалась друг другу не ради коммерческой выгоды. Превращение социального положения с широким кругом возможностей в инструмент наживы резко снижало его значение. Терялась та аристократическая составляющая статуса, которая возвышала человека над остальным миром и позволяла чувствовать себя особенным и независимым. Важно было осознание власти и свободы, имеющихся возможностей, а не того, что они давали. Периодически пользоваться ими считалось нормальным. Но превращать в профессиональный способ обогащения уже нет. Не случайно после распада СССР российские нувориши повсеместно демонстрировали барское поведение, сорили деньгами, подражая, как им казалось, аристократическому классу. До сих пор образ расчетливого дельца слабо легитимирован в российском обществе.

Маркеры статусности

Будучи самостоятельной ценностью, статус в советском обществе 1970—1980-х гг. был по-своему эстетизирован. Это проявлялось в особой манере общения. Ценились непринужденность и солидная сдержанность, а также умение вести себя с достоинством. Пижонство, чванливость или кичливость решительно осуждались¹.

Люди получали особое удовольствие от осознания имевшихся у них возможностей воспользоваться личными связями, даже если в этом не было необходимости. Смысл социальной активности заключался в том, чтобы потреблять не хуже друзей и знакомых своего круга и обязательно больше основной массы населения [27, с. 47]. Это был своего рода маркер избранности. Возможности надо было материализовывать. Они должны были быть как-то представлены, обозначены, даже если некоторые из них становились избыточны, когда, например, открывался доступ к тем вещам и услугам, потребности в которых не существовало. Порой приходилось сознательно демонстрировать престижное потребление, чтобы показать другим и в первую очередь себе имеющиеся скрытые возможности. Например, заказать знакомого стоматолога на дом или записаться по блату на прием к модному врачу, хотя в этом не было никакой нужды. Важно было окружить себя как можно большим количеством маркеров имеющихся у человека возможностей доставать то, что было малодоступно для основной части населения. Импортный гарнитур, желательного производства ГДР, книги популярных авторов, машина (лучше «Волга», в крайнем случае «Жигули»), но никак не «Москвич» или «Запорожец»), цветной телевизор на микросборке, а не громоздкий ламповый «как у всех»), итальянские или хотя бы югославские сапоги, пихта вместо сосны или ели на Новый год, на

¹ Образ человека, «умеющего дружить», был весьма точно показан Александром Калягиным в советском фильме «Прохиндиада, или Бег на месте».

праздник красная и черная икра, копченая колбаса, красная рыба, шоколадные конфеты, марочные импортные вина, малоизвестные марки водки (например, «Сибирская» вместо «Русской» или «Пшеничной») — вот некоторый минимальный перечень предметов престижного потребления среднего класса в большинстве советских городов в 1980-е гг., когда уровень дефицита значительно вырос. Все это было трудно достать, что, собственно, и превращало эти вещи в символы высокого статуса. Даже взятки в СССР порой давали колбасой или рыбой.

В 1970—1980-е гг. друг другу раздавали заказы, когда кто-то ехал в командировку в Москву, Ленинград или Прибалтику, если повезет, — за границу. Но это были разовые случаи, которые помогали стать на время обладателем дефицитного товара. Важнее было иметь постоянный выход на руководство магазина, ресторана, лучше торгова, треста, ОРСа, базы и др. Знаменитой поэт Расул Газматов, член Президиума Верховного Совета СССР, с гордостью рассказывал друзьям, что его дочь сидит за одной партией с сыном директора ГУМа [28, с. 264]. «В театре просмотр, премьера идет. Кто в первом ряду сидит? Уважаемые люди сидят: завсклад сидит, директор магазина сидит, сзади товаровед сидит», — писал сатирик М. Жванецкий. Однако на практике ситуация выглядела несколько сложнее. Отношение к работникам торговли, в том числе имевшим доступ к дефицитным товарам, в обществе было скорее отрицательным. Тот, кто принадлежал к статусной группе, смотрел даже на директора магазина свысока. Если люди, связанные с ними блатными отношениями, хотя бы демонстрировали уважение, то среди основной части граждан престижных профессий высокомерие и нескрываемое презрение по отношению к работникам торговли встречались очень часто.

Нельзя четко обозначить перечень престижных профессий, из представителей которых складывался такого рода полуэлитный клуб. Неверным было бы и обратное замечание, что профессиональная деятельность, занимаемая должностью значения не имели. Люди, обладавшие широкими возможностями и связями, как правило, принадлежали к вполне конкретным социальным сферам. Это руководители среднего и высшего звена, возглавлявшие торговые заведения, рестораны, больницы, начальники строительных трестов, производственники, верхушка научных и образовательных учреждений, представители партийной и советской номенклатуры, старший и высший офицерский состав в армии и в правоохранительных органах и др. Однако далеко не все из них входили в блатные сообщества. Более того, можно было не занимать ответственную должность, но быть частью узкого круга избранных. Для этого нужно было обладать только соответствующим социальным капиталом.

Так возник мир локальных сообществ, очень близких к дружественным по форме и сословным по своей сути. Таких сообществ обычно было несколько даже в небольших городах. Иногда они взаимодействовали между собой, что позволяло некоторым людям, имевшим связи в разных группах, свободно маневрировать между ними, оказывая посреднические услуги. Наладив связи с более высокой группой, можно было перейти на ранг выше, получив назначение в вышестоящие структуры даже с переездом в другой город. Однако это было сопряжено с риском утраты налаженной системы личных связей без ясного понимания собственного влияния на новом месте, особенно в новом городе.

Связями очень дорожили, поэтому нужно было их постоянно воспроизводить, напоминая о себе просьбами и предложениями. Периодически проводились дружеские встречи в компаниях нужных людей. Делалось это обычно по-домашнему: на даче, в частной сауне, на праздновании дня рождения. Неформальное общение укрепляло принадлежность к такого рода сообществу и позволяло каждому его члену чувствовать себя выше остальных.

ных. В такой системе, как пишут М. К. Карпова и А. А. Карпухина, люди постоянно награждают друг друга какими-то знаками отличия, и приглашение в гости — это однозначный маркер положения в социальной иерархии [10].

Тот же механизм лежал в отсечении от группы тех, кто не соответствовал сложившимся в системе типам поведения и не обладал необходимым статусом. Было чрезвычайно важно, чтобы люди, не входившие в круг избранных, не могли пользоваться теми же благами, что и представители статусной группы. Появление у чужих тех же возможностей подрывало устойчивость группы, так как лишало ее необходимых социальных оснований, обесценивая блат. Как писал М. Жванецкий: «Представь себе, исчез дефицит. Я пошел в магазин, ты пошел в магазин, мы его не любим — он тоже пошел в магазин». Здесь важно последнее замечание. Тот, кто не является частью своего круга, не должен был обладать тем, чем обладают свои.

Заключение

Таким образом, можно констатировать наличие в советском обществе особых неформальных статусных групп, отношения в которых строились на манер дружбы. Однако главным скрепляющим фактором в них была не эмоциональная привязанность друг к другу, а взаимная полезность и блат как система связей, позволяющих получать доступ к дефицитным товарам и услугам. Природа этих связей была не столько экономической, сколько социальной. В их основе лежало стремление удовлетворить потребность в статусном размежевании, выделиться и противопоставить себя основной массе. Советские идеологические принципы социального равенства, культивировавшиеся в СССР, в условиях фактической неоднородности общества стали дополнительным стимулирующим фактором формирования особых полузакрытых статусных групп, само возникновение которых призвано было компенсировать данное несоответствие. В условиях растущего дефицита блат стал важным средством объединения людей, обладавших возможностями достать малодоступные вещи или устроить «хорошего человека» на престижную работу, решить сложный вопрос, свести с нужными людьми. Связанное с этим статусное потребление выступало своего рода маркером имевшихся возможностей, позволявшим отличать своих от чужих. Это повышало значимость дефицитных товаров среди основной массы населения, стимулируя поворот советских людей к консьюмеризму, размывало социалистическое единство и способствовало усилению процессов социальной локализации и формирования специфических малых групп.

Список источников

1. Ledeneva A. *Russia's Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange*. Cambridge : Cambridge University Press, 1998. 256 p.
2. Ledeneva A. Continuity and Change of Blat Practices in Soviet and Postsoviet Russia // *Bribery and Blat in Russia*. London, 2000. P. 183—206.
3. Тарасова Т. В. Потребительское поведение в условиях дефицита: теоретическая модель и советская реальность // *Современная наука: актуальные проблемы и пути их решения*. 2013. № 4. С. 81—86.
4. Гудков Л. Д., Дубин Б. В. «Нужные знакомства»: особенности социальной организации в условиях институциональных дефицитов // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2002. № 3 (59). С. 24—39.
5. Барсукова С. Ю., Радаев В. В. Неформальная экономика в России: краткий обзор // *Экономическая социология*. 2012. Т. 13, № 2. С. 99—111.
6. Шедий М. В. Социально-экономические детерминанты трансформации коррупционных отношений в современном российском обществе // *Вестник Восточной экономико-юридической гуманитарной академии*. 2013. № 1. С. 75—80.

7. Винокуров С. С. Коррупция и сети неформальных отношений // Россия и Санкт-Петербург: экономика и образование в XXI веке. СПб. : Изд-во С.-Петерб. гос. эконом. ун-та, 2015. С. 277—280.
8. Леденева А. В. Личные связи и неформальные сообщества: трансформация блата в постсоветском обществе // Мир России. 1997. Т. 6, № 4. С. 89—106.
9. Бубнов Ю. А. Исторические предпосылки взяточничества // Społeczeństwo i edukacja. Międzynarodowe studia humanistyczne. 2013. № 1. С. 45—65.
10. Карпова М. К., Карпухина А. А. Феномен престижа в теории социальной стратификации // Наука. Общество. Государство. 2018. Т. 6, № 4. С. 178—185.
11. Батуренко С. А. Социальная стратификация в исследованиях У. Л. Уорнера // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2022. Т. 28, № 2. С. 86—98.
12. Флоринская С. А. Социальный престиж как механизм регулятивной культуры // Сервис Plus. 2008. № 3. С. 32—37.
13. Бодрийяр Ж. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры. М. : Культурная революция ; Республика, 2006. 268 с.
14. Бодрийяр Ж. Система вещей. М. : РИПОЛ классик, 2020. 256 с.
15. Ильин В. И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность // Мир России. 2005. № 2. С. 3—40.
16. Shlapentokh V. Public and Private Life of the Soviet People. Changing Values in Post-Stalin Russia. N. Y. ; Oxford : Oxford university press, 1989. 281 с.
17. Барсукова С. Ю. Блатной Советский Союз, или Экономика взаимных услуг : рецензия на книгу: Ledeneva A. 1998. Russia's Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange. Cambridge : Cambridge University Press // Экономическая социология. 2013. Т. 14, № 1. С. 114.
18. Шюц А. О множественных реальностях // Шюц А. Избранное: мир, светящийся смыслом. М. : РОССПЭН, 2004. С. 401—455.
19. Нечаева Е. С. Структуры повседневности советского человека в период перестройки (опыт анализа биографических интервью) // Теория и практика общественного развития. 2012. № 8. С. 108—111.
20. Verdery K. What was socialism, and what comes next? Princeton : Princeton University Press, 1996. 312 p.
21. Гурова О. Отношение к вещам в советском обществе. Был ли Homo consumens в СССР? // Люди и вещи в советской и постсоветской культуре : сб. ст. Новосибирск : Новосиб. гос ун-т, 2005. С. 22—34.
22. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. Кн. 2. От Великой Победы до наших дней. М. : ЭКСМО-Пресс, 2002. 768 с.
23. Иванова А. Изображение дефицита в советской культуре второй половины 1960-х — первой половины 1980-х годов // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (77). С. 216 — 235.
24. Гурова О. От товарища к товару: предметы потребления в советском и постсоветском обществе // Люди и вещи в советской и постсоветской культуре : сб. ст. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2005. С. 35—48.
25. Плещенко В. И. К вопросу об ограниченной функциональности наличных денег и специфике розничного товарооборота в СССР // Россия и современный мир. 2020. № 2. С. 228—239.
26. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М. : Новое лит. обозрение, 2014. 661 с.
27. Кордонский С. Г. Рынки власти: административные рынки в СССР и России. М. : О.Г.И., 2006. 238 с.
28. Васькин А. А. Повседневная жизнь советской столицы при Хрущеве и Брежнев. М. : Молодая гвардия, 2018. 671 с.

References

1. Ledeneva A. Russia's Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange. Cambridge, Cambridge University Press, 1998, 256 p.
2. Ledeneva A. Continuity and Change of Blat Practices in Soviet and Postsoviet Russia, *Bribery and Blat in Russia*. London, 2000, pp. 183-206.
3. Tarasova T.V. Potrebitel'skoe povedenie v usloviyakh defitsita: teoreticheskaya model' i sovetskaya real'nost' [Consumer Behaviour Under Conditions of Scarcity: Theoretical Model and Soviet reality], *Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy i puti ikh resheniya* [Modern Science: Current Problems and Ways of their Solution], 2013, no. 4, pp. 81-86.
4. Gudkov L.D., Dubin B.V. "Nuzhnye znakomstva": osobennosti sotsial'noy organizatsii v usloviyakh institutsional'nykh defitsitov ['Needed Acquaintances': Features of Social Organisation in Conditions of Institutional Scarcity], *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Public Opinion Monitoring: Economic and Social Change], 2002, no. 3 (59), pp. 24-39.

5. Barsukova S.Yu., Radaev V.V. Neformal'naya ekonomika v Rossii: kratkiy obzor [Informal Economy in Russia: a Brief Overview], *Ekonomicheskaya sotsiologiya [Economic Sociology]*, 2012, vol. 13, no. 2, pp. 99-111.
6. Shedi M.V. Sotsial'no-ekonomicheskie determinanty transformatsii korruptsionnykh otnosheniy v sovremennom rossiyskom obshchestve [Socio-Economic Determinants of Transformation of Corruption Relations in Modern Russian Society], *Vestnik Vostochnoy ekonomiko-yuridicheskoy gumanitarnoy akademii [Bulletin of the Eastern Economic and Legal Humanitarian Academy]*, 2013, no. 1, pp. 75-80.
7. Vinokurov S.S. Korruptsiya i seti neformal'nykh otnosheniy [Corruption and Informal Networks], *Rossiya i Sankt-Peterburg: ekonomika i obrazovanie v XXI veke [Russia and St. Petersburg: Economy and Education in the 21st Century]*. Saint-Petersburg, Publ. S.-Peterb. gos. ekonom. un-ta, 2015, pp. 277-280.
8. Ledeneva A.V. Lichnye svyazi i neformal'nye soobshchestva: transformatsiya blata v postsovetском obshchestve [Personal Ties and Informal Communities: the Transformation of Blat in Post-Soviet Society], *Mir Rossii [Russia's World]*, 1997, vol. 6, no. 4, pp. 89-106.
9. Bubnov Yu.A. Istoricheskie predposylki vzyatochnichestva [Historical Background to Bribery], *Spółeczeństwo i edukacja. Międzynarodowe studia humanistyczne [Society and Education. International humanities Studies]*, 2013, no. 1, pp. 45-65.
10. Karpova M.K., Karpukhina A.A. Fenomen prestizha v teorii sotsial'noy stratifikatsii [The Phenomenon of Prestige in the Theory of Social Stratification], *Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo [Science. Society. State]*, 2018, vol. 6, no. 4, pp. 178-185.
11. Baturenko S.A. Sotsial'naya stratifikatsiya v issledovaniyakh U.L. Uornera [Social Stratification in the Research of W.L. Warner], *Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 18. Sotsiologiya i politologiya [Vestnik Mosk. un-ta. Ser. 18. Sociology and Political Science]*, 2022, vol. 28, no. 2, pp. 86-98.
12. Florinskaya S.A. Sotsial'nyy prestizh kak mekhanizm regulativnoy kul'tury [Social Prestige as a Mechanism of Regulatory Culture], *Servis Plus [Service Plus]*, 2008, no. 3, pp. 32-37.
13. Bodriyyar Zh. Bodriyyar Zh. Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury [Consumer Society. Its Myths and Structures]. Moscow, Kul'turnaya revolyutsiya, Respublika, 2006, 268 p.
14. Bodriyyar Zh. Sistema veshchey [The System of Things]. Moscow, RIPOL klassik, 2020, 256 p.
15. Il'in V.I. Obshchestvo potrebleniya: teoreticheskaya model' i rossiyskaya real'nost' [Consumer Society: Theoretical Model and Russian Reality], *Mir Rossii [Russia's World]*, 2005, no. 2, pp. 3-40.
16. Shlapentokh V. Public and Private Life of the Soviet People. Changing Values in Post-Stalin Russia. New York, Oxford, Oxford university press, 1989, 281 p.
17. Barsukova S.Yu. Blatnoy Sovetskiy Soyuz, ili Ekonomika vzaimnykh uslug [The Blatnoy Soviet Union, or the Economy of Mutual Services], retsenziya na knigu [book review] Ledeneva A. 1998. Russia's Economy of Favours: Blat, Networking and Informal Exchange. Cambridge, Cambridge University Press, *Ekonomicheskaya sotsiologiya [Economic sociology]*, 2013, vol. 14, no. 1, p. 114.
18. Shyuts A. O mnozhestvennykh real'nostyakh [On Multiple Realities], *Shyuts A. Izbrannoe: mir, svetyashchiysya smyslom [Selected Works: a World Glowing with Meaning]*. Moscow, ROSSPEN, 2004, pp. 401-455.
19. Nechaeva E.S. Struktury povsednevnosti sovetskogo cheloveka v period perestroyki (opyt analiza biograficheskikh interv'yu) [Structures of Everyday Life of a Soviets during Perestroika (Experience of Biographical Interviews Analysis)], *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and Practice of Social Development]*, 2012, no. 8, pp. 108-111.
20. Verdery K. What was socialism, and what comes next? Princeton, Princeton University Press, 1996, 312 p.
21. Gurova O. Otnoshenie k veshcham v sovetskom obshchestve. Byl li Homo consumens v SSSR? [Attitudes Towards Things in Soviet Society. Was Homo Consumens in the USSR?], *Lyudi i veshchi v sovetskoy i postsovetskoy kul'ture [People and Things in Soviet and Post-Soviet Culture]*, sb. st. Novosibirsk, Publ. Novosib. gos un-t, 2005, pp. 22-34.
22. Kara-Murza S.G. Sovetskaya tsivilizatsiya. Kn. 2. Ot Velikoy Pobedy do nashikh dney [Soviet Civilization]. Moscow, EKSMO-Press, 2002, 768 p.
23. Ivanova A. Izobrazhenie defitsita v sovetskoy kul'ture vtoroy poloviny 1960-kh - pervoy poloviny 1980-kh godov [The Image of Scarcity in Soviet Culture of the Second Half of the 1960s and the First Half of the 1980s], *Neprikosnovennyy zapas [Untouchable reserve]*, 2011, no. 3 (77), pp. 216-235.
24. Gurova O. Ot tovarishcha k tovaru: predmety potrebleniya v sovetskom i postsovetskom obshchestve [From Comrade to Commodity: Consumption Items in Soviet and Post-Soviet Society], *Lyudi i veshchi v sovetskoy i postsovetskoy kul'ture [People and Things in Soviet and Post-Soviet Culture]*, sb. st. Novosibirsk, Publ. Novosib. gos. un-t, 2005, pp. 35-48.
25. Pleshchenko V.I. K voprosu ob ogranichennoy funktsional'nosti nalichnykh deneg i spetsifike roznichnogo tovaro-oborota v SSSR [To the Issue of Limited Functionality of Cash and Specifics of Retail Trade in the USSR]

- Retail Turnover in the USSR], *Rossiya i sovremennyy mir [Russia and the Modern World]*, 2020, no. 2, pp. 228-239.
26. Yurchak A. Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'. Poslednee sovetskoe pokolenie [It Was Forever Until It Was Over. The Last Soviet Generation]. Moscow, Novoe lit. obozrenie, 2014, 661 p.
27. Kordonskiy S.G. Rynki vlasti: administrativnye rynki v SSSR i Rossii [Markets of Power: Administrative Markets in the USSR and Russia]. Moscow, O.G.I., 2006, 238 p.
28. Vas'kin A.A. Povsednevnyaya zhizn' sovetskoy stolitsy pri Khrushcheve i Brezhneve [Daily Life in the Soviet Capital under Khrushchev and Brezhnev]. Moscow, Molodaya gvardiya, 2018, 671 p.

Информация об авторе

Петренко Максим Степанович — кандидат исторических наук, доцент, Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: petmaxim@yandex.ru

Information about the author

Maxim S. Petrenko — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: petmaxim@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 18.09.2024; одобрена после рецензирования 17.10.2024; принята к публикации 31.10.2024.

The article was submitted 18.09.2024; approved after reviewing 17.10.2024; accepted for publication 31.10.2024.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО STATE AND LAW

Сибирь гуманитарная. 2024. № 4. С. 41—50.
Siberia Humanitarian. 2024;(4):41—50.

Государство и право

Научная статья
УДК 343.85"1941/1945"
<https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-4-41-50>

Детская преступность в годы Великой Отечественной войны: историко-правовой анализ

Вера Владиславовна Блинова

Оренбургский институт (филиал) Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), Оренбург, Российская Федерация, blinova.vera2010@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются нормативные правовые акты, регламентировавшие вопросы борьбы с преступностью несовершеннолетних в годы Великой Отечественной войны, отмечается начало этапа ужесточения уголовно-правовых методов борьбы с преступностью несовершеннолетних с принятием постановления ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» от 7 апреля 1935 г. Анализируются показатели детской преступности, указывается на рост количества преступлений несовершеннолетних к 1943 г. в связи с ростом безнадзорности и беспризорности в чрезвычайных условиях военного времени. Приводятся методы и формы борьбы с детской преступностью правоохранительных органов, органов образования и общественных организаций. Рассматриваются примеры совершения конкретных видов преступлений несовершеннолетними. При подготовке статьи использованы материалы центральных российских архивов, а также архивов Оренбургской, Челябинской областей, Республики Башкортостан. Автор делает вывод, что в чрезвычайных условиях войны государство в связи с ростом преступности приложило все силы для борьбы с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, преступность несовершеннолетних, органы НКВД, детские приемники-распределители, детские трудовые колонии

Для цитирования: Блинова В. В. Детская преступность в годы Великой Отечественной войны: историко-правовой анализ // Сибирь гуманитарная. 2024. № 4. С. 41—50. <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-4-41-50>

Juvenile Delinquency During the Great Patriotic War: Historical and Legal Analysis

Vera V. Blinova

Orenburg Institute (branch) of O.E. Kutafin University (Moscow State Law Academy), Orenburg, Russian Federation, blinova.vera2010@yandex.ru

Abstract. The article considers normative legal acts that regulated the fight against juvenile delinquency during the Great Patriotic War. The article notes the beginning of the stage of toughening of criminal-legal methods of combating juvenile delinquency with the adoption of the decree of the CEC and SNK of the USSR “On measures to combat juvenile delinquency” of April 7, 1935. The article analyzes the indicators of juvenile delinquency, points to the increase in the number of juvenile crimes by 1943 due to the growth of neglect and homelessness in emergency conditions of wartime. The article describes the methods and ways of combating juvenile delinquency by law enforcement, education and public organizations. The article gives examples of specific types of crimes committed by minors. The research used the materials from central Russian archives, as well as from the archives of the Orenburg and Chelyabinsk regions and the Republic of Bashkortostan. The author concludes that in the extraordinary conditions of the war the state in connection with the growth of criminality made every effort to combat child homelessness, neglect and criminality.

Keywords: Great Patriotic War, juvenile delinquency, NKVD bodies, children's reception centers, children's labor colonies

For citation: Blinova V.V. Juvenile Delinquency During the Great Patriotic War: Historical and Legal Analysis. *Siberia Humanitarian*. 2024. № 4. С. 41—50. <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-4-41-50>

С принятием постановления ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» от 7 апреля 1935 г. начался этап ужесточения уголовно-правовых методов борьбы с преступностью несовершеннолетних. Согласно постановлению, к уголовному суду с применением всех мер уголовного наказания, кроме смертной казни, привлекались несовершеннолетние с 12-летнего возраста, уличенные в совершении краж, в причинении насилия, телесных повреждений, увечий, убийстве и попытках к убийству [1]. На основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10 декабря 1940 г. «Об уголовной ответственности несовершеннолетних за действия, могущие вызвать крушение поезда» был расширен состав преступления, за которые уголовная ответственность наступала с достижения 12 лет.

31 мая 1941 г. вышел Указ Верховного Совета СССР № 86 «Об уголовной ответственности несовершеннолетних», в котором говорилось, что расследование преступлений, совершенных несовершеннолетними, необходимо возложить в крупных городах на специально выделенных следователей, выявлять подстрекателей преступлений, а также всех лиц, виновных в безнадзорности и преступных действиях несовершеннолетних. По данному указу расследование дел в отношении несовершеннолетних следовало осуществлять в 10-дневный срок с обязательным участием прокуроров в рассмотрении дел [2, л. 37—37 об.]. Интерес представляет мнение и. о. прокурора СССР Г. Н. Сафонова о применении высшей меры наказания к несовершеннолетним, высказанное им в письме к заместителю председателя СНК СССР А. Я. Вышинскому 22 декабря 1941 г.: «Ознакомившись по вашему поручению с проектом Указа Президиума Верховного Со-

вета СССР о применении высшей меры наказания к несовершеннолетним, виновным в измене Родине, шпионаже, диверсии и террористических актах, со своей стороны полагаю, что с этим проектом надо в основном согласиться. Считаю, однако, необходимым оговорить, что высшая мера наказания может применяться в отношении лиц, достигших 16-летнего возраста» [3, л. 22].

Устанавливалась возможность привлечения к уголовной ответственности с 14 лет за все преступления наравне со взрослыми и с 12 лет за преступления, которые были предусмотрены постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 апреля 1935 г., т. е. за кражи, насилие, телесные повреждения, увечья, убийство и попытки к убийству, а также за действия, могущие вызвать крушение поездов. В соответствии с уголовным законодательством определялись конкретные составы преступления: изнасилование (ст. 153 УК РСФСР), сопротивление власти, сопряженное с насилием (ст. 73 УК РСФСР), побор или иные насильственные действия в отношении общественников активистов (ст. 73¹ УК РСФСР).

Дела о преступлениях несовершеннолетних слушались, как правило, с участием народных заседателей из числа работников школ, детских учреждений, органов народного образования и т. п. [4, с. 218] В ст. 22 УК РСФСР указывалось, что не могут быть приговорены к расстрелу лица, не достигшие 18-летнего возраста в момент совершения преступления [5, с. 11].

Рост беспризорности в стране сопровождался ростом детской преступности. Если в 1941 г. подростки совершили 5 % от всех зарегистрированных преступлений, то уже в 1944 г. их количество увеличилось до 11 % (табл. 1).

Таблица 1

Преступность несовершеннолетних в СССР в 1941—1944 гг. [6, л. 41]*Juvenile delinquency in the USSR in 1941—1944 [6, p. 41]*

Преступление	Количество преступлений среди несовершеннолетних				
	1941	1942	1943	4 мес. 1944 г.	Всего
Убийства	161	188	413	174	936
Разбои и грабежи	492	1 225	2 495	1 291	5 503
Кражи всех видов	20 816	34 555	55 829	9 311	120 511
Телесные повреждения	630	448	604	222	1 904
Хулиганство	1 354	1 090	1 419	500	4 363
Мошенничество	147	354	969	159	1 629
Половые преступления	179	58	110	42	389
Другие преступления	1 360	2 743	4 439	1 602	10 144
Всего	25 139	40 661	66 278	13 301	145 379

Как видно из таблицы 1, начиная с 1941 г. рост преступлений среди несовершеннолетних набирает темп. Всего по стране за 3,5 года ими совершено 145 379 преступлений, из них: убийств 0,6 %, разбоев и грабежей 3,8 %, краж 82,9 %, нанесений телесных повреждений 1,3 %, хулиганств 3 %, мошенничеств 1,1 %, половых преступлений 0,3 %, других преступлений 7 %. Наибольшее количество преступлений зарегистрировано среди несовершеннолетних в 1943 г. — 45,6 %, в 2,6 раза больше по сравнению с 1941 г. Основным видом преступлений, совершаемых детьми и подростками в годы Великой Отечественной войны, являлись кражи — 83 %.

В законодательстве периода войны были пробелы, в частности в вопросе о возможности привлечения к уголовной ответственности несовершенно-

летних от 14 до 16 лет за уклонение от мобилизации на сельскохозяйственные работы и за самовольный уход с этих работ. Ответственность устанавливалась Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 апреля 1942 г., в котором указывалось, что уголовной ответственности не подлежат несовершеннолетние, являющиеся учащимися. В связи с этим народный комиссар юстиции поставил вопрос о том, как быть с несовершеннолетними, которые не являются учащимися. На этот вопрос Пленум Верховного Суда СССР ответил в постановлении, указав, что подростки в возрасте от 14 до 16 лет, независимо от того, являются они или не являются учащимися, не подлежат уголовной ответственности за уклонение от мобилизации на сельскохозяйственные работы и за самовольный уход мобилизованных с этих работ [7, с. 201].

В годы войны фиксировался рост преступности несовершеннолетних на транспорте. В значительной степени этому способствовало «мещочничество», когда родители или родственники посылали подростков в сельскохозяйственные районы за продуктами питания. Оставаясь продолжительное время без надзора, подростки занимались кражами, грабежами. На рост подростковой преступности оказывало влияние тяжелое экономическое положение, поэтому основным объектом преступлений являлись продукты первой необходимости. Всего за 1941—1944 гг. по Советскому Союзу привлекли к ответственности 189 901 несовершеннолетнего (табл. 2).

Таблица 2

Категории несовершеннолетних, привлеченных к уголовной ответственности в Советском Союзе за 1941—1944 гг. [6, л. 43]

Categories of juveniles brought to criminal responsibility in the Soviet Union in 1941—1944 [6, p. 43]

Категория несовершеннолетних	Количество несовершеннолетних, привлеченных к ответственности				
	1941	1942	1943	4 мес. 1944	Всего
Беспризорные	3 976	7 367	13 185	5 109	29 637
Учащиеся школ НКП, ФЗО, РУ	11 720	11 721	15 598	6 273	45 312
Неработающие и неучащиеся	17 929	35 905	51 543	9 575	14 952 ¹
Всего	33 625	54 993	80 326	20 957	189 901

Таким образом, наибольшее количество несовершеннолетних, привлеченных к уголовной ответственности, принадлежали к категориям неучащейся и неработающей молодежи (60,5 %), учащихся школ народного комиссариата просвещения (НКП), фабрично-заводского обучения (ФЗО), ремесленных училищ (РУ) (23,9 %) и беспризорных (15,6 %). Рост привлеченных к уголовной ответственности беспризорных и неучащихся можно объяснить тем, что в период войны большая часть взрослого мужского населения находилась в рядах Красной армии, женщины трудились на производстве, произошло ослабление работы пионерских организаций, плохо велась, а нередко совсем не велась работа с детьми и подростками во внеучебное время.

В июле 1944 г. Советское правительство приняло постановление «Об увеличении количества детей в детских трудовых воспитательных колониях НКВД СССР и о материальном обеспечении детских и трудовых воспитательных колоний». В стране дополнительно открывалось 25 колоний на 10 тыс. детей.

Эти меры были своевременны. Так, в 1942 г. милиция изъяла с улиц, рынков при массовых облавах и обходах 379 522 человека (124 494 беспри-

зорных и 255 028 безнадзорных), в 1943 г. — 802 445 (соответственно 277 948 и 524 497), в 1944 г. — 1 174 668 (432 898 и 740 770) [8, л. 90 ; 9, с. 68—69]. Кроме того, увеличилось число уголовных преступлений, совершенных подростками. Такая ситуация сложилась, например, в начале 1944 г. в Челябинской области. В целях усиления борьбы с детской преступностью Челябинский обком партии в начале мая 1944 г. принял решение об организации специальной трудовой колонии на 900 человек. Одновременно в области открыли ремесленное училище на 400 человек и школу ФЗО на 300 человек для детей, изъятых с улиц и подлежащих по возрасту и образованию обучению в системе трудовых резервов [10, с. 25].

Для расследования дел о преступлениях среди несовершеннолетних в Чкаловской области выделили группу следователей: в городе Абдулино — Слободчикова, в городе Бугуруслане — Воробьева, в городе Медногорске — Белинсона, в Орске в Ворошиловском районе — следователя прокуратуры Кубышкина и в Ленинском районе — Чеботарева, в Чкалове в Дзержинском районе — Рощина, в Кировском районе — Спиридонова, в Кагановичском районе — Фрида и в Соль-Илецком районе — Павлова [11, л. 1]. Ситуацию с уголовными преступлениями несовершеннолетних в Челябинской области характеризуют данные таблиц 3, 4.

Таблица 3

Количество несовершеннолетних, привлеченных к уголовной ответственности за различные виды преступлений в Челябинской области за 1942—1943 гг. [12, л. 60—61]

The number of minors brought to criminal responsibility for various types of crimes in the Chelyabinsk region in 1942—1943 [12, p. 60—61]

Период	Число привлеченных к ответственности за различные виды преступлений					Всего	Арестовано из числа привлеченных к ответственности	
	Убийство	Грабеж	Кража	Хулиганство	Прочие преступления		Количество	%
1942	12	31	1 648	52	139	1 882	1 199	63,7
1943	5	49	1 696	36	217	2 003	1 181	59
I кв.	—	6	395	14	40	455	290	63,7
II кв.	2	18	398	16	59	493	321	65,1
III кв.	2	23	484	—	63	572	293	51,2
IV кв.	1	2	419	6	55	483	277	57,3

Таким образом, основную долю преступлений несовершеннолетних составляли карманные и квартирные кражи: в 1942 г. — 87,5 %; в 1943 г. — 84,6 %. До 80 % привлеченных за разные виды преступлений составляли подростки из категории неучащейся молодежи: в 1942 г. на их долю приходилось 63,8 % от общего числа привлеченных к уголовной ответственности, в 1943 г. — 60,9 %. В 1942 г. беспризорные составили 12,6 % от общего числа привлеченных к ответственности, в 1943 г. — 19 %, а учащихся — 23,9 % в 1942 г. и 20,1 % — в 1943 г. (табл. 4).

Например, в г. Коркино Челябинской области арестовали группу подростков из трех человек (Козлов, Николаев, Патрушев), которые систематически занимались кражами вещей из квартир [12, л. 60—61].

**Категории несовершеннолетних, привлеченных к уголовной ответственности
в Челябинской области в 1942—1943 гг. [12, л. 60—61]**

*Categories of minors brought to criminal responsibility
in the Chelyabinsk region in 1942—1943 [12, p. 60—61]*

Категория несовершеннолетних	Число привлеченных к уголовной ответственности				
	1942	1943			
		I	II	III	IV
Беспризорные	238	65	90	107	118
Безнадзорные, в том числе					
учащиеся	450	95	99	127	82
неучащиеся	1 201	296	304	337	283

Подростки в годы Великой Отечественной войны совершали и такие тяжкие преступления, как убийство, изнасилование и др. Так, 18 декабря 1942 г. в с. Нежинка Чкаловского района совершено убийство М. Х. Никитиной, 1895 года рождения, и ее воспитанницы, Н. К. Дикаревой, 1927 года рождения. На поиски преступника организовали оперативную группу со служебной собакой. В результате преступника удалось задержать и выяснить обстоятельства совершения преступления. Никитина попросила Аюпова наколоть дрова, а он решил ее убить и ограбить [13, л. 194—194 об.; 14, л. 74—76]. В Челябинске в 1942 г. группа подростков (Самигулина, Чернышев, Фридман и Горелкина) выслеживали в магазинах подростков с целью завладения их хлебными карточками, уводили их за город и там убивали. Они совершили три убийства [6, л. 75—76; 12, л. 60].

Широкое распространение получила продажа детьми разных товаров на рынках и в других местах массового скопления населения. Органы внутренних дел активно боролись с данными нарушениями. Так, начиная со второй половины января 1944 г. управление милиции НКВД БАССР проводило специальные мероприятия по задержанию несовершеннолетних за торговлю папиросами, спичками, конфетами и другими товарами. Подавляющее большинство детей занималось спекуляцией при прямом подстрекательстве взрослых, при этом у большей части подростков были родители. Например, 19 января 1944 г. в Уфе около кинотеатра «Октябрь» задержали Султангареева Рифгата (1931 года рождения), который перепродавал билеты [15, л. 527]. 5 декабря 1942 г. возле кинотеатра «Молот» в г. Чкалове задержали ученика 7 класса школы № 39 В. А. Алексеева, который продавал трехрублевые билеты по 10 руб., а 5 января 1943 г. — ученицу школы ФЗО № 18 М. П. Гулянову тоже за перепродажу билетов возле кинотеатра «Молот». У нее изъяли 40 билетов [16, л. 32].

Нередки были случаи, когда преступления совершались организованными группами несовершеннолетних. Например, 22 декабря 1942 г. в Чкаловской области арестовали группу скотоконокрадов из семи человек, среди которых оказались учащиеся железнодорожного училища — Волковинский, Шевченко. Следствие установило, что группа похитила и забила на мясо четырех коз, одну корову, одну лошадь [11, л. 3]. 22 июля 1942 г. в г. Чкалове арестовали группу воров из девяти человек. Группу возглавляла М. М. Самсонова, 1926 года рождения. Расследованием установлено, что данная группа занималась кражами, похищенные вещи приносили к Самсоновой, а затем они реализовывались на базаре. На вырученные от продажи краденых вещей деньги закупались продукты и спиртные напитки [13, л. 45—45 об.; 17, л. 127]. В г. Чкалове за совершение кражи

в госпитале № 1658 20 августа 1942 г. арестовали Матускова, 1929 года рождения, и его ровесника Хлыстова [18, л. 3].

В Уфе в январе 1943 г. на территории Ленинского района уголовный розыск ликвидировал преступную группу в составе 14 человек (Г. Л. Куклин, А. А. Кособоков, Г. А. Файзуллин, А. М. Белицкий, А. А. Шабанов и др.) в возрасте от 15 до 17 лет. Данная группа совершила два грабежа и десять краж. Так, 19 февраля 1942 г., вооружившись палками и ножами, подростки напали на председателя и возчика Бейгуловского сельпо Уфимского района, похитили 10 л вина. В Сталинском районе Уфы 4-м отделением милиции 31 декабря 1942 г. арестована преступная группа, состоявшая из несовершеннолетних, которые являлись рабочими завода № 26. В общей сложности они совершили 30 краж [19, л. 17—18].

В Челябинской области в конце декабря 1942 г. органы милиции ликвидировали группу несовершеннолетних преступников из шести человек — учащихся ремесленного училища № 14. Организатор и руководитель группы — В. И. Сидоров, 1926 года рождения, ранее судимый за кражи и хулиганство. После отбытия наказания он приехал в Челябинск, где приобрел форму ученика ремесленного училища, пользуясь отсутствием контроля со стороны руководителей и воспитателей, жил на правах ученика училища. Им организована преступная группа, которая занималась изнасилованием, раздеванием пьяных, грабежами, «рывками» и хулиганством. Всех участников преступной группировки удалось арестовать и привлечь к уголовной ответственности [20, л. 22].

Имели место случаи изъятия оружия у несовершеннолетних. Так, 28 октября 1942 г. в Чкаловской области группа учеников старших классов (Бирюков, Евтеев, Елисаветский и др.) во главе со студентом автомобильного техникума Г. В. Печеркиным, вооружившись финскими ножами, зашли в школу № 12, где избили и нанесли ножевые ранения ученикам Писареву, Хамзину и др. Участников группы привлекли к уголовной ответственности. У Печеркина изъяли кинжал, сделанный из кавалерийского клинка. У задержанного В. Н. Алюкина, 1927 года рождения, изъяли финский нож и пистолет Коровина без патронов [21, л. 26]. Чкаловский районный отдел НКВД в январе 1945 г. арестовал 11 подростков (В. А. Щербakov, Л. В. Калашников, А. И. Дроздов, Н. К. Рочегов и др.), которые систематически занимались вооруженными грабежами и кражами хлеба с токов колхоза «Ленинский путь» Чкаловского района. При нападении данной группы на ток колхоза с целью ограбления 12 октября 1944 г. убит сторож Вольных и ранен сторож Никитин [22, л. 13].

В сентябре 1942 г. ГУМ НКВД СССР направило в управления милиции республик, краев, областей, отделам железнодорожной и водной милиции директиву, в которой давался анализ состояния борьбы с преступностью в стране, а также тактики, применяемой преступниками. В директиве указывалось, что гастролеры-преступники стали оседать в городах и рабочих центрах, где устанавливали связи с уголовниками, создавали притоны, формировали бандитские группы. Подобная тактика поведения гастролеров-преступников была связана с изменившейся обстановкой и мерами, которые были приняты государством, затрудняющими свободное передвижение по стране. В минимальные сроки рекомендовалось усилить проверку документов в поездах, на пароходах, шоссейных и грунтовых дорогах, в городах и населенных пунктах с тем, чтобы исключить возможность передвижения по стране преступников и бродяг [23, л. 27].

На борьбу с возросшей в военные годы детской беспризорностью, безнадзорностью и детской преступностью были направлены совместные усилия органов внутренних дел, органов образования и общественных организаций. Отделом народного образования учащимся были выданы ученические билеты, что давало возможность быстро и точно устанавливать, из ка-

кой школы задержанный ученик. Сотрудники органов НКВД развернули работу по организации культурного отдыха, оздоровления детей в летний период. Усиливался контроль за продажей билетов городскими кассами кинотеатров. Посещение школьниками кинотеатров проводилось организованно под руководством пионервожатых и учителей, на вечерние сеансы дети до 16 лет не допускались. Организовывались комсомольские посты в кинотеатрах. При кинотеатрах действовала детская самодеятельность для обслуживания детей до сеанса. В кинотеатрах были установлены спецнаряды милиции. Выставлялись подвижные посты по наблюдению за движением транспорта и по борьбе с «висунами» (дети, которые цеплялись на ходу за транспортные средства). Учащиеся старших классов организовывали бригады содействия борьбе с нарушителями уличного движения. Устанавливалось дежурство комсомольцев возле школ. Практиковалось проведение товарищеских судов над злостными нарушителями правил уличного движения и порядка в общественных местах. Директорам торговых и зрелищных организаций запрещалось допускать учащихся школ, ремесленных училищ и школ фабрично-заводского обучения в пивные, рестораны, бильярдные, танцевальные павильоны, а также в буфеты и кафе, где производилась торговля спиртными напитками.

С января 1945 г. для обеспечения должного исполнения принимаемых решений по социальной защите несовершеннолетних, своевременной помощи детям, находящимся в социально опасном положении на прокуратуру СССР возлагалась функция по надзору за исполнением законов о борьбе с детской беспризорностью, безнадзорностью и преступностью несовершеннолетних. Также прокуратура обязана была осуществлять надзор за соблюдением законности в местах принудительного содержания несовершеннолетних [26].

В целом по стране к концу войны в борьбе с преступностью несовершеннолетних были достигнуты определенные успехи. В 1945 г. преступность несовершеннолетних по сравнению с 1941 г. сократилась на 46,8 %. Уменьшилось число детей и подростков, привлеченных к уголовной ответственности [27]. На территории СССР (по неполным данным) задержали за уголовные преступления 189 901 человека [28]. В чрезвычайных условиях войны государство активизировало все силы для защиты детей, используя все методы и формы работы по ликвидации детской беспризорности, безнадзорности и преступности.

Список источников

1. Дети ГУЛАГа. 1918—1956 : документы / под ред. акад. А. Н. Яковлева ; сост. С. С. Виленский и др. М. : МВД, 2002. 628 с.
2. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. Р-1998. Оп. 1. Д. 28.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 8131. Оп. 37. Д. 539.
4. Уголовно-процессуальный кодекс. М. : Юрид. изд-во Наркомюста СССР, 1943. 280 с.
5. Уголовный кодекс. М. : Юрид. изд-во Наркомюста СССР, 1943. 224 с.
6. ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 12а.
7. Законодательные и административно-правовые акты военного времени (с 22 марта 1942 г. по 1 мая 1943 г.) / Народ. комиссариат юстиции СССР. М. : Юрид. изд-во Наркомюста СССР, 1943. 296 с.
8. ГАРФ. Ф. Р-9412. Оп. 3. Д. 12а.
9. Герман Р. Б. Деятельность российской милиции в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период (1941—1960 гг.) : моногр. Ростов н/Д : РЮИ МВД России, 2000. 163 с.
10. Сеницын А. М. Забота о беспризорных и беспризорных детях в СССР в годы Великой Отечественной войны // Вопросы истории. 1969. № 6. С. 20—29.
11. Оренбургский государственный архив социально-политической истории (ОГАСПИ). Ф. 267. Оп. 14. Д. 31.

12. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. П-288. Оп. 7. Д. 227.
13. ОГАСПИ. Ф. 371. Оп. 6. Д. 150.
14. ГАРФ. Ф. Р-9415. Оп. 3. Д. 120.
15. Национальный архив Республики Башкортостан (НАРБ). Ф. 122. Оп. 24. Д. 44а.
16. ОГАСПИ. Ф. 1697. Оп. 1. Д. 698.
17. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 122. Д. 22.
18. ОГАСПИ. Ф. 748. Оп. 14. Д. 31.
19. НАРБ. Ф. 342. Оп. 3. Д. 9.
20. ОГАЧО. Ф. П-92. Оп. 5. Д. 221.
21. ГАОО. Ф. Р-1014. Оп. 3. Д. 168.
22. ОГАСПИ. Ф. 1697. Оп. 1. Д. 953.
23. ГАРФ. Ф. 9415. Оп. 4. Д. 204.

References

1. Yakovleva A.N. et al. (eds.) *Deti GULAGa. 1918-1956, dokumenty* [Children of GULAG, Documents]. Moscow, MVD, 2002, 628 p.
2. *Gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti (GAOO)* [State Archive of the Orenburg Region (SAOO)], coll. R-1998, aids. 1, fol. 28.
3. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation (GARF)], coll. 8131, aids. 37, fol. 539.
4. *Ugolovno-protsessual'nyy kodeks* [Code of Criminal Procedure]. Moscow, Yurid. Publ. Narkomyusta SSSR, 1943, 280 p.
5. *Ugolovnyy kodeks* [Criminal Code]. Moscow, Yurid. Publ. Narkomyusta SSSR, 1943, 224 p.
6. *GARF*, coll. R-9415, aids. 3, fol. 12a.
7. *Zakonodatel'nye i administrativno-pravovye akty voennogo vremeni (s 22 marta 1942 g. po 1 maya 1943 g.)* [Legislative and Administrative Legal Acts of Wartime (from March 22, 1942 to May 1, 1943)] Moscow, Yurid. Publ. Narkomyusta SSSR, 1943, 296 p.
8. *GARF*, coll. R-9412, aids. 3, fol. 12a.
9. German R.B. *Deyatel'nost' rossiyskoy militsii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny i poslevoennyy period (1941-1960 gg.)* [Activity of the Russian Militia during the Great Patriotic War and the Post-War Period (1941-1960)], monogr. Rostov-on-Don, RYuI MVD Rossii, 2000, 163 p.
10. Sinitsyn A.M. *Zabota o beznadzornyykh i besprizornyykh detyakh v SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Care for Neglected and Homeless Children in the USSR during the Great Patriotic War], *Voprosy istorii* [History Matters], 1969, no. 6, pp. 20-29.
11. *Orenburgskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (OGASPI)* [Orenburg State Archive of Social and Political History (OGASPI)], coll. 267, aids. 14, fol. 31.
12. *Ob"edinennyy gosudarstvennyy arkhiv Chelyabinskoy oblasti (OGACHO)* [United State Archive of the Chelyabinsk Region (OGACHO)], coll. P-288, aids. 7, fol. 227.
13. *OGASPI*, coll. 371, aids. 6, fol. 150.
14. *GARF*, coll. R-9415, aids. 3, fol. 120.
15. *Natsional'nyy arkhiv Respubliki Bashkortostan (NARB)* [National Archive of the Republic of Bashkortostan (NARB)], coll. 122, aids. 24, fol. 44a.
16. *OGASPI*, coll. 1697, aids. 1, fol. 698.
17. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii* [Russian State Archive of Social and Political History], coll. 17, aids. 122, fol. 22.
18. *OGASPI*, coll. 748, aids. 14, fol. 31.
19. *NARB*, coll. 342, aids. 3, fol. 9.
20. *OGACHO*, coll. P-92, aids. 5, fol. 221.
21. *GAOO*, coll. R-1014, aids. 3, fol. 168.
22. *OGASPI*, coll. 1697, aids. 1, fol. 953.
23. *GARF*, coll. 9415, aids. 4, fol. 204.

Информация об авторе

Блинова Вера Владиславовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права, Оренбургский институт (филиал) Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), Оренбург, Российская Федерация. E-mail: blinova.vera2010@yandex.ru

Information about the author

Vera V. Blinova — Candidate of Historical Science, Associate Professor, Department of History of State and Law, Orenburg Institute (Branch) of O.E. Kutafin University (Moscow State Law Academy), Orenburg, Russian Federation. E-mail: blinova.vera2010@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 05.11.2024; принята к публикации 08.11.2024.

The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 05.11.2024; accepted for publication 08.11.2024.

НАУКА И КУЛЬТУРА SCIENCE AND CULTURE

Сибирь гуманитарная. 2024. № 4. С. 51—64.
Siberia Humanitarian. 2024;(4):51—64.

Наука и культура

Научная статья
УДК 930.2:769.91(47+57)
<https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-4-51-64>

Советская повседневность первой половины 1930-х гг. в зеркале графических работ Розалии Рабинович

Андрей Иванович Савин

Институт истории СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация, a_savin_2004@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-0242-5067>

Аннотация. В статье на примере графических работ советской художницы-авангардистки Р. М. Рабинович (1895—1988) анализируется потенциал политического плаката для изучения советской повседневности первой половины 1930-х гг. Автор приходит к выводу, что используемый комплекс визуальных источников рисует репрезентативную картину советской городской повседневности с акцентом на событийную составляющую сталинского неонэпа, знаменовавшегося снижением темпов индустриализации и упором на благосостояние советских людей. Вера в прогресс, овладение самой сложной передовой техникой, формирование нового советского человека, не только готового к подвигам за штурвалом самолета и у станка, но и заслужившего право на отдых и развлечения, эмансипация женщины и советская мемориальная культура — вот основные темы творчества художницы. Реципиент ее графических работ видит многоцветную картину советскости, созданную с подкупающей эмоциональностью. В результате возникает опасность аберрации — когда образы, транслируемые визуальным источником, программируют искаженное восприятие реальной действительности.

Ключевые слова: советский авангард, Розалия Рабинович, визуальный источник, плакат, повседневность, сталинский неонэп

Благодарности: Статья выполнена в рамках темы государственного задания Минобрнауки Российской Федерации «Социум и власть в России в XX — начале XXI вв.: политическое участие, коммуникация, идентичность акторов» (FWZM-2024-0008).

Для цитирования: Савин А. И. Советская повседневность первой половины 1930-х гг. в зеркале графических работ Розалии Рабинович // Сибирь гуманитарная. 2024. № 4. С. 51—64. <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-4-51-64>

Soviet Everyday Life in the First Half of the 1930s in the Mirror of Rosalia Rabinovich's Graphic Works

Andrei I. Savin

Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation, a_savin_2004@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0242-5067>

Abstract. The article uses the example of graphic works by Soviet avant-garde artist R.M. Rabinovich (1895—1988) to analyze the potential of political posters for studying Soviet everyday life in the first half of the 1930s. The author concludes that the complex of visual sources draws a representative picture of Soviet urban everyday life with an emphasis on the event component of the Stalinist neo-NEP. This time marked a decline in the pace of industrialization and an emphasis on the welfare of Soviet people. Belief in progress, mastery of the most sophisticated advanced technology, birth of a new Soviet man, who is not only ready to be at the wheel of the aircraft and at the machine, but also deserves the right to leisure and entertainment, the emancipation of women and Soviet memorial culture — these are the main themes of the artist's work. The recipient of her graphic works sees a multicolored picture of Sovietness created with bribing emotionality. As a result, there is a danger of aberration — when the images transmitted by the visual source make a distorted perception of reality.

Keywords: Soviet avant-garde, Rozalia Rabinovich, visual source, poster, everyday life, Stalinist neo-NEP

Acknowledgements: The article was carried out within the state assignment of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation “Society and power in Russia in the XX — early XXI centuries: political participation, communication, identity of actors” (FWZM-2024-0008).

For citation: Savin A.I. Soviet Everyday Life in the First Half of the 1930s in the Mirror of Rosalia Rabinovich's Graphic Works. *Siberia Humanitarian*. 2024. № 4. С. 51—64. <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-4-51-64>

За последние десятилетия отечественная историография пережила и продолжает переживать трансформации, связанные с революционными новациями методологического свойства. Добрый старый позитивизм оказался серьезно потеснен со своих позиций «новой политической», «новой культурной» и «новой социальной» историей, лингвистическим и антропологическим поворотами в исторических исследованиях. Историки активно изучают гендерную историю, историю повседневности, микроисторию, устную историю, историю эмоций. В серьезной академической науке постепенно пробивают себе дорогу такие экзотические направления, как Human-Animal-Studies, где подобающее место в историографии, наряду с людьми, отводится животным, в первую очередь лошадям, или «зеленая история», изучающая в качестве самостоятельного предмета сады и парки и т. д.

Важнейшее место среди этих новаций занимает визуальная история, которая характеризуется в том числе расширением источниковой базы исторических исследований за счет привлечения изобразительных источников [1, с. 164]. При этом характер новации заключается не в иллюстративном использовании такого рода источников, а в том, что кинофотодокументы, аудиовизуальные записи, картины и рисунки зачастую являются основными источниками в процессе исторической реконструкции. Примером такой работы служит новейшая монография Надежды Плунгян, посвященная конструированию образов советской женщины [2].

Роль визуальных источников в сфере изучения истории Советской России (СССР) трудно переоценить [3 ; 4]. Они активно используются в исто-

рических исследованиях последних десятилетий для изучения не только природы власти в России и Советском Союзе, практик ее легитимации и саморепрезентации, ее ритуалов и символики [5], но и флуктуаций повседневности. Однако здесь следует констатировать определенную дуальность: если для истории повседневности быта преимущественное значение имеют визуальные источники, адекватно отображающие образ жизни исторических акторов (фактически речь идет о документировании визуальными средствами, прежде всего средствами фото- и киносъемки), то в изучении истории политической повседневности ведущую роль играет политический плакат, являющийся концентрированным выражением идеологии [6]. Именно в плакатах, как правило, представлена «злоба дня», квинтэссенция всех наиболее важных общественно-политических вопросов времени.

Цель настоящего исследования заключается в том, чтобы на примере ограниченного круга графических рисунков советской художницы-авангардистки Р. М. Рабинович, выполненных в плакатной форме, продемонстрировать потенциал политического плаката для изучения советской повседневности первой половины 1930-х гг. Речь идет о девятнадцати графических работах, созданных художницей в 1930—1935 гг.¹

Розалия Моисеевна Рабинович (1895—1988) — уроженка Киева, живописец, график, сценограф. С 1919 г. жила в Москве, училась на курсах Государственных свободных художественных мастерских (ГСХМ), Высших художественно-технических мастерских (ВХУТЕМАС), ее наставниками были А. А. Осмёркин, Д. А. Щербиновский, Р. Р. Фальк. Занималась плакатом, промышленным дизайном, росписью тканей, оформлением спектаклей, преподавала в Центральном доме художественного воспитания детей им. А. С. Бубнова (Москва). С 1950-х гг. работала в Москве в Доме пионеров и Доме архитектора². Работы Розалии Рабинович представлены во многих музейных собраниях, в том числе в Третьяковской галерее и Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. В ноябре 2024 г. упомянутые 19 работ художницы выставлялись в Доме ученых новосибирского Академгородка.

Небольшую коллекцию графических работ Р. М. Рабинович можно условно разделить на пять тематических групп, образы которых наглядно характеризуют советскую повседневность 1930-х гг., в том числе ее политическую составляющую.

Четыре работы художницы — «Человек — только с часами»³ (без даты), «Москва — Ленинград» («Красная стрела», 1935), «Бунт машин» (без даты) и «Красный театр» («Робот», 1931) — образуют группу, которую можно назвать «Человек и техника в жизни страны Советов».

Рисунок «Человек — только с часами» представляет собой копию знаменитого авангардного плаката А. М. Родченко и В. В. Маяковского (1923), созданного в качестве рекламы для московского Главного универсального магазина (рис. 1). Слоган на плакате принадлежит перу В. В. Маяковского [7, с. 274]. Если сегодня часы все больше теряют свое первоначальное функциональное предназначение — служить прибором измерения времени, и все больше выполняют роль символа успешности и социального статуса их владельца, превращаясь из механизма в дорогое и престижное украшение,

¹ Графические работы хранятся в коллекции автора статьи. Насколько известно автору статьи, ни одна из анализируемых здесь работ Р. М. Рабинович не была тиражирована в виде плаката. Тем не менее для краткости изложения в статье для номинации работ Рабинович используется термин «плакат».

² Большой известности добился брат Розалии, Исаак Моисеевич Рабинович, заслуженный деятель искусств РСФСР (1936), который известен как автор костюмов для фильма «Аэлига» (1924), а также автор мозаики в вестибюле станции метро «Павелецкая».

³ Номинация работ проведена в соответствии с графическими надписями на самих плакатах. В скобках, помимо года создания, указаны дополнительные названия, сделанные автором статьи с целью избежать путаницы, поскольку три работы носят у художницы одно и то же название — «Красный театр». Дополнительная подпись «Красная стрела» к плакату «Москва — Ленинград» сделана самой художницей.

то в межвоенный период часы переживали обратную эволюцию, постепенно трансформируясь из предмета роскоши и обладания привилегированных слоев в объект массового потребления [8, с. 98]. Сохраняя свою функциональность, они символизировали собой для широких масс безграничные возможности технического прогресса и индустриального производства, являлись обязательным аксессуаром «знатных» людей советской страны. Так, 20 сентября 1939 г. писатель М. М. Пришвин сделал любопытную запись в дневнике: «Покупка часов: весь день бегал и ни одного часов во всей Москве не нашел (раскупили стахановцы, — любят часы).

Рис. 1. Р. М. Рабинович. Плакат «Человек — только с часами»
R.M. Rabinovich. Poster "Man — only with a watch"

Рис. 2. Р. М. Рабинович. Плакат «Москва — Ленинград» («Красная стрела», 1935)
R.M. Rabinovich. Poster "Moscow — Leningrad" ("Red Arrow", 1935)

Купил на улице гигантские» [9, с. 426]. Плакат также отображал специфическое мироощущение человека индустриального общества. Социальная и общественно-политическая реальность страны Советов 1920—1930-х гг. задавала весьма специфическую временную структуру, лучше всего выраженную строкой все того же Маяковского: «Шагай, страна, / быстрее, моя, / коммуна — / у ворот! / Вперед, / время! / Время, / вперед!» Часы в полной мере служили аналогией и одновременно сами отмеряли ускоренный ритм механического производства и форсированной индустриализации СССР.

Плакат «Москва — Ленинград» («Красная стрела», 1935) также является мерилем индустриального времени, хотя сама визуальная картина статична: мы видим только ноги пассажирки, которая стоит с багажом возле рельсов (рис. 2). Зато весь образ наполнен предвкушением стремительного путешествия в главном поезде Советского Союза. Поезд Ленинград — Москва — Ленинград, широко известный как «Красная стрела», впервые отправился в путь в ночь с 9 на 10 июля 1931 г. Экспресс состоял из вагонов постройки времен царской России, которые были окрашены в синий цвет, в красный цвет вагоны были перекрашены только на рубеже 1950—1960-х гг. Расстояние между двумя столицами поезд покрывал за 9 часов 45 минут, средняя скорость составляла около 70 км в час. Традиционными пассажирами «Красной стрелы» были представители партийно-государственной элиты, военачальники, артисты, писатели и т. п. На плакате Р. Рабинович изображена советская женщина, явно едущая на поезде отнюдь не для развлечения, эту мысль подтверждает красно-черный чехол какого-то инструмента в ее багаже.

На плакате «Красный театр» (1931) мы видим образ будущего — робота (рис. 3). Считается, что слово «робот» было предложено чешским художником Йозефом Чапеком и впервые использовано его братом, писателем Карелом Чапеком, в пьесе «Р.У.Р.» («Россумские универсальные роботы», 1920), где оно обозначало искусственных рабочих. Наверное, это было не случайно, учитывая, что, согласно легенде, именно пражский раввин Йехуда Бен Бецалель создал первого

робота — глиняного голема. Появление робота на плакате Р. Рабинович было данью времени. Мечты о коммунизме были также мечтами об обществе, в котором физический труд исчезает из жизни человека, а вся его тяжесть ложится на плечи машин. Возможно также, что речь идет об эскизе к реальной театральной постановке, на что косвенно указывает надпись на плакате.

Тему роботизации продолжает плакат «Бунт машин» (без даты) (рис. 4). Этот рисунок Р. Рабинович является рефлексией на тему сюжета, уже распространенного в научной фантастике начала XX в. Речь идет о пессимистическом сценарии развития технократического общества, где власть над людьми захватывают машины. Возможно, художница вдохновлялась неоконченными рассказами «Восстание машин» (1908) и «Мятеж машин» (1914) литератора Серебряного века В. Я. Брюсова. В этих антиутопических рассказах машины действуют систематично, с «дьявольской логикой», они заранее готовились выйти из подчинения людей [10, с. 484—485]. Также можно предположить, что речь идет об эскизе афиши к некой кинокартине. Кстати, спустя век один из фильмов легендарной франшизы о терминаторе получит название «Восстание машин».

Вторая группа плакатов выступает в качестве репрезентации темы военного спорта, в том числе в рамках деятельности Осоавиахима. Физкультура и спорт являлись для большевиков средством формирования нового современного человека. 1930-е гг. стали временем бурного развития советского спорта, который носил ярко выраженную военную направленность. По всей стране осуществлялась массовая подготовка «ворошиловских стрелков», значкистов ГТО и ГПВХО, была развернута сеть аэроклубов. Каждый комсомолец еще до военной службы должен был овладеть искусством меткой стрельбы и изучить одну из военных специальностей. Постановлением ЦИК СССР от 22 июля 1937 г. спортивные общества «Динамо» и «Спартак» были награждены орденом Ленина. Как писал 31 мая 1938 г. М. И. Калинин председатель Центрального совета физической культуры С. Л. Привис, «высокая награда вызвала громадный энтузиазм совет-

Рис. 3. Р. М. Рабинович. Плакат
«Красный театр» (1931)
R.M. Rabinovich. Poster
“Red Theater” (1931)

Рис. 4. Р. М. Рабинович. Плакат
«Бунт машин»
R.M. Rabinovich. Poster “Revolt of Machines”

ских физкультурников и была принята как знак исключительного внимания партии и правительства к советскому спорту» [11, л. 12—13]. Награды спортсменам должны были вручить в августе 1937 г., после возвращения советской делегации с Антверпенской рабочей олимпиады, где «были одержаны все решающие победы, еще выше поднявшие знамя советского спорта» [11, л. 12—13].

Рис. 5. Р. М. Рабинович. Плакат «Сталин — Спорт» (1933)
R.M. Rabinovich. Poster "Stalin — Sport" (1933)

Рис. 6. Р. М. Рабинович. Плакат «Комсомолка. В полет!» (1934)
P.M. Rabinovich. Poster "Komsomolka. In Flight!" (1934)

На плакате «Сталин — Спорт» (1933) мы видим пока исключительно «чистых» спортсменов: пловцов, теннисиста, боксера и гиревика (рис. 5). Однако грань между «чистым» и военно-прикладным спортом тонка — все фигуры спортсменов символично заключены в круг куполом парашюта¹.

Плакат «Комсомолка. В полет!» (1934) уже полностью посвящен авиационному спорту как одному из важнейших направлений деятельности Осоавиахима (рис. 6). Героический образ советских летчиков основывался на ценностях Просвещения с его верой в прогресс, торжество разума и безграничность человеческих возможностей. Как и космонавты в хрущевско-брежневское время, летчики служили в 1930-е гг. выражением всего самого передового, что есть в советском обществе, квинтэссенцией науки, техники и военной мощи, являя собой притягательный пример для подражания. Государству нужны были не только смелые фанатики, готовые отдать свою жизнь по первому слову партии, но и образованные кадры, способные учиться и овладевать техникой. Если вспомнить, насколько косным оценивали большевики общество, доставшееся им в наследство от царизма, то летчики выглядели на этом фоне настоящими рыцарями прогресса [14]. Видное место в блестящей плеяде «сталинских соколов» занимали женщины. Вся страна знала имена отважных летчиц — Героев Советского Союза В. С. Гризодубовой, П. Д. Осипенко и М. М. Расковой. На плакате Рабинович мы не случайно видим именно современную молодую женщину: комсомолка уже овладела автомобилем, и теперь на очереди — самолет.

Плакат «Москва — Кара-Кум — Москва» (1933) визуализирует еще один вид спорта, связанный с овладением машиной (рис. 7). Автогонки долгое время считались в Советском Союзе буржуазным развлечением. В итоге место автогонщиков в СССР заняли участники автопробегов. Будущий лауреат трех Сталинских премий, художник Петр Вильямс еще в 1930 г. нарисовал в экспрессионистской манере картину «Автопробег». Классическим стало описание автопробега Москва — Самара — Москва в романе И. Ильфа и Е. Петрова «Золотой теленок» (1931). Один из наиболее известных советских автопробегов

¹ О военном спорте в 1930-е гг. см.: [12 ; 13].

длиной 9,5 тыс. км состоялся в 1933 г. по маршруту Москва — Каракумы — Москва, в нем приняли участие 23 автомобиля производства Московского и Горьковского автозаводов. Пробег стартовал в Москве 6 июля 1933 г. и завершился 30 сентября 1933 г. Политбюро ЦК ВКП(б) высоко оценило достижения участников пробега. Так, 2 октября 1933 г. И. В. Сталин предложил послать от его имени, а также от имени В. М. Молотова, К. Е. Ворошилова и Л. М. Кагановича приветствие участникам «исторического пробега», «блестяще выполнившим задание советской власти». В итоге указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 ноября 1933 г. орденом Ленина были награждены командор автопробега А. М. Мирецкий, председатель технической комиссии Д. Н. Эхт¹, секретарь партколлектива и «водитель машины № 9» В. П. Беневоленский [15, л. 11, 35]. Р. Рабинович нарисовала свой плакат на тему дня, где с экстравагантным автомобилем пробега соревнуются в скорости не менее экстравагантные белые парусники, плывущие по одному из каналов, сооруженных для обводнения Туркменской ССР.

Рис. 7. Р. М. Рабинович. Плакат «Москва — Кара-Кум — Москва» (1933)
R.M. Rabinovich. Poster "Moscow — Kara-Kum — Moscow" (1933)

Тема мощного автомобиля также является центральной в плакате «Москва» (1934), который символизирует мощь сталинского государства (рис. 8). На плакате сквозь кремлевскую стену под пятиконечной звездой мчится огромный автомобиль, за рулем которого угадывается человек в военной фуражке и гимнастерке с петлицами. От авангардной графики, помимо красно-черной гаммы, здесь осталась пятиконечная звезда, вписанная в рельеф кремлевской стены. Восемь кругов, расположенных поверх звезды, напоминают барабан восьмизарядного револьвера, окружность в центре звезды обозначает его дуло, верхний луч пятиконечной звезды — прицельную мушку.

Рис. 8. Р. М. Рабинович. Плакат «Москва» (1934)
R.M. Rabinovich. Poster "Moscow" (1934)

Самая многочисленная группа из пяти плакатов является репрезентацией досуга и развлечений советских граждан. Плакат «Моды. Сезон 1933» (1933), написанный в последний год массового голода 1932—1933 гг., скорее можно охарактеризовать как предчувствие нового, более радостного времени (рис. 9). Ряд историков даже называют 1934—1936 гг. сталинским неонэпом. Геройско-праздничный дух этих лет отразила популярная песенка «Молодость» (1936) на слова Юрия Данцигера и Юрия До-

¹ Эхт Давид Наумович — легендарный советский спортсмен, в годы Великой Отечественной войны — генерал-майор танковых войск.

лина в исполнении Леонида Утесова: «На аллеях центрального парка майским утром растет резеда / Можно галстук носить очень яркий / И быть в шахте героем труда / Как же так: резеда — И героем труда? / Не пойму, объясните вы мне / Потому, что у нас / Каждый молод сейчас / В нашей юной прекрасной стране». Если верить плакату Р. Рабинович и песенке Утесова, теперь советских граждан ожидали не столько испытания и само-

пожертвование, сколько модная шляпка или яркий галстук и счастливая созидательная жизнь на благо страны.

Тему моды органично дополняет плакат «Советский теа-джаз» (без даты) (рис. 10). Первый в РСФСР эксцентрический джаз-банд Валентина Парнаха дебютировал на сцене Центрального техникума театрального искусства в октябре 1922 г. Новаторское музыкальное направление быстро завоевало популярность в СССР, несмотря на всю критику джаза как музыки классовых врагов — «музыки толстых», по выражению М. Горького. Настоящей сенсацией 1929 г. стало появление «Теа-джаза» — джазового оркестра Леонида Утесова. Речь шла о гибриде музыки, театра, танца и монологов. Музыканты ставили во время выступления целые спектакли, поражая зрителей театрализацией в лучших традициях мюзик-холла. При этом их развлекательные спектакли зачастую были нагружены политически. В итоге феномен театрального джаза представлял собой удачный компромисс между развлечением и идеологической индоктринацией [16, s. 38—39]. Один из спектаклей «Теа-джаза» — «Музыкальный магазин» — лег в основу первой советской музыкальной комедии «Веселые ребята».

Плакат «Советский рабочий, отдохни в Сочи!» (1935) создает запоминающийся образ важного современного социального достижения советской власти — организации курортно-санаторного отдыха (рис. 11). Система санаторно-курортного обслуживания советского населения начала складываться еще в годы Гражданской войны: в 1919 г. был принят декрет СНК РСФСР «О лечебных местностях общегосударственного значения», который положил начало национализации курортов. Поездка в санаторий была настоящим событием в жизни советских граждан. Основатель Стахановского движения А. Г. Стаханов зимой 1936 г. впервые в жизни оказался вместе с семьей в санатории Сочи. Его безыскусное письмо, адресованное редактору газеты «Кадиевский пролетарий» С. Я. Каплану, показывает, насколько был очарован курортом этот новоиспеченный сталинский герой. В частности, Стаханов писал: «Здесь очень хорошо. Каждый день хожу на море, смотрю как бушует море своими большими волнами, что меня очень поражает, какое оно большое, 6 000 километров

Рис. 9. Р. М. Рабинович. Плакат «Моды. Сезон 1933» (1933)
R.M. Rabinovich. Poster "Fashions. Season 1933" (1933)

Рис. 10. Р. М. Рабинович. Плакат «Советский теа-джаз»
R.M. Rabinovich. Poster "Soviet Thea-jazz"

от берега до берега. Очень много гор, очень хорошие цветы, только жить здесь. Жить, а умереть не надо. Впечатление у меня осталось самое лучшее в жизни. Еще написал [бы], но не могу описать, я в жизни еще не видел всего такого, я очень рад, что я попал в Сочи. Погода хорошая, ходим в костюмах, снегу нет, цветы цветут» [17, л. 5—6].

Два следующих плаката Р. Рабинович посвящены теме советских зрелищ, художница подчеркивает «советскость» названиями графических работ: «Красный цирк» (1931) и «Красный театр» (1930). Возможно, эти надписи потребовались потому, что образы на плакатах не имеют четких признаков, которые позволили бы однозначно воспринимать их как часть советской повседневности. Многим памятно высказывание В. И. Ленина: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино». Эту фразу вождь произнес в 1923 г. в беседе с наркомом просвещения А. В. Луначарским. В годы перестройки появились утверждения, что Ленин якобы говорил: «Из всех искусств для нас важнейшим являются кино и цирк». Как бы то ни было, большевики действительно были поборниками нового «красного цирка», они рассматривали его как «приводной ремень», который позволял в развлекательной форме донести до народных масс идеи коммунизма.

Луначарский призывал в 1919 г. художественную интеллигенцию: «Подите в цирк. В нынешний цирк — всегда грубоватый... а ныне впавший в порядочное убожество за разъездом лучших артистов, обнищанием средствами, отсутствием фуража и т. д. Вы увидите, что цирки и теперь переполнены. По воскресеньям они дают битковые сборы. Присмотритесь к публике: это наша публика. Эта та публика, которую мы только еще начинаем зазывать в театр. На девять десятые красноармейцы, рабочие и их семьи. <...> Это наша публика. И один тот факт, что она до страсти любит цирк, показывает, что мы не смеем быть к нему равнодушными и что те из нас, которые расходятся в этом отношении с нею, скорее не правы, чем она» [18, с. 5—6]. В результате в течение 1920—1930-х гг. большевики с разной долей успеха пытались поставить на классовые идеологические рельсы дрессуру, эквилибристику и клоунаду. Нам не известно, была ли Р. Рабинович зна-

Рис. 11. Р. М. Рабинович. Плакат «Советский рабочий, отдохни в Сочи!» (1935)
R.M. Rabinovich. Poster "Soviet Worker, Rest in Sochi!" (1935)

Рис. 12. Р. М. Рабинович. Плакат «Красный цирк» (1931)
R.M. Rabinovich. Poster "Red Circus" (1931)

кома со статьей А. В. Луначарского, но нарисованные ей клоуны могли бы быть иллюстрацией к следующему пассажиру А. В. Луначарского: «Яркие, пестрые, шумные, обладающие ловкостью обезьян, курьезно играющие чуть не на всех инструментах, окруженные послушными животными, сыплющие шутки клоуны, шуты его величества народа — прекрасное эстетическое явление» [18, с. 5—6] (рис. 12).

Рис. 13. Р. М. Рабинович. Плакат «Красный театр» (1930)
R.M. Rabinovich. Poster "Red Theater" (1930)

спортсменки-пловчихи, отдыхающей на курорте работницы и клоунессы добавляются образы актрисы на плакате «Красный театр» («Красная Нефертити», без даты) и работницы на плакате «Советский текстиль» (1932).

Рис. 14. Р. М. Рабинович. Плакат «Красный театр» («Красная Нефертити»)
R.M. Rabinovich. Poster "Red Theater" ("Red Nefertiti")

Что же касается театра, то 1920-е гг. были временем ожесточенных споров о том, каким должен быть «красный революционный театр». Левые радикалы настаивали на полном разрыве с традиционным театром и переходе к «производственному искусству» и массовым действиям, с отказом от разделения на актеров и зрителей. Более умеренные стояли на точке зрения подчинения старого театра новым задачам. К концу 1920-х гг. острота дискуссий несколько притупилась. «Левый театр», по выражению А. В. Луначарского, «сильно придвинулся к реалистической оси сценического искусства», но и «правый театр», в свою очередь, «усвоил себе в должной мере некоторые достижения новейших театральных устремлений» [19]. При известной доли фантазии можно утверждать, что графический рисунок Р. Рабинович «Красный театр» (1930) запечатлел это амбивалентное состояние (рис. 13).

Тема эмансипации женщин при советской власти является одной из ключевых для творчества Р. Рабинович. К образам комсомолки-летчицы, спортсменки-пловчихи, отдыхающей на курорте работницы и клоунессы добавляются образы актрисы на плакате «Красный театр» («Красная Нефертити», без даты) и работницы на плакате «Советский текстиль» (1932). Если в профиле «Красной Нефертити» мало революционного кроме надписи (рис. 14), то рисунок «Советский текстиль» можно рассматривать в качестве классической репрезентации «новой женщины».

Работница на рисунке имеет узнаваемые атрибуты индустриальной эпохи: косынку (фабричная утилитарность и символ революционной борьбы) и рабочую униформу [2, с. 55]. Над фабрикой пролетает самолет, который символизирует оборонный характер труда советских текстильщиц: в 1930-е гг. перкаль, изготовленный из длинноволокнистого чесаного хлопка, широко применялся в советской авиационной промышленности для изготовления обшивки крыльев, фюзеляжа, элементов оперения и иных поверхностей самолетов (рис. 15).

Последние четыре плаката можно объединить темой советских ритуалов, годовщин и праздников. Несомненно, лидирует здесь плакат «10 лет без Ильича» (1934), нарисованный Р. Рабинович к 10-й годовщине смерти Ленина (рис. 16). Плакат является прекрасной иллюстрацией темы «красных похорон», которые были одной из

форм новой советской обрядности. Главными «красными похоронами» в период нэпа стали похороны В. И. Ленина. Тысячи писем советских граждан, адресованных комиссии по организации похорон Ленина, требовали сохранить тело вождя. По некоторым версиям, именно требования с мест сыграли главную роль в решении о сооружении долговременного склепа и мумификации тела, что парадоксальным образом должно было послужить делу укрепления идей ленинизма. Высшая форма преклонения перед мертвым советским героем — традиция посещения мавзолея — была заложена делегатами XIII съезда РКП(б) (23—31 мая 1924 г.). Для широкого посещения мавзолеем Ленина был открыт 1 августа 1924 г. На плакате Р. Рабинович изображен уже каменный мавзолей, построенный вместо деревянного в октябре 1930 г. [20].

Рисунки Р. Рабинович «1931. Пятилетка. Пионер» (1931) (рис. 17) и «XV лет революции» (1932) (рис. 18) являются характерным примером советской авангардной графики. Им свойственна предельная геометризация, подчинение композиции прямоугольным ритмам, стабильная цветовая гамма (черный, красный, белый, золотой), комбинация разноцветных плоскостей простейших геометрических форм, в роли которых часто выступают цифры и буквы. Внимательный зритель опознает и расшифрует слова, вписанные художницей в общий геометрический узор, как это имеет место в одном из рисунков: «1931», «Пятилетка», «Пионер».

Плакат «СССР — ВСР» (без даты) свидетельствует, что в 1930-е гг. большевики еще жили надеждами на мировую революцию (рис. 19). Об этом говорит загадочная аббревиатура «ВСР», которую можно расшифровать как «Всемирная советская республика». Как известно, к 1941 г. число союзных республик достигло 16-ти. Одна из комсомолок мечтала в это время: «А может быть к шестнадцати гербам еще гербы добавятся другие...»

Комплекс визуальных источников, использованных в статье, формировался достаточно произвольно, тем не менее он представляет вполне репрезентативную картину советской городской повседневности первой половины 1930-х гг.

Рис. 15. Р. М. Рабинович. Плакат «Советский текстиль» (1932)
R.M. Rabinovich. Poster "Soviet Textiles" (1932)

Рис. 16. Р. М. Рабинович. Плакат «10 лет без Ильича» (1934)
R.M. Rabinovich. Poster "10 Years Without Ilyich" (1934)

Рис. 17. Р. М. Рабинович. Плакат «1931. Пятилетка. Пионер» (1931)
R.M. Rabinovich. Poster "1931. Five-Year Plan. Pioneer" (1931)

с акцентом на событийную составляющую сталинского неонэпа, этого короткого периода относительной передышки, знаменовавшей после эксцессов «революции сверху» снижением темпов индустриализации и упором на благосостояние советских людей. Вера в прогресс, овладение самой сложной передовой техникой, формирование нового советского человека, не только готового к подвигам за штурвалом самолета и у станка, но и заслужившего право на отдых и развлечения, эмансипация женщины и советская мемориальная культура — вот основные темы творчества Р. М. Рабинович в 1930—1935 гг. Реципиент ее графических работ видит многоцветную картину советскости, созданную с подкупающей эмоциональностью. В результате возникает опасность аберрации, когда образы, транслируемые визуальным источником, программируют искаженное восприятие реальной действительности.

Рис. 18. Р. М. Рабинович. Плакат «XV лет революции» (1932)
R. M. Rabinovich. Poster "XV Years of the Revolution" (1932)

Рис. 19. Р. М. Рабинович. Плакат «СССР — ВССР»
R.M. Rabinovich. Poster "USSR — SMR"

Список источников

1. Мазур Л. Н. Визуализация истории: новый поворот в развитии исторического познания // Quaestio Rossica. 2015. № 3. С. 161—178.
2. Плунгян Н. Рождение советской женщины: работница, крестьянка, летчица, «бывшая» и другие в искусстве 1917—1939 годов. М., 2023. 288 с.
3. Очевидная история: проблемы визуальной истории России XX столетия : сб. ст. / [редкол. : И. В. Нарский и др.]. Челябинск : Каменный пояс, 2008. 476 с.
4. Визуальная антропология: режимы видимости при социализме / под ред. Е. Р. Ярской-Смирновой, П. В. Романова. М. : ЦСПГИ : Вариант, 2009. 444 с.
5. Плампер Я. Алхимия власти: культ Сталина в изобразительном искусстве. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 495 с.
6. Агитмассовое искусство Советской России : материалы и документы. Агитпоезда и агитпароходы. Передвижной театр. Политический плакат. 1918—1932 : [в 2 т.] / Российская академия художеств, НИИ теории и истории изобразительных искусств [и другие] ; автор-составитель: И. М. Бибилова [и другие] ; под ред. В. П. Толстого. М. : Искусство, 2002.

7. Маяковский В. В. «Человек — только с часами» // Маяковский В. В. Полное собрание сочинений : в 13 т. / Акад. наук СССР ; Ин-т мировой литературы им. А. М. Горького. М. : Гослитиздат, 1955—1961. Т. 5: Март—декабрь 1923. 479 с.
8. Ечевская О. Наручные часы: время и социальная идентичность после модерна // Журнал социологии и социальной антропологии. 2007. Т. 10. Специальный выпуск. С. 96—107.
9. Пришвин М. М. Дневники. 1938—1939. СПб. : Росток, 2010. 608 с.
10. Батыр Т. Б. Он «в море не искал таинственных утопий»: антиутопии и практопии В. Я. Брюсова // Утопия и эсхатология в культуре русского модернизма / сост. и отв. ред. О. А. Богданова, А. Г. Гачева. М., 2016. С. 484—495.
11. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 3316. Оп. 30. Д. 619.
12. Никонова О. Ю. Воспитание патриотов: Осоавиахим и военная подготовка населения в уральской провинции (1927—1941 гг.). М. : Новый хронограф, 2010. 471 с.
13. Савин А. И. «Как теперь хотелось бы полететь и сделаться героем стратосферы...»: парамилитаризм как инструмент героизации советской молодежи (1930-е гг.) // Новое прошлое. 2019. № 1. С. 110—128.
14. Савин А. И. «Мы беззаветные герои все...»: феномен социальной мобильности советского общества в свете его героизации (1920-е — 1930-е годы) // Россия XXI. 2015. № 3. С. 56—83.
15. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 3. Д. 934.
16. Abesser M. Den Jazz sowjetisch machen. Kulturelle Leitbilder, Musikmarkt und Distinktion zwischen 1953 und 1970. Köln, 2018. S. 38—39.
17. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 3. Оп. 62. Д. 175.
18. Луначарский А. В. Задача обновленного цирка // Вестник театра. 1919. № 3. С. 5—6.
19. Юфит А. З. Революция и театр. Л. : Искусство, 1977. 270 с.
20. Савин А. И., Тепляков А. Г. «Красные похороны»: новая похоронная обрядность в молодой Советской России // Идеи и идеалы. 2021. Т. 13, № 3. Ч. 1. С. 205—228.

References

1. Mazur L.N. Vizualizatsiya istorii: novyy povorot v razviti istoricheskogo poznaniya [Visualizing History: a New Turn in the Development of Historical Knowledge], *Quaestio Rossica*, 2015, no. 3, pp. 161-178.
2. Plungyan N. Rozhdenie sovetskoy zhenshchiny: rabotnitsa, krest'yanka, letchitsa, “byvshaya” i drugie v iskusstve 1917-1939 godov [The Birth of the Soviet Woman: Worker, Peasant, Pilot, “Former” and others in the Art of 1917-1939]. Moscow, 2023, 288 p.
3. Ochevidnaya istoriya: problemy vizual'noy istorii Rossii XX stoletiya [Obvious History: Problems of Visual History of Russia in the 20th Century]. Chelyabinsk, Kamenny poyas, 2008, 476 p.
4. Yarskoy-Smirnovoy E.R., Romanova P.V. (ed.) Vizual'naya antropologiya: rezhimy vidimosti pri sotsializme [Visual Anthropology: Modes of Visibility under Socialism]. Moscow, TsSPGI, Variant, 2009, 444 p.
5. Plamper Ya. Alkhimiya vlasti: kul't Stalina v izobrazitel'nom iskusstve [The Alchemy of Power: The Cult of Stalin in the Visual Arts]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2010, 495 p.
6. Tolstoy V.P. (ed.) Agitmassovoe iskusstvo Sovetskoy Rossii, materialy i dokumenty. Agitpoezda i agitparokhody. Peredvizhnoy teatr. Politicheskyy plakat. 1918-1932 [Agitmass Art of Soviet Russia, Materials and Documents. Agit Trains and agit Steamers. Mobile Theater. Political Poster. 1918-1932]. Moscow, Iskusstvo, 2002.
7. Mayakovskiy V.V. “Chelovek - tol'ko s chasami” [“A man is only a man with a watch”], *Mayakovskiy V.V. Complete Works [Completed Collection of Works]*. Moscow, Goslitizdat, 1955-1961, book 5, 479 p.
8. Echevskaya O. Naruchnye chasy: vremya i sotsial'naya identichnost' posle moderna [Wristwatches: Time and Social Identity after Modernity], *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii [Journal of Sociology and Social Anthropology]*. 2007. T. 10. Special issue, 2007, vol. 10, p. 96-107.
9. Prishvin M.M. Dnevnik. 1938-1939 [Diaries. 1938-1939]. Saint-Petersburg, Rostok, 2010, 608 p.
10. Batur T.B. On “v more ne iskal tainstvennykh utopiy”: antiutopii i praktopii V.Ya. Brusova [He “in the sea did not look for mysterious utopias”: dystopias and praktopias V.Ya. Brusov], *Utopiya i eskhatologiya v kul'ture russkogo modernizma* [Utopia and eschatology in the culture of Russian modernism]. Moscow, 2016, pp. 484-495.
11. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation], coll. 3316, aids 30, fol. 619.
12. Nikonova O.Yu. Vospitanie patriotov: Osoaviakhim i voennaya podgotovka naseleniya v ural'skoy provintsii (1927-1941 gg.) [Education of patriots. Osoaviakhim and military training of the population in the Urals province (1927-1941)]. Moscow, Novyy khronograf, 2010, 471 p.

13. Savin A.I. "Kak teper' khotelos' by poletet' i sdelat'sya geroem stratosfery...": paramilitarizm kak instrument geroizatsii sovetskoy molodezhi (1930-e gg.) ["How now I would like to fly and become a hero of the stratosphere...": Paramilitarism as an Instrument of Heroization of Soviet Youth (1930s)], *Novoe proshloe [New Past]*, 2019, no. 1, pp. 110-128.
14. Savin A.I. "My bezzavetnye geroi vse..." Fenomen sotsial'noy mobil'nosti sovet-skogo obshchestva v svete ego geroizatsii (1920-e - 1930-e gody) ["We are Selfless Heroes All...": the Phenomenon of Social Mobility of Soviet Society in the Light of its Heroization (1920s - 1930s)], *Rossiia XXI [Russia XXI]*, 2015, no. 3, pp. 56-83.
15. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii [Russian State Archive of Social and Political History]*, coll. 17, aids 3, fol. 934.
16. Abesser M. Den Jazz sowjetisch machen. Kulturelle Leitbilder, Musikmarkt und Distinktion zwischen 1953 und 1970 [Making Jazz Soviet. Cultural Models, the Music Market and Distinction between 1953 and 1970]. Köln, 2018, pp. 38-39.
17. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii [Russian State Archive of Contemporary History]*, coll. 3, aids 62, fol. 175.
18. Lunacharskiy A.V. Zadacha obnovlennogo tsirka [The Task of the Renovated Circus], *Vestnik teatra [Theater Bulletin]*, 1919, no. 3, pp. 5-6.
19. Yufit A.Z. Revolyutsiya i teatr [Revolution and Theatre]. Leningrad, Iskusstvo, 1977, 270 p.
20. Savin A.I., Teplyakov A.G. "Krasnye pokhorony": novaya pokhoronnaya obryadnost' v molodoy Sovetskoy Rossii ["Red Funerals": New Funeral Rites in Young Soviet Russia], *Idei i idealy [Ideas and Ideals]*, 2021, vol. 13, no. 3. part 1, pp. 205-228.

Информация об авторе

Савин Андрей Иванович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующий сектором общественно-политического развития, Институт истории СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: a_savin_2004@mail.ru

Information about the author

Andrey I. Savin — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Head of the Sector of Social and Political Development, Institute of History, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: a_savin_2004@mail.ru

Статья поступила в редакцию 16.10.2024; одобрена после рецензирования 22.11.2024; принята к публикации 28.11.2024.

The article was submitted 16.10.2024; approved after reviewing 22.11.2024; accepted for publication 28.11.2024.

Наука и культура

Научная статья
УДК 904(510):737.11
<https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-4-65-71>

Три византийские монеты VII—IX вв. в Китае

Даниил Петрович Шульга¹✉, Наталья Николаевна Пивень²

¹ Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация, shulga-dp@ranepa.ru✉

² Приазовский государственный технический университет, Мариуполь, Российская Федерация, piven.n4ta@yandex.ru

Аннотация. Нумизматика Шелкового пути является важнейшим источником изучения повседневной жизни людей раннего Средневековья. Исследование монет позволяет проследить изменения политических, культурных, социальных реалий, нашедших отображение на монетах разных исторических периодов. В статье рассматриваются найденные в Китае монеты Восточной Римской империи. С точки зрения археологических находок выявлено, что солиды правителей — начиная от Аркадия (395—408 гг.) и заканчивая императором Константином V (741—775 гг.) — появлялись (и одновременно копировались на месте) в Синьцзяне и на Центральной равнине Китая. Уже в наше время существует значительное количество музейных экспонатов, контекст обнаружения которых невозможно выяснить. Автор рассматривает три монеты: две из них относятся к царствованию Константа II (641—668 гг.) и одна — к эпохе Феофила из Аморийской династии (829—842 гг.). Эти находки, хотя и происходят из музейных коллекций (местоположение и контекст их обнаружения неизвестны), вполне вероятно, что они появились в Китае уже в раннем Средневековье. На это указывает общая политика двух императоров (их войны с арабами и отношения с тюркскими народами), а также косвенные контакты Восточной Римской империи с Китаем в эпоху Тан. Автор приходит к выводу, что, несмотря на нахождение вне археологического контекста, описываемые нумизматические артефакты попали в Китай вскоре после изготовления (в пределах одного столетия). Стоит учитывать, что явная христианская символика на монетах не противоречит подобному заключению, так как несторианство при династиях Тан, Сун и Юань играло заметную роль в духовной культуре Поднебесной (потому монеты могли в повседневности использоваться и в ритуальных целях).

Ключевые слова: Восточная Римская империя, солиды, Китай, несторианство, нумизматика

Для цитирования: Шульга Д. П., Пивень Н. Н. Три византийские монеты VII—IX вв. в Китае // Сибирь гуманитарная. 2024. № 4. С. 65—71. <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-4-65-71>

Original article

Three VII—IX Century Byzantine Coins in China

Daniil P. Shulga^{1✉}, N. N. Piven²¹ Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation, shulga-dp@ranepa.ru ✉² Pryazovskiy State Technical University, Mariupol, Russian Federation, piven.n4ta@yandex.ru

Abstract. Silk Road numismatics is the most important source for studying the daily life of people of the early Middle Ages. The study of coins allows tracing the changes in political, cultural and social realities reflected in the coins of different historical periods. The article deals with the coins of the Eastern Roman Empire found in China. From the point of view of archaeological finds it reveals that solidi of rulers — starting from Arcadius (395—408) and ending with Emperor Constantine V (741—775) — appeared (and simultaneously copied on the spot) in Xinjiang and in the Central Plain of China. Even in our time, there is a significant number of museum exhibits with the context of discovery non-clarified. The article considers three coins: two from the reign of Constant II (641—668) and one from the reign of Theophilus of the Amorean dynasty (829—842). Although these finds are from museum collections (the location and context of their discovery are unknown), it is likely that they appeared in China as early as the early Middle Ages. This is indicated by the common policy of the two emperors (their wars with the Arabs and relations with the Turkic peoples), as well as indirect contacts between the Eastern Roman Empire and China in the Tang period. The article concludes that, despite being outside the archaeological context, the described numismatic artifacts reached China soon after they were made (within one century). It is worth considering that the obvious Christian symbolism on the coins does not contradict this conclusion, as Nestorianism during the Tang, Song and Yuan dynasties played a prominent role in the spiritual culture of the Celestial Empire (therefore the coins could be used in everyday life and for ritual purposes).

Keywords: Eastern Roman Empire, solidi, China, Nestorianism, numismatics

For citation: Shulga D.P., Piven N.N. Three VII—IX Century Byzantine Coins in China. *Siberia Humanitarian*. 2024. № 4. С. 65—71. <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-4-65-71>

Монеты являются одним из важнейших элементов повседневной жизни, сопровождая развитие товарного хозяйства. Примечательно, что при этом они сохраняют приметы и особенности того времени, когда они были в ходу. В настоящей статье мы рассмотрим три монеты: две из них относятся к правлению Константа II (641—668) и одна — к эпохе Феофила из Амореиской династии (829—842). Описание данных солидов еще не публиковалось в русскоязычных изданиях. Эти монеты из музейных коллекций (место и контекст их обнаружения не известны), весьма вероятно, еще в раннее Средневековье оказались на территории Китая. На это указывает политика двух императоров (их войны с арабами и взаимоотношения с тюркскими народами), а также некоторые опосредованные контакты Восточной Римской империи с Китаем в эпоху Тан.

Исследование предметов ромейской нумизматики, найденных на территории КНР, представляет собой весьма сложную задачу, хотя данный процесс начался еще около ста лет назад [1 ; 2]. Это объясняется, во-первых, малой доступностью материалов для русскоязычных и европейских исследователей, что обусловлено как языковым барьером, так и малым количеством обобщающих китайских публикаций [3]. Зачастую описание находок дается только в статьях о раскопках памятника. Качество иллюстраций в изданиях, вышедших до 1990-х гг., оставляет желать лучшего. Во-вторых, значительная часть находок (а если учитывать находки с территории Монголии — то и большая часть [4]) являет собой копии разного качества,

часть из которых, вероятно, изготавливалась прямо в средневековом Китае [5, 1993, с. 17—19]. В-третьих, огромный массив монет, представленных в музейной коллекции, найден не в комплексе, и при неизвестных обстоятельствах. В настоящей работе авторы представят три солида из коллекции Китайского музея нумизматики, которые хронологически не слишком выбиваются из ряда найденных при раскопках археологических памятников.

Начиная с середины VII в. экспансия арабов привела к падению восточных провинций Восточной Римской империи (Египет, Сирия и Палестина). Постепенно наступает средневизантийский период, в политике, экономике, религии и культуре происходят значительные изменения. С точки зрения персоналий, пожалуй, данный период можно расположить между правлением Маврикия¹ (582—602), и Ираклия I (610—641). Констант II, две найденные в Китае монеты которого автор рассматривает в этой статье, был внуком Ираклия I, — последний государь, носивший титул консула.

Среди двух золотых монет Константа II, рассматриваемых в настоящей статье, одна имеет диаметр 20,14 мм и вес 4,36 г, а другая, со следами обреза, соответственно, 18,85 мм и 4,22 г (рис. 1). На аверсе первой золотой монеты изображен император (по грудь) с «коронай» на голове и украшением из бус на шее. Одевание можно трактовать как парадный доспех (на правом плече пряжка от плаща). В правой руке изображена держава (шар с крестом), символизирующая мир, которым правит Христос. Надпись: *DN CONSTAN TIN SPPAV*. На реверсе изображен крест на ступенчатом основании, вокруг которого надпись: *VICTORIA AVCTO*.

Рис. 1. Византийские монеты периода правления Константа II из коллекции Китайского музея нумизматики [6]
Byzantine coins of the reign of Constant II from the collection of the Chinese Museum of Numismatics [6]

¹ Принадлежал к династии Юстиниана и таким образом имел прямую связь с ранневизантийским периодом.

На аверсе второй золотой монеты изображены портреты (по грудь) двух императоров. Один из них (слева) немного больше и имеет длинную бороду, представляя Константа II. Второй (справа) несколько меньше и без бороды — это Константин IV¹. У обоих короны с крестами наверху, по обеим сторонам головы подвески. Между головами просматривается еще одно изображение равностороннего креста. Из-за обрезки не хватает многих деталей, особенно пострадала надпись. На реверсе изображен крест на ступенчатом основании (в отличие от описанной выше монеты, на этой крест сильно сжат по горизонтали); слева и справа от креста расположены две фигуры — предположительно Ираклия и Тиберия, двух других сыновей Константа II. Надпись: *VICTORIA AYS XL CONOB* [6].

По манере изображения государей мы можем увидеть некоторые особенности Византийской империи эпохи перехода от раннего периода к среднему. Система престолонаследия все более обретает черты семейственности. В период ранней Римской империи система передачи власти зачастую опиралась на институт усыновления. В периоды правления династий Константина (305—363) и Юстиниана (518—602) трон зачастую передавался в пределах рода, но не «нуклеарной семьи». В эпоху Македонской династии (867—1056) перед нами уже сложившаяся система передачи власти от отца к сыну².

Обращает на себя внимание изображение креста на ступенчатом основании. Этот символ впервые появился на реверсах монет Тиберия II (578—582)³. Неудивительно, что потомки Ираклия I, триумфально вернувшего Животворящий Крест из Персии в 629 г., продолжили данную традицию.

Наконец, по изменениям в надписях мы также можем видеть, что греческий язык стал более влиятельным в Восточной Римской империи. При всей важности койнэ в периоды принципата и домината, даже после того, как столица была перенесена в Константинополь, официальным языком ранней Византийской империи оставалась латынь, в том числе на которой были выполнены надписи на монетах. С конца VI в. греческий язык постепенно находит свое отражение в нумизматике. На рассматриваемых нами монетах видно, что *T* здесь представлено греческой буквой *τ*. Также обращает на себя внимание написание *V* в виде Ч-образной литеры.

Еще одним музейным экспонатом средневизантийского периода является монета периода правления Феофила (829—842) (рис. 2). Вторым представителем Аморийской династии, как известно, был поборником возрожденного в 814 г. иконоборчества. Династия Ираклия и Исавры сумели сохранить империю, при этом начавшиеся в VII в. изменения нарастали. Следует сказать, что арабы в значительной степени «отсекают» Ромейскую империю от Дальнего Востока. Если от эпохи Юстиниана в Китае остались десятки солидов и их имитаций [7 ; 8], то от средневизантийского периода (в археологических памятниках) до нас дошло всего несколько находок. Необходимо также добавить, что позднейшая из них, относящаяся к правлению Константина Копронима (741—775) найдена в 1897 г. в Хотане, т. е. до начала полноценных археологических исследований в Китае на периферии страны.

¹ Подобная композиция может указывать на то, что прозвище «Бородатый» (Погонат) в действительности более соответствовало Константу II, а не его сыну.

² С возможностью появления влиятельных соправителей из знати или же «императоров-консORTОВ», чья власть легитимизирована через брак с принцессами.

³ Очевидно, в память не только о распятии Христа на Голгофе, но и Воздвижении Креста (325 или 326 г.) в правление Константина Великого.

Рис. 2. Византийская монета периода правления Феофила из коллекции Китайского музея нумизматики [6]
Byzantine coin of the reign of Theophilus from the collection of the Chinese Museum of Numismatics [6]

Солид Феофила из Китайского музея нумизматики имеет следы обрезки, его диаметр 19,79 мм и вес 4,39 г (см. рис. 2). На лицевой стороне изображен фронтальный портрет императора в короне и коротком плаще, держащего в правой руке крест. Надпись гласит: *ΘΕΟΦΙΛΟΣ ΒΑΣΙΛΕΥΣ* (Феофил-император). На реверсе — рядом два портрета (по грудь). Слева больший (изображение человека с бородой) представляет основателя Амореиской династии Михаила II (820—829), справа — меньший, очевидно, изображение Константина (сына Феофила). Надпись: *ΜΙΧΑΗΛ ΣΚΟΝΣΤΑΝΤΙΝ*. Предположительно, монета была сделана между 830 и 840 г.

Данный солид ярко демонстрирует отмечавшуюся выше тенденцию к становлению наследственной монархии. На монете изображение не только правящего императора, но и других представителей династии (старшего и младшего). В отличие от номизм XI в. с изображением Христа¹, в IX в. фигуры Иисуса мы еще не видим. Подобные попытки делались при Юстиниане II (правил в 689—695 гг. и 705—711 гг.), однако это не стало традицией. Куда более устойчивой оказалась «формула» монет Ираклия I: на аверсе изображен портрет императора, на реверсе — крест на ступенчатом основании с надписью *VICTORIA*. Вероятно, под влиянием иконоборческого движения (а также с целью подчеркивания легитимности собственной власти) на реверсе солидов Феофила² больше не было символического изображения Голгофы, вместо этого демонстрировались представители династии.

Тем не менее символ креста (в отличие от изображений святых) гонениям не подвергался. На аверсе золотой монеты Феофила можно найти два интересных элемента: во-первых, перед надписью находится небольшая хризма; во-вторых, в руках императора своеобразный шестиконечный крест (именуемый патриаршым).

Продолжается усиление влияния греческого языка. Хотя большинство надписей на монетах по-прежнему выполнены латинскими буквами, греческие литеры встречаются все чаще. Например, первые две буквы имени Феофила — *Θ* и *ε*. Меняется и формат титулатуры. С периода домината в Римской империи на аверсах монет присутствовали формулы:

¹ В музейных коллекциях КНР есть гистаменоны Романа III (1028—1034), Константина Мономаха (1042—1055) и Михаила VII (1071—1078) с изображением Иисуса Христа.

² Феофил прославился активным взаимодействием с хазарами, именно при нем был построен Саркел. Китайцы, будучи географически куда дальше, также имели некоторое представление о Хазарии, фигурировавшей под наименованиями 曷戛 («хэцзе», Книга Суй), 可薩突厥 («хазарские тюрки», Старая история Тан), 突厥曷薩 («тюркские хазары», Новая история Тан). Весьма вероятно, что монеты Феофила изначально проникли в каганат, а затем по северным дорогам Великого Шелкового пути — в Поднебесную.

DN (Dominus Noster), PP (Pater Patriae) и AVG (Augustus). Такой порядок сохранялся до конца VII в. К VIII в. лишь некоторые солиды все еще имели надписи *DN, DNO* или *D*. Надписи на византийских монетах со второй половины IX в. постепенно отражают тенденцию замены латыни на греческий. Императоры все реже именовали себя «августами». Со времен правления Ираклия I императора в некоторых документах стали называть «василевсом», и этот титул постепенно становился все популярнее. На монете Феофила мы явно видим пережитки латинского влияния. Имена его родственников на реверсе написаны по-гречески, но между ними стоит не *каи*, а *S*, что соответствует «старой» римской норме.

Контакты Восточной Римской империи с Китаем, разумеется, не ограничивались только монетами¹ и не прекратились после VII в. Весьма сильный импульс для распространения христианства на восток, вплоть до берегов Тихого океана, дали несториане. По различным источникам, включая эпиграфические, мы видим, что в новую религию переходили в том числе и представители китайской знати². Несмотря на то, что Великий Шелковый путь постепенно менялся, и империя ромеев играла в нем все меньшую роль, зерна, попавшие на дальневосточную почву, дали свои всходы.

Список источников

1. White W. C. Byzantine Coins in China // *Bulletin of the Royal Ontario Museum of Archaeology*. 1931. Vol. 10. P. 9—10.
2. Hirth F. The Mystery of Fu-lin // *Journal of the American Oriental Society*. 1913. № 33. P. 193—208.
3. Li Qiang. Roman coins discovered in China and their research // *Studia Graeca et Latina*. 2005. № 51. P. 279—299.
4. Шульга Д. П., Гирченко Е. А., Филатова М. О. Восточно-римские монеты из Северной Монголии и их имитации // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. 2020. № 26. С. 695—701.
5. Ло Фэн. Гуаньюй сянь со чу дун лома цзиньби фан чжи пинь дэ таолунь (Обсуждение имитаций восточно-римских золотых монет, произведенных в Сиане) // *Чжунго цянъби (Китайская нумизматика)*. 1993. № 4. С. 17—19 (на кит. яз.).
6. Го Юньян. Цзай лунь Чжунго фасянь дэ лю мэй байчжаньтин чжуньи цзиньби (Дальнейшее обсуждение шести средневизантийских золотых монет, обнаруженных в Китае) // *Чжунго цянъби (Китайская нумизматика)*. 2015. № 1. С. 53—59 (на кит. яз.).
7. Feltham H. B. Justinian and the International Silk Trade // *Sino-Platonic papers*. 2009. № 194. P. 1—34.
8. Thurin R. China and the Two Romes. The 1081 and 1091 “Fulin” Embassies to the Song Empire // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*. 2021. № 64. P. 55—92.
9. Гэ Чэньюн. Цун чу ту хань чжи танвэнь вэньу кань Оуя вэньхуа цзяолю ихэнь (Культурные связи Европы и Азии по данным памятников наследия от Хань до Тан) // *Гугун боуюанькань (Бюллетень музея Гугун)*. 2015. № 3. С. 111—125 (на кит. яз.).
10. Шульга Д. П. Несторианское христианство в Танском Китае (по материалам эпитафии Ми Цифэня) // *Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья*. 2021. № 13. С. 931—934.

References

1. White W.C. Byzantine Coins in China, *Bulletin of the Royal Ontario Museum of Archaeology*, 1931, vol. 10, p. 9-10.
2. Hirth F. The Mystery of Fu-lin, *Journal of the American Oriental Society*, 1913, no. 33, p. 193-208.

¹ Золотые солиды Восточной Римской империи выделялись и имели большую ценность. Даже с точки зрения накопления богатств или демонстрации статуса (часто на номизмах есть отверстия для подвешивания) ромейские монеты были куда выигрышнее, например, иранских [9]. Подвешивание и нашивание солидов с христианской символикой могло говорить и о вероисповедании владельца.

² Речь идет про служивших иноземцев и их потомков, сделавших карьеру на службе в Китае [10]. Впрочем, учитывая не-ханьское происхождение даже правящих семейств в Суй и Тан, данная оговорка не так существенна.

3. Li Qiang. Roman coins discovered in China and their research, *Studia Graeca et Latina*, 2005, no. 51, p. 279-299.
4. Shul'ga D.P., Girchenko E.A., Filatova M.O. Vostochno-rimskie monety iz Severnoy Mongolii i ikh imitatsii [Eastern Roman Coins from Northern Mongolia and Their Imitations], *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Adjacent Territories], 2020, no. 26, pp. 695-701.
5. Lo Fen. Guan'yuy sian' so chu dun loma tszin'bi fan chzhi pin' de taolun' (Obsuzhdenie imitatsiy vostochno-rimskikh zolotykh monet, proizvedennykh v Siane) [Discussion of Imitations of Eastern Roman Gold Coins Made in Xi'an], *Chzhungo tsyan'bi* (Kitayskaya numizmatika) [Chinese Numismatics], 1993, no. 4, pp. 17-19 (na kit. yaz.).
6. Go Yun'yan'. Tszay lun' Chzhungo fasyan' de lyu mey baychzhan'tin chzhunyi tszin'bi (Dal'neyshee obsuzhdenie shesti srednevizantiyskikh zolotykh monet, obnaruzhennykh v Kitae) [Further Discussion of Six Middle Byzantine Gold Coins Discovered in China], *Chzhungo tsyan'bi* (Kitayskaya numizmatika) [Chinese Numismatics], 2015, no. 1, pp. 53-59 (na kit. yaz.).
7. Feltham H.B. Justinian and the International Silk Trade, *Sino-Platonic papers*, 2009, no. 194, pp. 1-34.
8. Thurin R. China and the Two Romes. The 1081 and 1091 "Fulin" Embassies to the Song Empire, *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, 2021, no. 64, pp. 55-92.
9. Ge Chen'yun. Tsun chutu khan' chzhi tanven' ven'u kan' Ouya ven'khua tszyaolyu ikhen' (Kul'turnye svyazi Evropy i Azii po dannym pamyatnikov naslediya ot Khan' do Tan) [Cultural Links between Europe and Asia from Han to Tang Heritage Sites], *Gugun bouyuan'kan'* (Byulleten' muzeya Gugun) [Gugong Museum Bulletin], 2015, no. 3, pp. 111-125 (na kit. yaz.).
10. Shul'ga D.P. Nestorianskoe khristianstvo v Tanskom Kitae (po materialam epitafii Mi Tszifenyu) [Nestorian Christianity in Tang China (on the Materials of Mi Jifeng's epitaph)], *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya* [Materials on Archaeology and History of the Ancient and Medieval Black Sea region], 2021, no. 13, pp. 931-934.

Информация об авторах

Шульга Даниил Петрович — доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: shulga-dp@ranepa.ru

Пивень Наталья Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент, декан социально-гуманитарного факультета, Приазовский государственный технический университет, Мариуполь, Российская Федерация. E-mail: piven.n4ta@yandex.ru

Information about the authors

Daniil P. Shulga — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of International Relations and Humanitarian Cooperation, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: shulga-dp@ranepa.ru

Natalia N. Piven — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Social Sciences and Humanities, Priazovsky State Technical University, Mariupol, Russian Federation. E-mail: piven.n4ta@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 02.10.2024; одобрена после рецензирования 05.11.2024; принята к публикации 08.11.2024.

The article was submitted 02.10.2024; approved after reviewing 05.11.2024; accepted for publication 08.11.2024.

Наука и культура

Научная статья
УДК 94(497.1)-054.7(=161.1)
<https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-4-72-82>

Вклад русских эмигрантов в культуру и науку Югославии

Милана Живанович

Институт новейшей истории Сербии, Белград, Республика Сербия, milana.zivanovic@yahoo.com

Аннотация. В статье описан вклад русских эмигрантов — ученых и специалистов разного профиля — в развитие науки, культуры и искусства Королевства сербов, хорватов и словенцев — Королевства Югославия — социалистической Югославии. В период с 1919 по 1923 г. Королевство сербов, хорватов и словенцев приняло более 40 тыс. беженцев из России. В этой стране многие россияне обрели работу, возможность продолжить научную деятельность и карьеру. Квалификация, знания и опыт русских были востребованы в новопровозглашенном государстве. Русские профессора восполняли кадровый дефицит в университетах, участвовали в их становлении и развитии, способствуя повышению уровня высшего образования в стране. Также русскими учеными были основаны: Зоотехнический институт, Институт сельскохозяйственных машин и механизмов, Институт удобрений, Институт почвоведения, Энтомологический институт в Белграде, Энтомологическое общество Королевства СХС, Институт микробиологии в Белграде и др. Усилиями профессора Александра Иосифовича Игнатовского в Белграде появилась первая клиника внутренних болезней. По окончании Второй мировой войны русские ученые — члены Сербской королевской академии (Сербской академии наук) стали основателями институтов при академии.

Русскими учеными были заложены основы новых отраслей науки, а также военно-эпидемиологической доктрины. В организации противоэпидемиологической службы Югославии, в создании словенской криминологии, уголовной статистики также участвовали русские эмигранты. Русские архитекторы стали неоспоримыми авторитетами во всех отраслях строительной деятельности, приблизив столичную архитектуру к европейским стандартам, модернизировав архитектурный облик столицы Королевства СХС (Югославии). Оперное и балетное искусство, благодаря артистам, хореографам, сценографам из России, работавшим в Белграде, Любляне, вышло на общеевропейский уровень. Весом был вклад представителей русского зарубежья в развитие кинематографии и иные сферы культуры и искусства.

Ключевые слова: русская эмиграция, Королевство сербов, хорватов и словенцев, Королевство Югославия, социалистическая Югославия, наука, культура, искусство, архитектура, кинематография, комикс, университет, институты

Для цитирования: Живанович М. Вклад русских эмигрантов в культуру и науку Югославии // Сибирь гуманитарная. 2024. № 4. С. 72—82. <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-4-72-82>

Contribution of Russian Emigrants to the Culture and Science of Yugoslavia

Milana Zivanovic

Institute for Recent History of Serbia, Belgrade, Republic of Serbia, milana.zivanovic@yahoo.com

Abstract. The article describes the contribution of Russian emigrants — academics and scholars of various profiles — to the development of science, culture and art of the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes — the Kingdom of Yugoslavia — socialist Yugoslavia. In the period from 1919 to 1923 the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes hosted more than 40 thousand refugees from Russia. In this country, many Russians found work, the opportunity to continue their academic activities and careers. The qualifications, knowledge and experience of Russians were in demand in the newly proclaimed state. Russian professors filled the staff shortage in universities, participated in their establishing and development, contributing to the improvement of higher education in the country. Russian scientists also founded the Zootechnical Institute, the Institute of Agricultural Machines and Mechanisms, the Institute of Fertilizers, the Institute of Soil Science, the Entomological Institute in Belgrade, the Entomological Society of the Kingdom of the SCS, the Institute of Microbiology in Belgrade and others. Through the efforts of Prof. Aleksandr Ignatovski, there was established the first clinic of internal medicine in Belgrade. At the end of the Second World War, Russian scholars — members of the Royal Serbian Academy (Serbian Academy of Sciences) became founders of institutes attached to the Academy.

Russian academics and scholars laid the foundations of new branches of science, as well as military-epidemiological doctrine. Russian emigrants also participated in the organization of the anti-epidemiological service of Yugoslavia, and Slovenian criminology and criminal statistics. Russian architects became undisputed authorities in all branches of construction activity, bringing the capital's architecture closer to European standards, modernizing the architectural appearance of the capital of the Kingdom of Yugoslavia. The opera and ballet art, thanks to the artists, choreographers and stage designers from Russia who worked in Belgrade and Ljubljana, reached the all-European level. The contribution of representatives of the Russian abroad in the development of cinematography and other spheres of culture and art was weighty.

Keywords: Russian emigration, the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes, the Kingdom of Yugoslavia, socialist Yugoslavia, science, culture, art, architecture, cinematography, comics, university, institutes.

For citation: Zivanovic M. Contribution of Russian Emigrants to the Culture and Science of Yugoslavia. *Siberia Humanitarian*. 2024. № 4. С. 72—82. <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-4-72-82>

В результате революционных событий 1917 г. и Гражданской войны в России за ее пределами оказались около двух миллионов человек. В период с 1919 по 1923 г. в ходе пяти крупных волн в новопровозглашенное государство южных славян — Королевство сербов, хорватов и словенцев (Королевство СХС, с 1929 г. — Королевство Югославия) приехали 41—44 тыс. русских беженцев [1, с. 186 ; 2]. Эта страна стала их вторым домом, там они получили работу, возможность продолжить карьеру, при этом внося существенный вклад в развитие ее науки и культуры.

Русские беженцы прибыли в молодую страну, где, как заметил Е. В. Спекторский, не было «более двух поколений настоящей интеллигенции» [3, с. 178]. Это государство, где, согласно переписи населения 1921 г., неграмотных старше 12 лет было 50,5 %, сердечно встретило беженцев, около 75 % которых имели высшее и среднее образование [1, с. 283].

Их квалификация, знания и опыт были неизменно востребованы в новой стране, поэтому почти сразу по прибытии русских специалистов стали принимать на государственную службу. Данное положение дел иллюстрировал Г. Я. Виллиам: «Есть целые отделения министерств и поныне, где все, начиная с начальника и кончая курьером, русские. Русские занимают места начальников правительственных железных дорог, каменноугольных копей и многие другие ответственные посты государственной службы и муниципалитетов, требующие специальных технических познаний и большого практического опыта» [4, с. 158].

С особым энтузиазмом сербское государство встретило русских ученых, которые стали поступать на работу в местные университеты — Белградский, Загребский, Люблянский. Так, свой заработок в этих вузах нашли более двухсот русских профессоров, ассистентов и лекторов. Непосредственно в Белградском университете, по последним исследованиям Д. Бонджича, трудоустроились 87 профессоров, 84 ассистента и лектора [5, с. 118]. Приход в университеты страны со слабым развитием высшего образования [2] большого числа квалифицированных преподавателей повлекло его переход на более высокий уровень [6, с. 47].

Русские профессора вносили неоценимый вклад в становление и развитие университетов. Бывшие преподаватели русских духовных академий и университетов, привлеченные к образовательному процессу только что открывшегося Православного богословского факультета в Белграде, восполнили кадровый дефицит в первые годы его существования. Особенно глубокий след в жизни факультета оставил доктор церковной истории, бывший профессор и декан историко-филологического факультета Новороссийского университета в Одессе Александр Павлович Доброклонский. Вместе с тремя сербскими коллегами он составил «ядро» факультета, был первым заместителем декана, потом — исполняющим обязанности декана [7, с. 199—208].

Непростую ситуацию в науке хорошо описал энтомолог Юлий Николаевич Вагнер: «Страна малокультурная. Хороших библиотек нет, решительно все для работы научной, начиная с приборов и кончая простыми банками и обыкновенными реактивами, надо выписывать из-за границы. Необходимая научная литература совершенно отсутствует. ... Одним словом, положение плохое, как было у нас в начале шестидесятых годов XIX в. Считаю, что наш долг не уезжать отсюда, пока не оставим стране нужных учебников и других необходимых руководств по своей специальности. Это надо сделать, хотя бы за оказанное нам гостеприимство» [8, с. 154]. И русские ученые энергично брались за дело: ими были учреждены научные институты и общества, написаны учебники по разным дисциплинам. В межвоенный период профессором Иваном Павловичем Марковым был основан Зоотехнический институт; Тимофеем Васильевичем Локотом — Институт сельскохозяйственных машин и механизмов; Николаем Иларионовичем Васильевым — Институт удобрений; профессором Александром Ивановичем Стебутом — Институт почвоведения; Юлием Николаевичем Вагнером — Энтомологический институт в Белграде, а также Энтомологическое общество Королевства СХС. Профессор Сергей Николаевич Виноградский учредил Институт микробиологии в Белграде [9]. Под руководством микробиолога Дмитрия Федоровича Конева, бывшего профессора Харьковского ветеринарного института, ставшего профессором Белградского университета, в 1921 г. в г. Нови-Сад (север Сербии) началось строительство Пастеровского бактериологического института, в котором нуждалась страна [10]. Стараниями профессора Загребского университета Николая Павловича Абакумова в 1937 г. был основан Астрономический институт, который он и возглавлял [11, с. 138]. Благодаря усилиям профессора Александра Иосифовича Игнатовского в межвоенный период в Белграде появилась первая

клиника внутренних болезней, которой он потом руководил [12]. По окончании Второй мировой войны русские ученые — члены Сербской королевской академии (Сербской академии наук) стали основателями Математического, Геологического институтов, Института византиноведения при академии [13].

Эпидемиолог Никтополион Дмитриевич Чернозубов основал Центр по идентификации и изучению сальмонеллы. С сентября 1944 г. он являлся начальником эпидемиологического отдела Верховного штаба Народно-освободительной армии Югославии. В 1947 г. Чернозубов стал директором Института эпидемиологии Белградского университета. До 1952 г. Никтополион Дмитриевич был главным эпидемиологом Югославской народной армии и директором Института гигиены Военно-медицинской академии в Белграде. Он разработал основы военно-эпидемиологической доктрины, являлся одним из организаторов противоэпидемиологической службы Югославии [14, с. 228—229]. Химик Евгений Тимофеевич Церковников основал и возглавил Институт органической химии фармацевтического факультета Загребского университета, а также Институт химии и биохимии медицинского факультета в г. Риека (Хорватия), став его первым руководителем. Церковников также являлся одним из основателей, потом и председателем Хорватского химического общества и Общества химиков и технологов [11, с. 217—218 ; 15, с. 315—316].

Русские ученые заложили основы ряда наук в Королевстве СХС (Югославии). Историк, славист и византолог Владимир Алексеевич Мошин основал югославскую палеографическую науку [16]. Выдающийся орнитолог и зоогеограф Сергей Дмитриевич Матвеев считается основателем орнитологии в Югославии и зоогеографии Балканского полуострова [17, с. 82—83]. Павел Иванович Чернявский был первым палеоботаником и основателем данной отрасли ботаники в Югославии [18]. Один из выдающихся геологов Югославии [19, с. 9], специалист по стратиграфии, палеонтолог, профессор Белградского университета Владимир Дмитриевич Ласкарев положил начало отечественной палеотериологии [20, с. 21, 27, 31]. Труды профессора Белградского университета ведущего византолога XX в. Георгия Александровича Острогорского, по мнению большинства специалистов, стали не только фундаментом сербской византологии, но и огромным вкладом в мировую византологию [21, с. 202].

Русские архитекторы, число которых только в Белграде составляло примерно 70 [22, с. 2], стали неоспоримыми авторитетами во всех вопросах строительной деятельности. Только в столице Югославии они построили несколько тысяч домов и общественных зданий, приблизив столичную архитектуру к европейским стандартам [23, с. 139—140]. Характерным является факт, что из 20 тысяч проектов, сохранившихся в Историческом архиве г. Белграда — в фонде Технической дирекции мэрии г. Белграда, около двух тысяч проектов разработаны русскими [22, с. 2, 3]. По их проектам в межвоенном Белграде были построены здания министерств (автор проектов — Николай Петрович Краснов), Генерального штаба (автор проекта — Василий Федорович Баумгартен), Патриархии — официального органа Сербской православной церкви (автор проекта — Виктор Викторович Лукомский). В разработке проекта и строительстве Королевского Дворцового комплекса в Дединье участвовал Виктор Викторович Лукомский. Н. П. Красновым были разработаны интерьеры дворцового комплекса здания парламента в столице [23 ; 24 ; 25, с. 221—254]. Краснов также работал над интерьером мавзолея правящей династии Карагеоргиевичей (Опленац). Русские архитекторы построили немалое число зданий по всей стране. Только в одной части Белграда архитектором Валерием Владимировичем Сташевским было построено более 230 vill [26 ; 27, с. 170, 195].

В межвоенный период русские артисты, хореографы, сценографы, режиссеры стали основателями национального балета, внесли существенный вклад в развитие оперного искусства. В постановке всех шести балетных спектаклей в Национальном театре в Белграде в этот период участвовали русские [28, с. 11—12 ; 29, с. 465, 469, 471, 475, 477—479]. Огромную роль в становлении оперного и балетного искусства сыграли хореограф Маргарита Петровна Фроман, прима-балерина, руководитель балета, хореограф, режиссер Национального театра Нина Васильевна Кирсанова, прима-балерина и хореограф Национального театра Елена Дмитриевна Полякова, а также сценограф Владимир Иванович Жедринский, создавший в межвоенный период сценографию 175 спектаклей. Жедринского исследователи считают самым значительным сценографом и художником по костюмам Белграда в тот период [28, с. 20—21 ; 29—32]. Творческая активность русских позволила Национальному театру в течение десяти лет выпустить около 80 оперных и балетных спектаклей классического репертуара и современных авторов. По оценке исследователей, благодаря таланту русских деятелей, «их опыту, профессионализму и высоким творческим требованиям был сделан такой скачок, который позволил белградским опере и балету преодолеть вековую отсталость, вызванную историческими условиями, и всего за несколько лет на равных правах войти в русло общеевропейского музыкально-сценического искусства» [33, с. 309]. Следует отметить, что влияние русских артистов на развитие национального балета, начавшееся с конца 1940-х гг., продолжалось и в 1950—1960-х гг. [33, с. 303, 310].

Петр Сергеевич Грессеров (псевдоним — Головин) с 1928 г. являлся хореографом, балетмейстером Национального театра в Любляне (Словения). С 1947 г. он работал в Мариборском оперном театре (Словения) — обновлял балетный и оперный репертуар. Творчество Грессерова включает хореографию 50 балетов, режиссуру 31 оперы и 15 оперетт, хореографию 83 опер и 61 оперетты, постановку танцев в 35 балетных представлениях. В 1971 г. за вклад в развитие словенского балета хореограф был награжден орденом «За заслуги перед народом» [34, с. 58—59 ; 35].

Значительная степень участия русских художников в развитии сербского комикса, история которого началась во второй половине XIX в. с публикацией юмористических и сатирических карикатурных историй в детских и юмористических журналах и календарях. В 1935 г. русские эмигранты — художник Юрий Павлович Лобачев и сценарист Вадим Павлович Курганский — начали публиковать криминалистическую историю «Кровавое наследство». Свои комиксы начали публиковать и другие русские эмигранты. Вскоре появились и специализированные комикс-журналы. Среди них особой популярностью пользовался журнал «Мика Миш» («Микки Маус»), издателем которого являлся русский эмигрант Александр Ивкович. С журналом, первый номер которого вышел в Белграде в 1936 г., сотрудничали Юрий Павлович Лобачев, Николай Павлович Навоев. По мнению специалистов, они сделали Белград одной из столиц европейского комикса. Художники зачастую за основу брали литературные произведения, сербские эпические народные песни и повести. Из немалого числа рисованных историй, созданных русскими в межвоенный период, следует выделить комиксы «Храбрый солдат Швейк» и «Звонарь собора Нотр-Дам» Ивана Ивановича Шеншина; «Владыка смерти», «Барон Мюнхгаузен» и «Баш Челик» Юрия Павловича Лобачева; «Пиковая дама», «Сказка о царе Салтане», «Графиня Марго» Константина Константиновича Кузнецова [36, р. 90—101 ; 37 ; 38].

Стоит отметить и вклад русских эмигрантов в кинематографию Югославии. В Школе народного здравоохранения, действовавшей в составе предприятия по производству фильмов — Гигиенического института в Загребе, работали кинооператорами Александр Тихонович Герасимов и Анатолий

Юрьевич Базаров. Школа была ориентирована на производство документально-образовательных фильмов. Инженер-электрик А. Т. Герасимов с 1930 г. в продолжение тридцати лет являлся главным кинооператором школы и автором более сотни фильмов, т. е. более половины всей выпущенной школой продукции. Герасимов и Базаров, работавшие как операторы, монтажеры и лаборанты, сняли вместе 20 фильмов, а Александр Герасимов является одним из выдающихся кинодокументалистов. В Школе народного здравоохранения работал и энтомолог Николай Ильич Баранов. С 1928 по 1944 г., являясь сотрудником школы, он был научным сотрудником Института паразитологии ветеринарного факультета Загребского университета. Баранов описал свыше 200 таксонов двукрылых, обитающих в Европе, Азии, Африке и Австралии.

В связи с историей югославской кинематографии следует упомянуть и имя Сергея Сергеевича Тагатца, кинооператора, режиссера, аниматора и изобретателя, в 1930 г. создавшего первый в Югославии цветной фильм. Тагатц стал автором и первого мультипликационного, а также первого звукового фильма в стране.

Русские эмигранты оставили глубокий след и в других сферах деятельности. Георгий (Жорж) Владимирович Скрыгин создал значительный пласт снимков периода Второй мировой войны на освобожденной партизанами территории (их сохранилось более 500). В 1959 г. кинооператор Михаил Дмитриевич Иванников, снявший в межвоенный период более сотни кинорепортажей и документальных фильмов, среди которых и фильм, считающийся высшим достижением киноискусства в Королевстве Югославия, стал первым телеоператором Белградского телевидения. Кинооператор Михаил Викторович Островидов с 1956 г. входил в состав энтузиастов — основателей Загребского телевидения, где работал главным оператором и журналистом до выхода на пенсию. Островидов снял около 20 тысяч передач [39, с. 501—528].

Большой вклад в становление и развитие словенской криминологии внес профессор университета в Любляне Александр Васильевич Маклецов. Своими трудами он положил начало словенской криминологии [40, с. 16—19].

Русские специалисты создали и потом фактически руководили общей и уголовной статистикой. Учеными и общественными деятелями также была разработана система страхования рабочих, отвечающая интересам как работодателей, так и работников. В разработке в 1923 г. нового уголовного уложения Королевства СХС деятельное участие принимал профессор уголовного права Михаил Павлович Чубинский. При этом до передачи нового уложения в парламент Королевства СХС — Народную Скупщину его проект был предложен на просмотр Белградскому обществу русских юристов [4, с. 158].

На открытии Русского дома имени императора Николая II в Белграде в 1933 г. профессор Белградского университета Федор Васильевич Тарановский заявил: «Мы русские ученые, прибывшие в Югославию, оказались в положении лучше, чем все наши коллеги в эмиграции, ибо в значительном большинстве, почти все, мы оказались у своего дела и остаемся при нем либо в качестве преподавателей в высших учебных заведениях, либо в качестве сотрудников в различных специальных учреждениях научного характера... наш долг заключается в том, чтобы культивировать свободную русскую науку» [41, с. 135]. Деятельность русских специалистов была направлена не только на культивацию русской науки, но и на развитие той страны, где они осели. Специалисты разного профиля внесли огромный вклад в культуру, искусство, естественные, общественные и гуманитарные науки в Югославии. Как заметил поэт и переводчик Г. Я. Виллиам: «Нет той области науки, искусства, даже промышленности, где беженцы в Сербии не приложили бы с честью своих познаний!» [4, с. 158].

Список источников

1. Јовановић М. Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919—1924. Београд : Стубови културе, 1996. 386 с.
2. Јовановић М. Руска емиграција на Балкану (1920—1940). Београд : Чигоја, 2006. 559 с.
3. Михальченко С. И., Ткаченко Е. В. Социально-гуманитарные факультеты Белградского университета 1920-х гг. глазами русского эмигранта // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 2. С. 178—180.
4. Москва–Србија, Београд–Русија : документа и материјали. Т. 4: Руско-српски односи 1917—1945 / прир. А. Тимофејев, Г. Милорадовић, А. Силкин. Београд : Архив Србије ; Москва : Главное архивное управление города Москвы, 2017. 1006 с.
5. Бондић Д. Руски емигранти-професори Београдског универзитета. Београд : Архипелаг ; Институт за савремену историју, 2023. 498 с.
6. Арсеньев А. Б. Русская диаспора в Югославии // Русская эмиграция в Югославии. М. : Индрик, 1994. С. 46—99.
7. Пузович В. Русские эмигранты — преподаватели Православного богословского факультета в Белграде (1920—1940 гг.) // Труды КДА. 2011. № 15. С. 199—208.
8. Арсеньев А. Б., Ордовский-Танаевский М. Л. Гимназия в лицах: первая русско-сербская гимназия в Белграде (1920—1944). Т. 1. Белград : Архив Сербской Православной Церкви: Центр российских и восточно-славянских исследований им. Милослава Йовановича Философского факультета Белградского Университета ; М. : Институт славяноведения Российской академии наук, 2018. 638 с.
9. Арсеньев А. Самовари у равници. Руска емиграција у Војводини. Нови Сад : Змај ; Футог : Уметничка радионица Завештање, 2011. 291 с.
10. Арсеньев А. Б. У излучины Дуная: очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду. М. : Русский путь, 1999. 253 с.
11. Пушкадија-Рыбкина Т. В., Грубмайр И. И. Эмигранты из России в Загребе: жизни и судьбы. Загреб : Sveučilišna tiskara d.o.o., 2019. 440 с.
12. Российские врачи в Королевстве сербов, хорватов и словенцев / Югославии: биографический словарь и анкеты (1918—1946) / ред. М. Милошевич, В. Москвин. Белград : Архив Югославии ; М. : Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2012. 453 с.
13. Живанович М. От Гражданской войны — к науке: русские эмигранты — сотрудники институтов Сербской академии наук / Сербской академии наук и искусств (1946—1976) // Гражданская война в памяти русского зарубежья: к 100-летию Дальневосточного исхода и завершения вооруженного сопротивления 1917—1922 гг. М. : Вифсаида, 2023. С. 235—251.
14. Российское научное зарубежье : материалы для биобиблиографического словаря. Пилотный вып. 1: Медицинские науки. XIX — первая половина XX в. / сост. М. Ю. Сорокина. М. : Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2010. 252 с.
15. Российское научное зарубежье: материалы для биобиблиографического словаря. Пилотный вып. 6: Естественные науки. XIX — первая половина XX в. / сост. М. Ю. Сорокина. М. : Лидер-М, 2011. 371 с.
16. Булатова Р. В. Основатель югославской палеографической науки — В. А. Мошин // Русская эмиграция в Югославии. М. : Индрик, 1996. С. 183—199.
17. Шергалин Ю. Е. Сергей Дмитриевич Матвеев (1913—2003) — основатель современной орнитологии Югославии и зоогеографии Балканского полуострова // Экология птиц: виды, сообщества, взаимосвязи : материалы науч. конф., посвященной 150-летию со дня рождения Н. Н. Сомова (1861—1923) (1—4 декабря 2011 г., Харьков) : в 2 кн. Харьков, 2011. Кн. 1. С. 80—84.
18. 125 година Природњачког музеја у Београду. Београд : Природњачки музеј, 2021. 329 с.
19. Јовић В. Сећање на Владимира Д. Ласкарева (1868—1954) // Владимир Д. Ласкарев — живот и дело: поводом 150 година од рођења. Београд : САНУ ; Српско геолошко друштво, 2019. С. 9—10.
20. Грубић А., Пантић Н. Владимир Димитријевић Ласкарев // Живот и дело српских научника. Књ. 6. Београд : Српска академија наука и уметности, 2000. С. 1—41.
21. Радич Р. Георгий Острогорский и сербская византология // Русская эмиграция в Югославии. М. : Индрик, 1996. С. 200—207.
22. Архитекта Валериј В. Сташевски: Живот и стваралаштво у Београду 1920—1944 : каталог / аутори изложбе и каталога О. Латинчић, Б. Ракочевић. Београд : Историјски архив Београда, 1999. 7 с.
23. Кадијевић А. Улога руских емиграната у београдској архитектури између два светска рата // Годишњак града Београда. 2002—2003. № 49—50. С. 131—142.

24. Кадиевић А. Београдски период рада архитекте Виктора Викторовича Лукомског (1920—1946) // Годишњак града Београда. 1998—1999. № 45—46. С. 115—132.
25. Кадиевић А. Рад Николаја Краснова у Министарству грађевина Краљевине СХС / Југославије у Београду од 1922 до 1939 // Годишњак града Београда. 1997. № 44. С. 221—254.
26. Марковић И. Р., Межински Миловановић Ј. Српска црква, руска рука: православне цркве и капеле на територији Србије из опуса руских архитеката емиграната: (архитектура и живопис 1918—1941). Београд : Хералдички клуб, 2020. 215 с.
27. Латинчић О. Валериј Владимирович Сташевски (1882—?) у Београду: подаци из архивске грађе Историјског архива Београда // Наслеђе. 2011. № 12. С. 169—196.
28. Мосусова Н. Српска музичка сцена (125 година Народног позоришта) // Српска музичка сцена : зборник радова са научног скупа поводом 125 годишњице Народног позоришта (15—18 децембра 1993 године). Београд : Музиколошки институт Српске академије наука и уметности, 1995. С. 5—36.
29. Шукуљевић-Марковић К. Домаће балетско стваралаштво на сцени Народног позоришта у Београду између два светска рата // Српска музичка сцена : зборник радова са научног скупа поводом 125 годишњице Народног позоришта (15—18 децембра 1993 године). Београд : Музиколошки институт Српске академије наука и уметности, 1995. С. 464—481.
30. Шукуљевић-Марковић К. Нина Кирсанова. Примабалерина, кореограф и педагог. Београд : Музеј позоришне уметности Србије, 1999. 167 с.
31. Милановић О. Допринос руских уметника развоју сценографије у Срба // Руска емиграција у српској култури XX века, Зборник радова, књ. II. Београд : Филолошки факултет, Катедра за славистику и Центар за научни рад, 1994. С. 92—105.
32. Милановић О. Владимир Жедрински, сценограф и костимограф // Руси без Русије, Српски Руси. Београд : Дунај; Беочин: Ефект, 1994. С. 95—116.
33. Павлович М. Становление оперы и балета в белградском Народном театре // Русская эмиграция в Югославии. М. : Индрик, 1996. С. 293—312.
34. Косик В. И. Русская культура в Словении XX века // Славяноведение. 2009. № 1. С. 52—61.
35. Testen P. Peter Gresserov — Golovin (1894—1981), Moja ljuba Slovenija // Monitor ISH. 2015. № 1. S. 39—78.
36. Zupan Z. The Golden Age of Serbian Comics. Belgrade Comic Art 1935—1941 // International Journal of Comic Art. 2000. Spring. P. 90—101.
37. Draginčić S., Zupan Z. Istorija jugoslovenskog stripa. Knj. 1. Novi Sad : Forum, 1986. 148 s.
38. Русский комикс Королевства Югославия : каталог выставки / авт. И. Антанасевич. Белград : Общество сохранения наследия русской эмиграции Архив АЛТЕРА ; М. : Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2018. 244 с.
39. Арсеньев А. Б. Русские в кинематографии Югославии // Ежегодник Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. 2013. С. 490—540.
40. Мешко Г. Вклад профессора А. В. Маклендова в становление и развитие словенской криминологии // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 4 (34). С. 16—21.
41. Косик В. И. Что мне до вас, мостовые Белграда? Очерки о русской эмиграции в Белграде 1920—1950-е годы. М. : Ин-т славяноведения РАН, 2007. 206 с.

References

1. Jovanovich M. Doseљavaње ruskikh izbeglitsa u Краљевину SKhS 1919—1924 [The Immigration of Refugees into the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes, 1919—1924]. Belgrade, Stubovi kulture, 1996, 386 p.
2. Jovanovich M. Ruska emigratsija na Balkanu (1920—1940) [Russian Emigration in the Balkans, 1920—1940]. Belgrade, Chigoja, 2006, 559 p.
3. Mikhal'chenko S.I., Tkachenko E.V. Sotsial'no-gumanitarnye fakul'tety Belgradskogo universiteta 1920-kh gg. glazami ruskogo emigranta [Social and Humanitarian Faculties of Belgrade University in the 1920s. Through the Eyes of a Russian Emigrant], *Vestnik Bryanskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Bryansk State University], 2015, no. 2, p. 178—180.
4. Timofeev A. (ed.), Miloradović G. (ed.), Silkin A. (ed.) Moskva—Srbija, Beograd—Rusija: dokumenta i materijali. T. 4, Rusko-srpski odnosi 1917—1945 [Moscow — Serbia. Belgrade — Russia: Documents and Materials, vol. 4. Russian-Serbian Relations, 1917—1945]. Belgrade, Arhiv Srbije, Moscow, Glavnoe arhivnoe upravljenje goroda Moskvy, 2017, 1006 p.
5. Bonnich D. Ruski emigranti-profesori Beogradskog univerziteta [Russian Emigrants — Belgrade University Professors]. Belgrade, Arkhipelag, Institut za savremenu istoriju, 2023, 498 p.
6. Arsen'ev A.B. Russkaya diaspora v Yugoslavii [Russian Diaspora in Yugoslavia], *Russkaya emigratsiya v Yugoslavii* [Russian Emigration in Yugoslavia]. Moscow, Indrik, 1994, p. 46—99.

7. Puzovich V. Russkie emigranty - prepodavateli Pravoslavnogo bogoslovskogo fakul'teta v Belgrade (1920-1940 gg.) [Russian Emigrants – Professors at the Orthodox Theological Faculty in Belgrade (1920–1940)], *Trudy KDA [Works of KDA]*, 2011, no. 5, p. 199–208.
8. Arsen'ev A.B., Ordovskiy-Tanaevskiy M.L. Gimnaziya v litsakh: pervaya rusko-serbskaya gimnaziya v Belgrade (1920-1944) [Gymnasium in Faces: The First Russian-Serbian Gymnasium in Belgrade (1920-1944)], vol. 1. Belgrad, Arkhiv Serbskoy Pravoslavnoy Tserkvi, Tsentr rossiyskikh i vostochno-slavyanskikh issledovaniy im. Miroslava Yovanovicha Filosofskogo fakul'teta Belgradskogo Universiteta, Moscow, Institut slavyanovedeniya Rossiyskoy akademii nauk, 2018, 638 p.
9. Arseñev A. Samovari u ravnitsi. Ruska emigratsiya u Vojvodini [Samovars in the Plain. Russian Emigration in Vojvodina]. Novi Sad, Zmaj, Futog, Umetnichka radionitsa Zaveshtaње, 2011, 291 p.
10. Arsen'ev A.B. U izluchiny Dunaya: ocherki zhizni i deyatel'nosti russkikh v Novom Sadu [At the Bend of the Danube: Sketches of Russian Life and Activities in Novi Sad]. Moscow, Russkiy put', 1999, 253 p.
11. Pushkadiya-Rybkina T.V., Grubmayr I.I. Emigranty iz Rossii v Zagrebe: zhizni i sud'by [Emigrants from Russia in Zagreb. Lives and Destinies]. Zagreb, Sveučilišna tiskara d.o.o., 2019, 440 p.
12. Miloshevich M. (ed.), Moskvina V. (ed.) Rossiyskie vrachi v Korolevstve serbov, khorvatov i sloventsev/Yugoslavii: biograficheskiy slovar' i ankety (1918—1946) [Russian Doctors in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes / Yugoslavia. Bibliographical Dictionary and Questionnaires, 1918–1946]. Belgrade, Arkhiv Yugoslavii, Moscow, Dom russkogo zarubezh'ya im. A. Solzhenitsyna, 2012, 453 p.
13. Zhivanovich M. Ot Grazhdanskoy voyny - k nauke: russkie emigranty - sotrudniki institutov Serbskoy akademii nauk / Serbskoy akademii nauk i iskusstv (1946—1976) [From the Russia Civil War to Science. Russian Emigres as Researchers of the Serbian Academy of Sciences / Serbian Academy of Sciences and Arts Institutes (1946–1976)], *Grazhdanskaya vojna v pamyati russkogo zarubezh'ya: k 100-letiyu Dal'nevostochnogo iskhoda i zaversheniya vooruzhennogo protivoborstva 1917-1922 gg. [The Russian Civil War in the Memory of Russian Diaspora. To Commemorate the 100th Anniversary of the Far East Exodus and the End of the Armed Conflict, 1917–1922]*. Moscow, Vifsaida, 2023, pp. 235-251.
14. Sorokina M.Yu. (ed.) Rossiyskoe nauchnoe zarubezh'e, materialy dlya biobibliograficheskogo slovary. Pilotnyy vyp. 1: Meditsinskie nauki. XIX - pervaya polovina XX v. [Russian Scientific Diaspora: Materials for a Biobibliographical Dictionary. Pilot issue 1: Medical Sciences (XIX – early half of the twentieth century)]. Moscow, Dom russkogo zarubezh'ya im. A. Solzhenitsyna, 2010, 252 p.
15. Sorokina M.Yu. (ed.) Rossiyskoe nauchnoe zarubezh'e: materialy dlya biobibliograficheskogo slovary. Pilotnyy vyp. 6: Estestvennye nauki. XIX - pervaya polovina XX v. [Russian Scientific Diaspora: Materials for a Biobibliographical Dictionary. Pilot issue 1: Natural Sciences (XIX – early half of the twentieth century)]. Moscow, Lider-M, 2011, 371 p.
16. Bulatova R.V. Osnovatel' yugoslavskoy paleograficheskoy nauki - V.A. Moshin [Founder of Yugoslav paleographic science – V.A. Moshin], *Russkaya emigratsiya v Yugoslavii [Russian Emigration in Yugoslavia]*. Moscow, Indrik, 1996, pp. 183-199.
17. Shergalin Yu.E. Sergey Dmitrievich Matveev (1913-2003) - osnovatel' sovremennoy ornitologii Yugoslavii i zoogeografii Balkanskogo poluoostrova [Sergey Dmitrievich Matveev (Matveev) (1913–2003) – founder of modern ornithology of Yugoslavia and zoogeography of the Balkan peninsula], *Ekologiya ptits: vidy, soobshchestva, vzaimosvyazi, materialy nauch. konf., posvyashchennoy 150-letiyu so dnya rozhdeniya N.N. Somova (1861-1923) (1-4 dekabrya 2011, Khar'kov) [Bird Ecology: Species, Communities, and Interrelationships. Book 1. Proceedings of the scientific conference dedicated to the 150th anniversary of the birth of Nikolai Nikolaevich Somov (1861–1923), December 1–4, 2011, Kharkov]*. Kharkov, 2011, book 1, pp. 80-84.
18. 125 godina Prirodњachkog muzeja u Beogradu [125 Years of Natural History Museum]. Belgrade, Prirodњachki muzej, 2021, 329 p.
19. Jovich V. Seћање na Vladimira D. Laskareva (1868–1954) [Memories of Vladimir Laskarev], Vladimir D. Laskarev - zhivot i delo: povodom 150 godina od roђења [Vladimir D. Laskarev's life and work: on the 150th anniversary of his birth]. Belgrade, SANU, Srpsko geoloshko drushtvo, 2019, pp. 9-10.
20. Grubich A., Pantich N. Vladimir Dimitrijevič Laskarev [Vladimir Dimitrijevič Laskarev], Zhivot i delo srpskikh nauchnika. Knj. 6. [Life and Work of Serbian scientists, vol. 6]. Belgrade, Srpska akademija nauka i umetnosti, 2000, pp. 1-41.
21. Radich R. Georgiy Ostrogorskiy i serbskaya vizantologiya [Georgiy Ostrogorsky and Serbian Byzantology], *Russkaya emigratsiya v Yugoslavii [Russian Emigration in Yugoslavia]*. Moscow, Indrik, 1996, pp. 200-207.

22. Latinchich O., Rakochovich B. Arhitekta Valerij V. Stashevski: Zhivot i stvaralashtvo u Beogradu 1920-1944, katalog [Architect Valeriy Stashevsky. Life and Creative Work, 1920–1944, catalogue]. Belgrade, Istorijski arhiv Beograda, 1999, 7 p.
23. Kadijevich A. Uloga ruskikh emigranata u beogradskoj arhitekturi između dva svetska rata [The Role of Russian Emigrants in Belgrade Architecture Between the Two World Wars], *Godishnjak grada Beograda [City of Belgrade Yearbook]*, 2002-2003, no. 49-50, pp. 131-142.
24. Kadijevich A. Beogradski period rada arhitekta Viktora Viktorovicha Lukomskog (1920-1946) [The Belgrade Era of Architect Viktor Viktorovich Lukomsky's Career], *Godishnjak grada Beograda [City of Belgrade Yearbook]*, 1998-1999, no. 45-46, p. 115-132.
25. Kadijevich A. Rad Nikolaja Krasnova u Ministarstvu grajevina Краљевине SKhS/Jugoslavije u Beogradu od 1922 do 1939 [Nikolaj Krasnov's Work in the Kingdom of SCS/Yugoslavia's Ministry of Construction in Belgrade between 1922 and 1939], *Godishnjak grada Beograda [City of Belgrade Yearbook]*, 1997, no. 44, p. 221-254.
26. Markovich I.R., Mezinski Milovanovich J. Srpska crkva, ruska ruka: pravoslavne crkve i kapele na teritoriji Srbije iz opusa ruskikh arhitekata emigranata: (arhitektura i zhivopis 1918-1941) [Serbian Church, Russian Hand: Orthodox Churches and Chapels in Serbia Designed by Russian émigré Architects (Architecture and Art, 1918–1941)]. Belgrade, Kheraldichki klub, 2020, 215 p.
27. Latinchich O. Valerij Vladimirovich Stashevski (1882—?) u Beogradu: podatsi iz arhivske građe Istorijskog arhiva Beograda [Valerij Vladimirovich Stashevsky (1882–?) in Belgrade, According to Data from the Historical Archives of Belgrade], *Nasleđe [Heritage]*, 2011, no. 12, p. 169-196.
28. Mosusova N. Srpska muzichka stsena (125 godina Narodnog pozorishta) [Serbian Musical Stage], *Srpska muzichka stsena, zbornik radova sa nauchnog skupa povodom 125 godishnjice Narodnog pozorishta (15—18 detsembra 1993 godine) [Serbian Musical Stage. Proceedings of the Scientific Conference held from December 15 to 18, 1993, on the occasion of the 125th anniversary of the National Theatre in Belgrade]*. Belgrade, Muzikološki institut Srpske akademije nauka i umetnosti, 1995, p. 169-196.
29. Shukoljevich-Markovich K. Domaće baletsko stvaralashtvo na steni Narodnog pozorishta u Beogradu između dva svetska rata [Yugoslav Ballets on the Stage of the National Theatre in Belgrade Between the Two World Wars], *Srpska muzichka stsena, zbornik radova sa nauchnog skupa povodom 125 godishnjice Narodnog pozorishta (15—18 detsembra 1993 godine) [Serbian Musical Stage. Proceedings of the Scientific Conference held from December 15 to 18, 1993, on the occasion of the 125th anniversary of the National Theatre in Belgrade]*. Belgrade, Muzikološki institut Srpske akademije nauka i umetnosti, 1995, pp. 464-481.
30. Shukoljevich-Markovich K. Nina Kirsanova. Primabalerina, koreograf i pedagog [Nina Kirsanova. Prima Ballerina, Choreographer, and Pedagogue]. Belgrade, Muzej pozorishne umetnosti Srbije, 1999, 167 p.
31. Milanovich O. Doprinos ruskikh umetnika razvoju scenografije u Srba [Contribution of Russian Artists to the Development of Scenography among Serbs], *Ruska emigratsija u srpskoj kulturi XX veka, Zbornik radova, kn. II [Russian Emigration in Serbian Culture in the 20th century. Collection of Papers. Volume II]*. Belgrade, Filološki fakultet, Katedra za slavistiku i Tsentar za nauchni rad, 1994, pp. 92-105.
32. Milanovich O. Vladimir Zhedrinski, scenograf i kostimograf [Vladimir Žedrinski. Set and Costume Designer], *Rusi bez Rusije, Srpski Rusi [Russians Without Russia. Serbian Russians]*. Belgrade, Dunaj, Beochin, Efekt, 1994, pp. 95-116.
33. Pavlovich M. Stanovlenie opery i baleta v belgradskom Narodnom teatre [Establishment of Opera and Ballet in the Belgrade's National Theater], *Russkaya emigratsiya v Yugoslavii [Russian Emigration in Yugoslavia]*. Moscow, Indrik, 1996, pp. 293-312.
34. Kosik V.I. Russkaya kul'tura v Slovenii XX veka [Russian Culture in Slovenia in 20th Century], *Slavyanovedenie [Slavic Studies]*, 2009, no. 1, p. 52–61.
35. Testen P. Peter Gresserov - Golovin (1894-1981), Moja ljuba Slovenija [Peter Gresserov – Golovin (1894-1981), Slovenia - My Love], *Monitor ISH*, 2015, no. 1, p. 39-78.
36. Zupan Z. The Golden Age of Serbian Comics. Belgrade Comic Art 1935-1941, *International Journal of Comic Art*, 2000, Spring, p. 90-101.
37. Draginčić S., Zupan Z. Istorija jugoslovenskog stripa [Yugoslav Comic History], vol. 1. Novi Sad, Forum, 1986, 148 p.
38. Antanasievich I. Russkiy komiks Korolevstva Yugoslaviya, katalog vystavki [Russian Comics of Kingdom of Yugoslavia]. Belgrade, Obshchestvo sokhraneniya naslediya russkoy emigratsii Arhiv ALTERA, Moscow, Dom russkogo zarubezh'ya im. A. Solzhenitsyna, 2018, 244 p.
39. Arsen'ev A.B. Russkie v kinematografii Yugoslavii [Russians in the Yugoslav Film Industry], *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya im. A. Solzhenitsyna [Yearbook of the Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad]*, 2013, p. 490-540.

40. Meshko G. Vklad professora A.V. Makletsova v stanovlenie i razvitie slovenskoy kriminologii [Contribution of Professor A. Makletsov to the Establishment and Development of Slovenian Criminology], *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika [Legal Science and Law-Protection Practice]*, 2015, no. 4, p. 16-21.
41. Kosik V.I. Chto mne do vas, mostovye Belgrada? Ocherki o russkoy emigratsii v Belgrade 1920-1950-e gody [What do I care about you, Belgrade sidewalks? Essays on Russian emigration in Belgrade, 1920–1950s]. Moscow, In-t slavyanovedeniya RAN, 2007, 206 p.

Информация об авторе

Живанович Милана — доктор исторических наук, научный сотрудник Института новейшей истории Сербии, Белград, Республика Сербия. E-mail: milana.zivanovic@yahoo.com

Information about the author

Milana Zivanovic — Doctor of Historical Sciences, Research Associate, Institute for Recent History of Serbia, Belgrade, Republic of Serbia. E-mail: milana.zivanovic@yahoo.com

Статья поступила в редакцию 07.09.2024; одобрена после рецензирования 17.10.2024; принята к публикации 21.10.2024.

The article was submitted 07.09.2024; approved after reviewing 17.10.2024; accepted for publication 21.10.2024.

Наука и культура

Научная статья
УДК 97(497.1-25)-054.7(=161.1):72.03
<https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-4-83-94>

Русский академизм в архитектурном облике Белграда

Александра Джорджевич

Белградский университет, Белград, Республика Сербия, alexys_cello@yahoo.com

Аннотация. В статье на примере Николая Петровича Краснова — одного из самых известных русских архитекторов, работавшего в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (Королевство Югославия), прослеживается влияние личности на преобразование культурной среды в определенных исторических условиях. Бывший главный архитектор Ялты, академик архитектуры, архитектор Высочайшего Двора, оказавшись в вынужденной эмиграции, свой талант посвятил стране, ставшей для него и его семьи второй родиной. Построенные по его проектам здания многих государственных учреждений в стиле русского академизма определили облик современной центральной части Белграда. Среди работ Краснова — проекты зданий Министерства лесного хозяйства, руд, сельского хозяйства и вод (ныне — Министерства иностранных дел Республики Сербии), Министерства финансов (ныне — Правительства Республики Сербии), Государственного архива; мост Короля Александра I; интерьеры резиденции королевской семьи Карагеоргиевичей, а также несколько проектов за пределами Белграда. Некоторые из них сегодня находятся под защитой сербского государства, получив статус объектов культурного наследия. Память о Н. П. Краснове, сохраняется сегодня в Сербском государстве. Проводятся выставки, посвященные творчеству русского архитектора. Его именем названа одна из улиц Белграда. В 2019 г. в столице открыт памятник архитектору работы скульптора Небойши Савовича.

Ключевые слова: Николай Петрович Краснов, русская эмиграция, Королевство СХС, Королевство Югославия, историко-культурное наследие Белграда, белградская архитектура, русский академизм, Белград, история архитектуры

Для цитирования: Джорджевич А. Русский академизм в архитектурном облике Белграда // Сибирь гуманитарная. 2024. № 4. С. 83—94. <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-4-83-94>

Science and Culture

Original article

Russian Academicism in the Architecture of Belgrade

Aleksandra Djordjevic

University of Belgrade, Belgrade, Republic of Serbia, alexys_cello@yahoo.com

Abstract. The article uses the example of Nikolai Petrovich Krasnov, one of the most famous Russian architects who worked in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes (Kingdom of Yugoslavia), to trace the influence of personality on the transformation of the cultural environment in certain historical conditions. The former chief architect of Yalta, academician of architecture, architect of the Highest Court, being in forced emigration, devoted his talent to the country, which became for him and his family a second

homeland. The buildings of many state institutions in the style of Russian academism, built according to his designs, defined the look of the modern central part of Belgrade. Among Krasnov's works there are the projects for the buildings of the Ministry of Forestry, Ores, Agriculture and Water (now the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Serbia); the building for the Ministry of Finance (now the Government of the Republic of Serbia); the building of the State Archives; the King Alexander I Bridge, the interiors of the residence of the Karadjordjevic royal family, as well as several projects outside Belgrade. Some of the buildings are now under the protection of the Serbian state in the status of cultural heritage objects. The memory of Nikolai Krasnov is preserved today in the Serbian state. There are the exhibitions dedicated to the work of the Russian architect. One of the streets in Belgrade is named after him. In 2019 in the capital, the architect monument by sculptor Nebojsi Savovic was opened.

Keywords: Nikolai Petrovich Krasnov, Russian emigration, Kingdom of the SCS, Kingdom of Yugoslavia, historian, Russian emigration

For citation: Djordjevich A. Russian Academicism in the Architecture of Belgrade. *Siberia Humanitarian*. 2024. № 4. С. 83—94. <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-4-83-94>

Введение

Архитектор Николай Петрович Краснов (1864—1939) был одним из 40 тысяч русских эмигрантов первой волны, проживавших в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС). Политические перемены на родине после двух революций 1917 г. заставили архитектора Высочайшего Двора покинуть страну и вместе с семьей искать иное место жительства. Сразу после отъезда семья Красновых поселилась на Мальте, недалеко от Валлетты, а уже в 1922 г. переехала в Белград, куда Николай Петрович был приглашен коллегами из Союза русских инженеров в Королевстве СХС. По прибытии в столицу Краснов, будучи академиком в области архитектуры, получил работу. В югославской столице он остался до конца своих дней, принимая активное участие в создании визуального идентитета современного Белграда.

О Николае Петровиче Краснове писали много. Наряду с историками [1—5], исследующими русскую эмиграцию первой волны, предметом внимания искусствоведов, урбанистов, архитекторов, инженеров, культурологов стала профессиональная деятельность Н. П. Краснова. В литературе о деятельности Краснова, вышедшей на нескольких языках, освещены разные этапы его жизни и творчества. Ялтинскому периоду посвящен альбом «Архитектор Н. Краснов: известный и неизвестный», составители которого представили акварели и фотографии документа из фонда Ялтинского историко-литературного музея [6]. Д. Ацович дает обзор ялтинского и белградского периодов в творчестве архитектора, представляет большое количество фотографий и технических чертежей. Особое внимание автор уделяет орнаментике, деталям фасадов, интерьерам, геральдическим мотивам и стилистическим характеристикам творчества архитектора. Подробную информацию об архитекторе содержат ряд научных статей [7—10], каталоги выставок [11—13], энциклопедические словари [5, с. 315—316; 14, с. 548; 15, с. 273—275; 16, с. 192—193; 17, с. 259]. Кроме общей информации появились результаты изучения отдельных проектов архитектора. Внимание исследователей привлекли проекты двух министерств КСХС (Югославии), Государственного архива [18], моста короля Александра I [19], а также планы постройки в городах Смедерево [20] и Великий Бечкерек (ныне Зренянин) [21]. Особый интерес вызвал проект реконструкции часовни на горе Ловчен, располагающейся на территории нынешней Черногории, где похоронены останки владыки Петра II Петровича Негоша [22—23].

В статье рассматривается участие Н. П. Краснова в белградской культурной жизни межвоенного периода, а также восприятие его творческих достижений в исторической и современной перспективе. Используемый при

этом историко-культурологический подход дает возможность разобраться с вопросом современной рецепции, интерпретации личности и творческой деятельности Н. П. Краснова, получившего статус одного из самых значительных русских архитекторов, творивших в югославской (сербской) столице межвоенного периода.

Ялтинский период

Николай Петрович Краснов родился 23 ноября (5 декабря) 1864 г. подданным Российской империи в селе Хонятино Коломенского уезда недалеко от Москвы. Талант мальчика обеспечил ему место учебы в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. По окончании училища в 1885 г. Краснов направляется в Крым и уже в 1887 г. становится главным архитектором Ялты. В ялтинский период Краснов, работая в разных архитектурных направлениях, создает более шестидесяти проектов для постройки вилл, частных домов, сакральных объектов различных конфессий¹ в разнообразных стилях. Создавал он и проекты дворцовых комплексов, известнейшим из которых является Ливадийский дворец — бывшая южная резиденция императора Николая II², а ныне объект культурного наследия народов Российской Федерации.

Также в ряду самых значительных дворцовых проектов ялтинского периода Краснова — проект дворца Дюльбер, выполненный по заказу великого князя Петра Николаевича Романова, дворец Кореиз, проект которого был создан по заказу князя Ф. Ф. Юсупова с супругой [24, с. 120—136].

До эмиграции архитектор с женой Анной Михайловной (ур. Фарбштейн) и дочерьми жил в построенном им доме, располагавшемся недалеко от императорской Ливадии. Двухэтажный особняк принадлежал к первым ялтинским домам, построенным в стиле эклектики модерна. Стиль модерн использован на его южном фасаде, в то время как юго-западная часть спроектирована в стиле конструктивизма. Часть интерьера оформлена с использованием псевдорусских традиций. Кроме гостиной, личных комнат и комнат для гостей, в доме существовали рабочий кабинет архитектора и большой зал, расположенный на втором этаже. По некоторым данным, среди постоянных гостей семьи архитектора была родная сестра императора Николая II — великая княгиня Ксения Александровна. В этом доме семья жила с 1903 до начала 1917 г., после начала революционных событий дом был вынужденно продан. Дом Краснова на ул. Николаевской (Коммунаров, 7) в целостности и сохранности просуществовал 120 лет. Его снесли в середине 2022 г. [24, с. 53 ; 25].

Белградский период

Краснов с семьей, первоначально эмигрировав на Мальту, в 1922 г. переезжает в Белград и поступает на службу в Министерство строительства Королевства СХС на должность инспектора и заведующего отделом монументальных зданий и памятников при архитектурном отделении [26]. В отличие от ялтинского периода, когда архитектор работал в различных стилистических направлениях, в белградских проектах доминирует русский академизм, в некоторых чертах отличающийся от классического академизма. В современном понятии академизм в архитектуре характеризуют технически ясная форма, опора на источники классической эстетики греческой и римской антики. В XIX в. он был анациональной формой, позже стал абсорбировать элементы национальных культур. Постройки в стиле русского академизма характеризует монументальность, доминирование

¹ Архитектор является автором проектов мечети Айя-София в Гурзуфе, пострадавшей при землетрясении 1927 г. и католической церкви Безгрешного зачатия Пресвятой Девы Марии [24, с. 73—74, 96].

² Известно, что проект идейного решения Ливадийского дворца у Краснова занял не более 50 дней, что считается огромным успехом и служит подтверждением таланта его автора.

в пространстве, использование рустики на нижних частях фасадов, а также добавление богатой фасадной пластики, рельефов и скульптур [27 ; 28].

Среди первых белградских проектов Николая Петровича были проекты часовни Негоша на Ловчене и проект реставрации здания сербской православной церкви Ружица, расположенной в стенах белградской крепости Калемегдан. Крепость на берегу рек Савы и Дуная находилась на границе Королевства СХС с Австро-Венгрией. Во время сражений Первой мировой войны старая церковь сильно пострадала. После войны она находилась в плохом состоянии: «с кривой башней и упавшим, плачущим крестом, вся печальная и придавленная ранениями от вражеских снарядов». В 1924 г. Н. П. Краснов совместно с Х. А. Виноградовым — членом комиссии по подготовке генерального плана по реконструкции Верхнего города Белградской крепости — создали планы ее восстановления. Архитектор отказался от использования неовизантийского стиля, популярного в сербской сакральной архитектуре того времени. Вместо этого он принял решение воссоздать храм, используя стиль романтического историзма в духе средневековых церковных зданий романского периода и готики [8, с. 181]. Интерьер церкви также разработан Красновым. В ежедневной белградской печати осталось свидетельство о том, что иконостас в храме создан по эскизам, нарисованным архитектором [29], а современные исследователи считают, что бронзовые изображения двух сербских воинов на входе также установлены по замыслу Краснова.

Постройка Палаты Министерства лесного хозяйства, руд, сельского хозяйства и вод (ул. Кнеза Милоша, 24—26) была начата в 1923 г. по проекту известных югославских архитекторов Н. Несторовича и Д. Брашована [30]. По неизвестным причинам, когда был закончен первый этаж палаты, стройку приостановили. В 1926 г. после перерыва в строительстве Н. П. Краснов стал ведущим архитектором проекта, создав проект монументального объекта в стиле русского академизма. Строительство Палаты Министерства было закончено в 1928 г. Кроме фасада, по эскизам Н. П. Краснова сделана часть интерьера, разработаны планы размещения орнаментов. Декоративные элементы из бронзы и искусственного камня были созданы при участии югославских скульпторов Арамбашича, Лукича и Палавичини, схема расположения скульптур и фасадной пластики принадлежали югославскому скульптору Дж. Йовановичу под руководством Николая Петровича [24, с. 232—236]. В настоящее время в этом доме располагается Министерство иностранных дел Республики Сербии, а здание, ставшее одним из самых значительных образцов русского академического стиля в белградской архитектуре, сегодня имеет статус памятника культуры.

Напротив Министерства лесного хозяйства, руд, сельского хозяйства и вод в межвоенный период было построено здание Министерства финансов. Стилистически эти два здания составляют архитектурный ансамбль. В 1924 г. в белградских газетах был объявлен конкурс эскизов новой Палаты Министерства финансов, принять участие в котором могли и русские архитекторы, проживающие на территории государства [31]. Одним из участников конкурса стал Николай Петрович Краснов. Его проект получил третье место [24, с. 227—232]. В середине апреля следующего года решением министра финансов был проведен новый открытый конкурс проектов фасада министерской палаты. В объявлении подчеркивалось, что право участия в нем «имеют все архитекторы нашего Королевства и русские архитекторы, работающие внутри границ Королевства» [32]. Условия нового конкурса предусматривали, что здание должно быть выполнено в сербско-византийском стиле с использованием победившего в первом конкурсе эскиза. На самом деле великолепное здание Министерства финансов построено по проекту Н. П. Краснова в стиле русского академизма. Строительные работы продолжались в течение трех лет (1926—1928). Верхний, третий,

этаж достроен в 1938 г. и считается одним из последних монументальных проектов архитектора. Изображения из бронзы принадлежат творчеству скульптора Дж. Йовановича и представляют собой символ процветания югославского государства. Ряд скульптур начинается образом женщины с венком на голове, которая символизирует Югославию, а заканчивается изображением римского бога торговли — Меркурия. Палата Министерства финансов представляет собой «антологическое произведение белградской академической архитектуры межвоенного периода» [33] и первый архитектурный проект, в котором было использовано столько «свободных фигур, символизирующих функцию учреждения» [35]. Сегодня в здании бывшей Палаты Министерства финансов, объявленном памятником культуры, располагается Правительство Республики Сербии.

Здание Государственного архива, построенное в Белграде в 1928 г. по проекту Н. П. Краснова, было первым объектом, специально созданным для хранения документов и материалов по истории сербского и других югославских народов. Проект здания архива создан Красновым в стиле классического академизма, подходящем для общественных и государственных зданий. Выбор классического академизма для постройки государственных и общественных зданий современные искусствоведы и историки объясняют тем, что наднациональность академизма как стилистического направления в архитектуре совпадала с культурной политикой королевства того времени. Во время правления Александра I Карагеоргиевича доминировала концепция «интегрального югославянства» и развития объединяющей, югославской национальной идентичности [7 ; 18 ; 34]. К созданию первых эскизов архива, выполненных акварелью, Краснов приступил в апреле 1925 г., а строительные работы начались осенью 1927 г. [18, с. 25]. Из орнамента передней части фасада и четырех выдающихся колонн особый интерес представляют каменные статуи двух львов, расположенные на центральном входе, и скульптуры античных философов — Софокла и Демосфена, созданные скульптором Б. Зеленым [18, с. 27]. В белградской печати того времени здание архива называли «будущим украшением Белграда» [35].

Говоря о белградских творениях Краснова, нельзя не упомянуть его проекты моста короля Александра I, от которого до наших дней сохранились лишь пилоны, и театра «Манеж», фасад которого под защитным стеклом и сегодня украшает стену Югославского театра драмы.

Также архитектор создал интерьер для королевской резиденции в районе Дедине. В 1934—1936 гг. Краснов принял участие в финальных работах по строительству здания Дома Народной скупщины Королевства Югославия, став автором интерьера большого зала и многих рабочих кабинетов [36].

Краснов в белградской среде

Поклонником таланта Николая Петровича был король Александр I Карагеоргиевич. До его трагической гибели в Марселе в 1934 г. Краснов был одним из самых влиятельных архитекторов в королевстве, а русский академизм, который представлял Краснов, — любимым стилем короля при постройке общественных и государственных зданий. Вместе с архитекторами А. Андросовым (автор проекта Главной почты и Главного телеграфа) и В. Баумгартеном (автор проекта Палаты Генерального штаба) Н. П. Краснов принадлежал к старшему поколению русских архитекторов, работавших в КСХС (Югославии)¹. Профессор университета Войислав Заджина, который сотрудничал с архитектором во время реконструкции театра «Манеж» после пожара, оставил в белградской печати свидетельство о скоро-

¹ По классификации А. Арсеньева, к старшему поколению относятся все архитекторы и инженеры, ставшие известными до своего переезда в КСХС. Обычно их творческая деятельность отличается консервативным подходом и использованием классических стилей — русского академизма или русского ампира [17, с. 254 ; 37].

сти, с которой архитектор справлялся с процессом создания новых проектов. Заджина характеризовал Краснова как «трудолюбивого и отличного соратника», который «за несколько дней (курсив наш. — А. Дж.) неутомимой работы сумел закончить генеральный план реконструкции „Манежа”» [38]. По словам югославского архитектора, совместная работа по восстановлению театра протекала в дружеской атмосфере, Краснов помогал и давал свою поддержку в реализации этого проекта [39].

Белградская общественность не всегда проявляла благосклонность к деятельности русских архитекторов. Сохранились материалы лекций, прочитанных М. Злоковичем в Народном университете Коларац в Белграде в 1933 г. Злокович, известный в Югославии архитектор-модернист, резко критиковал творчество русских коллег консервативного направления, а также действующую власть, не способную вести строительство путем, «который соответствовал бы новому государству, основанному на прочном фундаменте». По мнению Злоковича, влияние и «неограниченный авторитет» русских архитекторов в белградской среде негативно отразился на расширении «здоровых и технически оправданных строительных принципов». Он подчеркивал, что в столичной архитектуре доминирует «специфический русский классицизм и псевдобарокко» [40].

Несмотря на критику, творения Краснова среди работ ста пятидесяти русских архитекторов и инженеров, нашедших работу на территории нового балканского государства [37 ; 41 ; 42], получили наибольшее признание. Многие из них приобрели статус памятников культуры и стали объектами культурного наследия Республики Сербии.

Краснов и современная культура Белграда

Грандиозная творческая деятельность Н. П. Краснова в период между двумя мировыми войнами уже сто лет напоминает жителям и гостям Белграда о создателе прекрасных зданий. Значительное количество его построек являются памятниками культуры или претендует на этот статус. Кроме белградских творений архитектора, в наши дни память о нем хранят и люди. После нескольких десятилетий забвения, в конце XX в. вновь возродился интерес к деятельности архитектора. Сначала отдельные историки обратились к забытой теме русской эмиграции и ее вклада в культуру Королевства СХС (Югославии). В последние десять лет результаты научных исследований попали в сферу интересов более широкой аудитории. Деятели культуры и исследователи феномена «зарубежной России», оценив роль представителей русской эмиграции в развитии КСХС, сумели ознакомить общество с деятельностью самых ярких представителей русской интеллигенции, в том числе и Николая Петровича Краснова. Благодаря выставкам и другим мероприятиям, общественность сербской столицы познакомилась с его архитектурным наследием и ролью в нынешнем визуальном идентитете Белграда.

В ноябре — декабре 2013 г. в Этнографическом музее в Белграде проходила выставка «Часовня Негоша на Ловчене и архитектор Николай Краснов (Негошева капела на Ловћену и архитекта Никола Краснов)». Выставка, посвященная двухсотлетию со дня рождения владыки и правителя Черногории Петра II Петровича Негоша, была организована Д. Ацовичем, Гордичем, Камиличем и Црвенковичем [43]. Посетители могли ознакомиться с эскизами и проектами Н. Краснова, занимавшегося восстановлением разрушенной во время Первой мировой войны часовни на вершине горы Ловчен. Мероприятие в Этнографическом музее продемонстрировало традиционное отношение сербской королевской семьи Карагеоргиевичей к деятельности архитектора. Известно, что король Александр I очень ценил творчество Николая Петровича. В истории белградской архитектуры есть несколько примеров, когда Краснов именно от Его Величества получал за-

казы на проекты, минуя какие-либо конкурсы и тендеры. Почти сто лет спустя престолонаследник Александр II Карагеоргиевич на открытии выставки, посвященной истории часовни Негоша, сказал, что выставка «позволяет нам вспомнить, насколько мы обязаны Негошу, *и не забыть* (курсив наш. — А. Дж.), насколько и мы, и завещание Негоша обязаны другому творцу, архитектору Николе Краснову, восстановившему по приказу моего деда Короля Александра I часовню и вечный дом Владыки Рада» [44]. Престолонаследник в своей речи говорил не о Николае, а о Николе Краснове, поскольку архитектор свои официальные проекты, акварели и эскизы часовни Негоша подписывал сербским вариантом имени.

В 2015 г. сотрудники Архива Югославии и Исторического архива г. Белграда М. Медакович, Р. Радженович и Дж. Боровняк подготовили выставку документов «Николай Краснов — русский зодчий Сербии». Выставка проходила в помещениях Архива Югославии с 21 января по 21 мая, на официальной афише были изображены детали фасадной пластики здания Правительства Республики Сербии, проект которого принадлежит Н. П. Краснову. КATALOGи выставки, опубликованные ранее, были приурочены к празднованию 150-летия со дня рождения архитектора [11].

Выставкой «Универсальный художник: Николай Петрович Краснов — Архитектурное наследие Белграда», подготовленной Институтом охраны памятников культуры г. Белграда, в 2024 г. открылись Дни европейского наследия в Белграде [45]. По словам одного из авторов экспозиции, все работы архитектора от технических проектов до эскизов фасада и интерьеров, нарисованных акварелью, насыщены художественными элементами. Белградская общественность получила информацию о великолепных зданиях, часть из которых получили статус памятников культуры [46]. Вторая часть выставки разместилась в г. Нови-Сад в здании музея «Мемориальная коллекция Павла Беянского». Экспонаты выставки — оригинальные материалы из фондов Архива Югославии, Музея науки и техники, Музея сербской православной церкви и Национальной библиотеки Сербии. Выставка была призвана напомнить о несправедливо забытом русском зодчем, много сделавшем для создания облика Белграда, пострадавшего во время Первой мировой войны.

В повседневную жизнь сербской столицы, жители которой не особенно интересуются историей русской эмиграции первой волны, Краснова вернули не только выставки и памятные мероприятия. С согласия правительства одна из улиц старинного белградского района Врачар получила имя известного русского архитектора. С октября 2016 г. бывшую улицу Авалска стали называть улицей Николая Краснова [улица Николе Краснова].

Кроме того, в связи с 80-летием со дня смерти русского архитектора 9 декабря 2019 г. в столице Сербии был открыт памятник Краснову работы скульптора Небойши Савовича. Сидящий за рабочим столом, Николай Петрович смотрит на великолепное здание Архива Сербии, бывшего Государственного архива. Памятник из белого монолитного камня в реалистическом стиле расположен в парке Мали Ташмайдан. На открытии памятника Николаю Петровичу Краснову присутствовали действующий в то время министр культуры и информации Республики Сербии В. Вукосавлевич, чрезвычайный и полномочный посол Российской Федерации в Республике Сербии А. Боцан-Харченко и Сэм Смол, один из правнуков архитектора [47—50]. Помощник мэра Белграда А. Младенович подчеркнул, что «Краснов символизирует связь сербского и русского народов», поскольку «одновременно он был и русским и сербским архитектором» [53]. Официальный представитель Российской Федерации в Сербии А. Босан-Харченко сербское наследие Николая Петровича провозгласил «великой и крепкой связью», скрепляющей два народа [51].

Закључение

Николай Петрович Краснов — главный архитектор Ялты (1887—1899), академик архитектуры и архитектор Высочайшего Двора. Воспоминания о нем хранят ялтинские улицы, дома, виллы, дворцы, построенные по его проектам. В вынужденной эмиграции талант Николая Петровича, продолжившего заниматься архитектурой, служил стране, приютившей семью архитектора. В белградский период по его проектам в столице было возведено большое количество государственных зданий в стиле русского академизма, практически определен облик центральной части Белграда. Занимался архитектор и оформлением интерьеров резиденции королевской семьи Карагеоргиевичей. Несколько проектов было у него и за пределами Белграда. В наши дни Краснова называют русским строителем Югославии, архитектором, создавшим образ современного Белграда, человеком, который оставил неизгладимый след в визуальном идентитете сербской столицы. Имя Николая Петровича неизменно упоминается в связи с историей сербской столицы или русской эмиграции в Королевстве СХС (Югославии).

Список источников

1. Бочарова З. С. Российское зарубежье 1920—1930-х гг. как феномен отечественной истории : учеб. пособие. М. : АИРО-XXI, 2011. 304 с.
2. Јовановић М. Руска емиграција на Балкану. 1920—1940. Београд : Чигоја штампа, 2006. 559 с.
3. Јовановић М. Досељавање руских избеглица у Краљевину СХС 1919—1924. Београд : Стубови културе, 1996. 386 с.
4. Димић Љ. Културна политика у Краљевини Југославији. 1918—1941. Београд : Стубови културе, 1997. 477 с.
5. Русский Белград / сост. В. А. Тесемников, В. И. Косик. М. : Изд-во Москов. ун-та, 2008. 352 с.
6. Архитектор Н. Краснов. Известный и неизвестный: акварели и фотографии / Ялтин. ист.-лит. музей ; сост. О. П. Ткачук [и др.]. Симферополь : Н. Оріанда, 2016. 107 [1] с. : фот. цв.
7. Кадјевић А. Прилог проучавању дела архитекта Николе Краснова у Југославији (1922—1939) // Саопштења. 1994. № 26. С. 181—192.
8. Мађановић М. Прилог проучавању београдског опуса Николаја Петровића Краснова (1922—1939) // Наслеђе. 2015. № 16. С. 75—89.
9. Кадјевић А. Значај заоставштина архитектата за историографију српског градитељства и службу заштите // Наслеђе. 2001. № 3. С. 211—216.
10. Кадиевич А. Выставки русских архитекторов в Белграде между двумя мировыми войнами // Русская эмиграция в Югославии. М. : Индрик, 1996. С. 270—278.
11. Николај Краснов — руски неимар Србије. Изложба докумената / М. Медаковић, Р. Рађеновић, Ђ. Боровњак. Београд : Архив Југославије, 2014. 1 DVD-ROM.
12. Београд: Двадесете године двадесетог века: каталог изложбе / С. Мандић, С. Лазић, Д. Митрашиновић. Београд : Историјски архив Београда, 2024. 84 с.
13. Руска емиграција у Београду од 1920-их до 1950-их: каталог изложбе / А. Тимофејев, М. Живановић, С. Мандић. Београд : Историјски архив Београда, 2021. 179 с.
14. Енциклопедија српског народа / гл. и одгов. ур. Р. Љушић. Београд : Завод за уџбенике, 2008. 1278 с.
15. Руси без Русије: Српски Руси / ур. З. Бранковић. Београд : Дунај ; Беочин : Ефект, 1994. 359 с.
16. Русское культурное наследие в Сербии / отв. ред. М. Милинчич ; пер. К. Авагян. Белград : Центр Рус. географ. о-ва в Сербии, 2020. 334 с.
17. Русские в Сербии: взаимоотношения России и Сербии с конца XII до начала XX века, русская эмиграция в Сербии, россияне в Сербии — последние 60 лет и сегодня / А. Б. Арсеньев и др. Белград : Координац. совет рос. соотечественников в Сербии : Весна инфо, 2009. 356 с.
18. Кипроски С. Зграда Државне архиве (1925—1928) у Београду, остварење руског академика Николаја Петровића Краснова // Наслеђе. 2021. № 22. С. 21—35.
19. Илијевски А. Прилог проучавању архитектуру и идеологије Моста витешког краља Александра Првог Ујединитеља у Београду // Наслеђе. 2013. № 14. С. 211—220.
20. Милошевић Д. Смедеревско архитектонско наслеђе Николаја Петровића Краснова // Зборник Матице српске за ликовне уметности. 2014. № 42. С. 231—247.
21. Karavida V. Nerealizovana raskoš u Velikom Bečkereku — čuveni Krasnov na Gradnuliци // Vesna Karavida // Zavod za zaštitu spomenika kulture Zrenjanin. 2021. 24 Nov. URL: <https://www.zrenjaninheritage.com/archives/21345> (дата обращения: 09.10.2024).

22. Никифоров К. Руски архитекта Н. П. Краснов — градитељ Његошеве капеле на Ловћену // Историски записи: орган Историског друштва Народне Републике Црне Горе. 1991. Бр. 1/2. С. 137—143.
23. Његошева капела на Ловћену и архитекта Никола Краснов. Каталог изложбе / Д. Ацовић, Г. Гордић, В. Камилић, Б. Црвенковић. Београд : Етнографски музеј, Чигоја штампа, 2013. 68 с.
24. Ацовић Д. Николај Краснов: албум сећања = Николай Краснов: альбом памяти. Београд : Хералдички клуб, 2017. 295 с.
25. Сардыко С. Цинични снос дома архитектора Краснова в Јалте // Јалтинское информативное агентство. 2022. 16 јуна. URL: <https://jaltainform.ru/%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE/439> (дата обраћања: 09.10.2024).
26. Тошева С. Организација и рад Архитектонског одељења Министарства грађевине у периоду између два рата // Наслеђе. № 2. С. 171—181.
27. Кадјевић А. Архитектура емиграната из Русије — између националне трауме и изградње југословенског идентитета // Југословенска архитектура између два светска рата (1918—1941). Контексти тумачења. Београд : Универзитет у Београду. 2023. С. 73—110.
28. Kadijević A. Uloga ruskih emigranata u beogradskoj arhitekturi između dva svetska rata. URL: http://www.arte.rs/sr/umetnici/teoreticari/aleksandar_kadijevic-4101/tekstovi/uloga_ruskih_emigranata_u_beogradskoj_arhitekturi_izmedju_dva_svetska_rata-2183/ (дата обраћања: 21.05.2023).
29. Обновљање цркве Ружице // Време. 1924. 21 септ.
30. Palata Ministarstva šuma i ruda i Ministarstva poljoprivrede i voda // Каталог непокретних културних добара на подручју града Београда / Завод за заштиту споменика културе града Београда. URL: https://beogradskonasledje.rs/katalog_kd/palata-ministarstva-suma-i-ruda-i-mini (дата обраћања: 18.10.2024).
31. Конкурс за израду скица за израду нове палате мин. финансија // Време. 1924. 8 април. С. 6.
32. Израда планова за нову палату Министарства финансија у Београду // Време. 1925. 16 април. С. 2.
33. Палата министарства финансија Краљевине Југославије // Каталог непокретних културних добара на подручју града Београда / Завод за заштиту споменика културе града Београда. URL: https://www.beogradskonasledje.rs/kd/zavod/savski_venac/palata_ministarstva_finansija.html (дата обраћања: 18.10.2024).
34. Димић Љ. Историја српске државности, Србија у Југославији. Нови Сад : Српска академија наука и уметности, Огранак Нови Сад, Друштво историчара Јужнобачког и Сремског округа, Београд, 2001. 472 с.
35. Зграда Државне Архиве биће довршена до идућег лета // Време. 1927. 22 дек. С. 9.
36. Гордић Г. Дом Народне скупштине // Наслеђе. 2001. № 3. С. 85—88.
37. Арсенев А. Б. Петербургские архитекторы Нови-Сада: К. П. Паризо де ла Валетт и Ю. Н. Шретер // Изобразительное искусство, архитектура и искусствоведение Русского зарубежья / отв. редактор О. Л. Лейкинд. СПб. : Дмитрий Буланин, 2008. С. 348—370.
38. Нови 'Манеж' биће готов у јануару // Време. 1927. 20 окт. С. 5.
39. Јуче је свечано отворено ново Позориште на Врачару «Манеж» // Време. 1929. 4 марта. С. 5.
40. Савремена архитектура у Југославији // Време. 1933. 7 дек. С. 8.
41. Латинчић О. Прилози биографијама руских архитеката — градитељима Београда // Наслеђе. 2015. № 16. С. 147—160.
42. Боровњак Дж. Российские архитекторы и инженеры — эмигранты в Белграде между двумя мировыми войнами // Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженицына. М., 2017. С. 46—60.
43. Његошева капела на Ловћену и архитекта Никола Краснов // Српске Православне Црква. 2013. 25 новембар. URL: http://arhiva.spc.rs/sr/njegoseva_kapela_na_lovtshenu_arhitekta_nikola_krasnov.html (дата обраћања: 11.10.2024).
44. Prestolonaslednik Aleksandar na otvaranju izložbe «Njegoševa kapela na Lovćenu i arhitekta Nikola Krasnov» // Kraljevska Porodica Srbije. 2013. 26 новембар. URL: <https://royalfamily.org/lat/prestolonaslednik-aleksandar-na-otvaranju-izlozbe-njegoseva-kapela-na-lovcenu-i-arhitekta-nikola-krasnov/> (дата обраћања: 11.10.2024).
45. Дани европске баштине почињу изложбом о Краснову: Упознајте дело архитекте који је утиснуо дубок печат изгледу Београда // Београд. 2024. 11 септембар. URL: <https://gradonacelnik.beograd.rs/cir/zivot-u-beogradu/manifestacije/a86672/Izlozba-Svestrani-umetnik-Nikolaj-Petrovic-Krasnov-arhitektonsko-nasledje-Beograda.html> (дата обраћања: 09.10.2024).
46. Мучибабић Д. Палате архитекте Краснова за 'Дане европске баштине' // Политика. 2024. 10 септ. URL: <https://www.politika.rs/scc/clanak/631662/Palate-arhitekta-Krasnova-za-Dane-evropske-bastine> (дата обраћања: 09.10.2024).
47. Откривен споменик Николају Краснову у Београду // РТС. 2019. 9 дек. URL: <https://www.rts.rs/vesti/drustvo/3767186/otkriven-spomениk-nikolaju-krasnovu-u-beogradu.html> (дата обраћања: 06.10.2024).

48. Откривен споменик руском архитекти Николају Краснову // Влада Република Србје. На службе грађан. 2019. 9 децембар. URL: <https://www.srbija.gov.rs/vest/431535/otkriven-spomениk-ruskom-arhitekti-nikolaju-krasnovu.php> (дата обраћања: 06.10.2024).
49. Pavlov E. В Белграде открит памятник архитектору Николаю Краснову // РУСКИ ДОМ. 2019. 9 децембр. URL: <https://ruskidom.rs/2019/12/09/fixed10/> (дата обраћања: 06.10.2024).
50. Откривен споменик руском архитекти Николају Краснову // Политика. 2019. 9 дек. URL: <https://www.politika.rs/scc/clanak/443610/Otkriven-spomениk-ruskom-arhitekti-Nikolaju-Krasnovu> (дата обраћања: 06.10.2024).
51. Beograd bez njega ne bi bio isti // Telegraf. 2019. 9 децембр. URL: <https://www.telegraf.rs/pop-i-kultura/art/3130468-beograd-bez-njega-ne-bi-bio-isti-otkriven-spomениk-i-otvorena-izlozba-posvecena-nikolaju-krasnovu> (дата обраћања: 12.10.2024).

References

1. Bocharova Z.S. Rossiyskoe zarubezh'e 1920-1930-kh gg. kak fenomen otechestvennoy istorii [Russian abroad 1920-1930s. as a phenomenon of national history], ucheb. posobie. Moscow, AIRO-XXI, 2011, 304 p.
2. Jovanovich M. Ruska emigratsija na Balkanu. 1920-1940 [Russian emigration to the Balkans. 1920-1940]. Belgrade, Chigoja shtampa, 2006, 559 p.
3. Jovanovich M. Doseľavaње ruskikh izbeglitsa u Краљевину SKhS 1919-1924 [Russians avoided the Kraljevina SSR until 1919—1924]. Belgrade, Stubovi kulture, 1996, 386 p.
4. Dimich Lzh. Kulturna politika u Краљевини Jugoslaviji. 1918-1941 [Cultural Policy in Kraljevina Jugoslavia. 1918-1941]. Belgrade, Stubovi kulture, 1997, 477 p.
5. Tesemnikov V.A., Kosik V.I. (eds.) Russkiy Belgrad [Russian Belgrade]. Moscow, Publ. Moskov. un-ta, 2008, 352 p.
6. Tkachuk O.P. et al. Arkhitekto N. Krasnov. Izvestnyy i neizvestnyy: akvareli i fotografii. Simferopol', N. Orianda, 2016, 107 [1] p.
7. Kadievich A. Prilog prouchavaњу dela arkhitekta Nikole Krasnova u Jugoslaviji (1922—1939) [An addition to the case study of the architect Nikola Krasnov in Yugoslavia (1922-1939)], *Saopshteniya*, 1994, no. 26, p. 181-192.
8. Madzhanovich M. Prilog prouchavaњу beogradskog opusa Nikolaja Petrovicha Krasnova (1922—1939) [Contribution to the study of the Belgrade oeuvre of Nikolaj Petrovich Krasnov (1922-1939)], *Nasleđe*, 2015, no. 16, p. 75-89.
9. Kadievich A. Znachaj zaostavština arkhitekata za istoriografiju srpskog graditeljstva i službu zashtite [The importance of architects' legacies for the historiography of Serbian architecture and the service of protection], *Nasleđe*, 2001, no. 3, p. 211-216.
10. Kadievich A. Vystavki ruskikh arkhitektorov v Belgrade mezhdu dvumya mirovymi voynami [Exhibitions of Russian architects in Belgrade between the two world wars], *Russkaya emigratsiya v Jugoslavii* [Russian Emigration in Yugoslavia]. Moscow, Indrik, 1996, pp. 270-278.
11. Medakovich M., Radzhenovich R., Chernika Dzh. Nikolaj Krasnov - ruski neimar Srbije. Izlozha dokumenata [Nikolai Krasnov - Russian architect of Serbia. Exhibition of documents]. Belgrade, Arkhiv Jugoslavije, 2014, 1 DVD-ROM.
12. Mandich S., Lazich S., Mitrashinovich D. Beograd: Dvadesete godine dvadesetog veka: katalog izlozhe [Belgrade: the twentieth year of the twentieth century: exhibition catalogue]. Belgrade, Istorijski arhiv Beograda, 2024, 84 p.
13. Timofejev A., Zhivanovich M., Mandich S. Ruska emigratsija u Beogradu od 1920-ikh do 1950-ikh: katalog izlozhe [Russian emigration in Belgrade from the 1920s to the 1950s. Catalog of the exhibition]. Belgrade, Istorijski arhiv Beograda, 2021, 179 p.
14. Lzhushich R. (ed.) Entsiklopedija srpskog naroda [Encyclopedia of the Serbian people]. Belgrade, Zavod za učenike, 2008, 1278 p.
15. Brankovich Z. Rusi bez Rusije: Srpski Rusi [Russians without Russia: Serbian Russians]. Belgrade, Dunaj, Beochin, Efekt, 1994, 359 p.
16. Milinchich M. Russkoe kul'turnoe nasledie v Serbii [Russian cultural heritage in Serbia]. Belgrade, Tsentr Rus. geograf. o-va v Serbii, 2020, 334 p.
17. Arsen'ev A.B. et al. Russkie v Serbii: vzaimootnosheniya Rossii i Serbii s kontsa XII do nachala XX veka, russkaya emigratsiya v Serbii, rossiyane v Serbii - poslednie 60 let i segodnya segodnya [Russians in Serbia: Russian-Serbian relations from the end of XII to the beginning of XX century, Russian emigration in Serbia, Russians in Serbia - last 60 years and today]. Belgrade, Koordinats. sovet ros. sootchestvennikov v Serbii, Vesna info, 2009, 356 p.
18. Kiproski S. Zgrada Drzhavne arkhive (1925-1928) u Beogradu, ostvareње ruskog akademika Nikolaja Petrovicha Krasnova [The State Archives building (1925-1928) in Belgrade, the creation of the Russian academic Nikolaj Petrovich Krasnov], *Nasleđe*, 2021, no. 22, pp. 21-35.

19. Piljevski A. Prilog proučavanju arhitekture i ideologije Mosta viteshskog kralja Aleksandra Prvog Ujedinitelja u Beogradu [A contribution to the study of the architecture and ideology of the Knight King Alexander the First Unifier Bridge in Belgrade], *Nasleđe*, 2013, no. 14, pp. 211-220.
20. Miloshevich D. Smederevsko arhitektonsko nasleđe Nikolaja Petrovicha Krasnova [The Smederevo architectural legacy of Nikolai Petrovich Krasnov], *Zbornik Matitse srpske za likovne umetnosti*, 2014, no. 42, pp. 231-247.
21. Karavida V. Nerealizovana raskoš u Velikom Bečkereku — čuveni Krasnov na Gradnulici [Unrealized opulence in Veliki Bečkerek - the famous Krasnov on Gradnulica], *Vesna Karavida*, 2021, 24 November. Available at: <https://www.zrenjanininheritage.com/archives/21345> (accessed: 09.10.2024).
22. Nikiforov K. Ruski arhitekta N. P. Krasnov - graditelj Hegosheve kapele na Lovhenu [Russian architect N.P. Krasnov – the builder of Njegoš's chapel in Lovcen], *Istoriski zapisi: organ Istoriskog drustva Narodne Republike Tsrne Gore*, 1991, br. ½, pp. 137-143.
23. Atsovič D., Gordich G., Kamilich V., Tsrvenkovich B. Hegosheva kapela na Lovchenu i arhitekta Nikola Krasnov. Katalog izložbe [Njegoš's chapel on Lovcen and architect Nikola Krasnov. Catalog of the exhibition]. Belgrade, Etnografski muzej, Chigoja štampa, 2013, 68 p.
24. Atsovič D. Nikolaj Krasnov: album seћања = Nikolay Krasnov: al'bom pamyati [Nikolai Krasnov: memory album]. Belgrade, Kheraldichki klub, 2017, 295 p.
25. Sardyko S. Tsinichnyy snos doma arkhitektora Krasnova v Yalte [Cynical demolition of the house of architect Krasnov in Yalta], *Yaltinskoe informagentstvo*, 2022, 16 June. Available at: <https://yaltainform.rf/%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B2%D0%BE/439> (accessed: 09.10.2024).
26. Tosheva S. Organizatsija i rad Arkhitektonskog odeljenja Ministarstva građevine u periodu između dva rata [Organization and work of the Architectural Department of the Ministry of Construction in the period between the two wars], *Nasledie*, no. 2. S. 171—181.
27. Kadijevič A. Arkhitektura emigranata iz Rusije - između natsionalne traume i izgrađnje jugoslovenskog identiteta [The architecture of emigrants from Russia - between national trauma and the construction of Yugoslav identity], *Yugoslavskaya arkhitektura mezhdu dvumya mirovymi voynami (1918-1941). Konteksty interpretatsii [Yugoslav architecture between the two world wars (1918-1941). Contexts of interpretation]*. Belgrade, Univerzitet u Beogradu, 2023, pp. 73-110.
28. Kadijevič A. Uloga ruskih emigranata u beogradskoj arhitekturi između dva svetska rata [The role of Russian emigrants in Belgrade architecture between the two world wars]. Available at: http://www.arte.rs/sr/umetnici/teoreticari/aleksandar_kadijevic-4101/tekstovi/uloga_ruskih_emigranata_u_begradskoj_arhitekturi_izmedju_dva_svetska_rata-2183/ (accessed: 21.05.2023).
29. Obnavljanje crkve Ruzhitse [Restoration of the Ruzica church], *Vreme*, 1924, 21 September.
30. Palata Ministarstva šuma i ruda i Ministarstva poljoprivrede i voda [Palace of the Ministry of Forests and Mines and the Ministry of Agriculture and Water], *Katalog nepokretnikh kulturnikh dobara na području grada Beograda [Catalog of immovable cultural assets in the area of the city of Belgrade]*. Available at: https://beogradskonasledje.rs/katalog_kd/palata-ministarstva-suma-i-ruda-i-mini (accessed: 18.10.2024).
31. Konkurs za izradu skitsa za izradu nove palate min. finansija [Competition for making sketches for the construction of the new palace min. of finance], *Vreme*, 1924, 8 April, p. 6.
32. Izrada planova za novu palatu Ministarstva finansija u Beogradu [Development of plans for the new palace of the Ministry of Finance in Belgrade], *Vreme*, 1925, 16 April, p. 2.
33. Palata ministarstva finansija Kraljevine Jugoslavije [Palace of the Ministry of Finance of the Kingdom of Yugoslavia], *Katalog nepokretnikh kulturnikh dobara na području grada Beograda [Catalog of immovable cultural assets in the area of the city of Belgrade]*. Available at: https://www.beogradskonasledje.rs/kd/zavod/savski_venac/palata_ministarstva_f finansija.html (accessed: 18.10.2024).
34. Dimich Lzh. Istorija srpske drzhavnosti, Srbija u Jugoslaviji [History of Serbian statehood, Serbia in Yugoslavia]. Novi Sad, Srpska akademija nauka i umetnosti, Ogranak Novi Sad, Drushtvo istorichara Juzhnobachkog i Sremaskog okruga, Beseda, 2001, 472 p.
35. Zgrada Drzhavne Arkhive biće dovršena do idućeg leta [The State Archives building will be completed by next summer], *Vreme*, 1927, 22 December, p. 9.
36. Gordih G. Dom Narodne skupštine [House of the National Assembly], *Nasledie*, 2001, no. 3, pp. 85-88.
37. Arsen'ev A.B. Peterburgskie arkhitektory Novi-Sada [Petersburg architects of Novi Sad], *Izobrazitel'noe iskusstvo, arkhitektura i iskusstvovedenie Russkogo zarubezh'ya Saint-Petersburg*, Dmitriy Bulanin, 2008, pp. 348-370.
38. Novi 'Manezh' biće gotov u januaru [New 'Manege' will be ready for January], *Vreme*, 1927, 20 October, p. 5.

39. Juche je svečano otvoreno novo Pozorishte na Vracharu "Manezh" [The new Theater on Vrachar "Manege" has been opened], *Vreme*, 1929, 4 March, p. 5.
40. Savremena arhitektura u Jugoslaviji [Modern architecture in Yugoslavia], *Vreme*, 1933, 7 December, p. 8.
41. Latinskih O. Prilozi biografijama ruskih arhitekata - graditelja Beograda [Appendix of the biography of Russian architects - the Gradite of Beograd], *Nasledie*, 2015, no.16, pp. 147-160.
42. Borovnyak Dzh. Rossijskie arhitektory i inzhenery - zmigrauty v Belgrade mezhdu dvumya mirovymi voynami [Russian architects and engineers - Emigrants in Belgrade between the two world wars], *Ezhegodnik Doma russkogo zarubezh'ya im. Aleksandra Solzhenitsyna* [The yearbook of the Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad]. Moscow, 2017, pp. 46-60.
43. Negosheva kapela na Lovhenu i arhitekta Nikola Krasnov [Njegoš's chapel on Lovcen and architect Nikola Krasnov], *Srpske Pravoslavne Tsrkva*, 2013, 25 November. Available at: http://arhiva.spc.rs/sr/njegosheva_kapela_na_lovtshenu_arhitekta_nikola_krasnov.html (accessed: 11.10.2024).
44. Prestolonaslednik Aleksandar na otvaranju izložbe "Njegoševa kapela na Lovčenu i arhitekta Nikola Krasnov" [Crown Prince Alexander at the opening of the exhibition "Njegoš's Chapel on Lovčen and architect Nikola Krasnov"], *Kraljevska Porodica Srbije*, 2013, 26 November. Available at: <https://royalfamily.org/lat/prestolonaslednik-aleksandar-na-otvaranju-izlozbe-njegoseva-kapela-na-lovcenu-i-arhitekta-nikola-krasnov/> (accessed: 11.10.2024).
45. Dani evropske bashtine počinju izložbom o Krasnovu: Upoznajte delo arhitekta koji je utisnuo dubok pečat izgledu Beograda [The Days of European Heritage begin with an exhibition about Krasnov: Get to know the work of the architect who left a deep mark on the appearance of Belgrade], *Beograd*, 2024, 11 September. Available at: <https://gradonacelnik.beograd.rs/cir/zivot-u-beogradu/manifestacije/a86672/Izlozba-Svestrani-umetnik-Nikolaj-Petrovic-Krasnov-arhitektonsko-nasledje-Beograda.html> (accessed: 09.10.2024).
46. Muchibabich D. Palate arhitekta Krasnova za "Dane evropske bashtine" [Architect Krasnov's Palace for "European Heritage Days"], *Politika*, 2024, 10 September. Available at: <https://www.politika.rs/scc/clanak/631662/Palate-arhitekta-Krasnova-za-Dane-evropske-bastine> (accessed: 09.10.2024).
47. Otkriven spomenik Nikolaju Krasnovu u Beogradu [Monument to Nikolay Krasnov opened in Belgrade], *RTS*, 2019, 9 December. Available at: <https://www.rts.rs/vesti/drustvo/3767186/otkriven-spomenik-nikolaju-krasnovu-u-beogradu.html> (accessed: 06.10.2024).
48. Otkriven spomenik ruskom arhitekti Nikolaju Krasnovu [Monument to Russian architect Nikolai Krasnov unveiled], *Vlada Republika Srb'e. Na sluzhbe grazhdan*, 2019, 9 December. Available at: <https://www.srbija.gov.rs/vest/431535/otkriven-spomenik-ruskom-arhitekti-nikolaju-krasnovu.php> (accessed: 06.10.2024).
49. Pavlov E. V Belgrade otkryt pamyatnik arhitektoru Nikolaju Krasnovu [A monument to the architect Nikolai Krasnov was unveiled in Belgrade], *RUSKI DOM*, 2019, 9 December. Available at: <https://ruskidom.rs/2019/12/09/fixed10/> (accessed: 06.10.2024).
50. Otkriven spomenik ruskom arhitekti Nikolaju Krasnovu [Monument to Russian architect Nikolai Krasnov unveiled], *Politika*, 2019, 9 December. Available at: <https://www.politika.rs/scc/clanak/443610/Otkriven-spomenik-ruskom-arhitekti-Nikolaju-Krasnovu> (accessed: 06.10.2024).
51. Beograd bez njega ne bi bio isti [Without this person, Belgrade wouldn't look the same], *Telegraf*, 2019, 9 December. Available at: <https://www.telegraf.rs/pop-i-kultura/art/3130468-beograd-bez-njega-ne-bi-bio-isti-otkriven-spomenik-i-otvorena-izlozba-posvecena-nikolaju-krasnovu> (accessed: 12.10.2024).

Информация об авторе

Джорджевич Александра — докторант, Белградский университет, факультет политических наук, Белград, Республика Сербия. E-mail: alexys_cello@yahoo.com

Information about the author

Aleksandra Djordjevich — Doctoral Student, University of Belgrade, Faculty of Political Sciences, Belgrade, Republic of Serbia. E-mail: alexys_cello@yahoo.com

Статья поступила в редакцию 10.09.2024; одобрена после рецензирования 17.10.2024; принята к публикации 25.10.2024.

The article was submitted 10.09.2024; approved after reviewing 17.10.2024; accepted for publication 25.10.2024.

Наука и культура

Научная статья
УДК 39:001.32(571.13)
<https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-4-95-106>

Антропология научной жизни и академическая повседневность (на примере деятельности Этнографического омского научного центра)

Марина Александровна Жигунова

Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии
СО РАН, Омск, Российская Федерация, marizh.omsk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9719-2525>

Аннотация. Статья посвящена 50-летию юбилею Этнографического омского научного центра (основан в 1974 г.), который является третьим в России (после московского и Санкт-Петербургского) по времени создания и количеству ученых данной специальности. В ней представлены сведения о его основателе и бессменном лидере — докторе исторических наук, профессоре, ветеране Сибирского отделения Российской академии наук Николае Аркадьевиче Томилове. Приводится историографический анализ имеющихся публикаций по заявленной тематике, основанный на междисциплинарном подходе (история, философия, этнология и антропология, культурология, музеология, социология). В структуру Этнографического омского научного центра изначально входят три основных учреждения: Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского (1974), Омский филиал Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (1991) и Сибирский филиал Российского института культурологии (1993), которые функционируют и сегодня. Анализируется история и основная тематика этнографических, культурологических, музееведческих исследований сотрудников этих организаций. Приводятся данные научно-организационной и издательской деятельности омских ученых. Особое внимание уделяется экспедиционным исследованиям, традициям празднования Дня этнографа, юбилеев учреждений и их сотрудников, другим характерным моментам академической повседневности омских этнографов.

Ключевые слова: антропология академической жизни, историография, Этнографический омский научный центр, Сибирь, Казахстан

Благодарности: Работа выполнена в рамках государственного задания Института археологии и этнографии СО РАН (Проект № 0264-2022-0002).

Для цитирования: Жигунова М. А. Антропология научной жизни и академическая повседневность (на примере деятельности Этнографического омского научного центра) // Сибирь гуманитарная. 2024. № 4. С. 95—106. <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-4-95-106>

Anthropology of Scientific Life and Academic Everyday Life (on the Example of the Activities of the Ethnographic Omsk Scientific Center)

Marina A. Zhigunova

Omsk Laboratory of Archaeology, Ethnography and Museology, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Omsk, Russian Federation, marizh.omsk@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9719-2525>

Abstract. The article is devoted to the 50th anniversary of the Ethnographic Omsk Scientific Center (founded in 1974), which is the third in Russia (after Moscow and St. Petersburg) in terms of the time of its establishment and the number of scientists. It presents information on its founder and permanent leader - Professor Nikolai Arkadievich Tomilov, Doctor of Historical Sciences, veteran of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. The article provides a historiographical analysis of available publications on the stated subject, based on an interdisciplinary approach (history, philosophy, ethnology and anthropology, culturology, museology, sociology). The structure of the Ethnography Omsk Scientific Center initially includes three main institutions: F.M. Dostoevsky Omsk State University (1974), the Omsk branch of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (1991), and the Siberian branch of the Russian Institute of Cultural Studies (1993), which are still in action today. The article analyzes the history and the main topics of ethnographic, cultural and museological research of the staff. The author provides data on academic, organizational and publishing activities of Omsk scholars. The article pays special attention to expeditionary research, traditions of celebrating the Day of Ethnographer, anniversaries of institutions and their employees, other distinctive moments of academic everyday life of Omsk ethnographers.

Keywords: anthropology of academic life, historiography, Ethnographic Omsk Scientific Center, Siberia, Kazakhstan

Acknowledgements: The work was carried out within the state assignment of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS (Project No. 0264-2022-0002).

For citation: Zhigunova M.A. Anthropology of Scientific Life and Academic Everyday Life (on the Example of the Activities of the Ethnographic Omsk Scientific Center). *Siberia Humanitarian*. 2024. № 4. С. 95—106. <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-4-95-106>

В настоящее время в исторической науке все большую актуальность приобретают исследования, посвященные антропологии академической жизни. И если крупнейшие столичные научные школы представлены в отечественном историографическом дискурсе, то остальные в большинстве своем только ждут своего исследователя. Их изучение позволит проследить региональную специфику, охарактеризовать представителей научных школ как социальную группу профессиональных ученых современной России. Цельной теории истории повседневности, в том числе и академической, к настоящему времени пока не создано. Ее поиски идут в русле истории ментальности и микроистории.

Одним из основных методов, используемых для данной работы, стал метод историографического анализа, с помощью которого были выявлены имеющиеся публикации по заявленной теме, определена их основная тематика. Также в качестве инструментария использовались методы сравнительного анализа и синтеза, научного описания и обобщения, непосредственного включенного наблюдения и конструирования, опроса и личного

интервью, социальной идентологии и генеалогии, компьютерной технологии и др.

Этнографический омский научный центр (ЭОНЦ) — один из крупнейших в России, он занимает почетное третье место после Московского и Санкт-Петербургского (Ленинградского) этнографических научных центров по времени создания и количеству профессиональных ученых-этнографов. Анализ его становления и деятельности, особенности академической культуры представляют несомненный интерес.

Термины «этнос» (от греч. *ἔθνος* — народ) и «этнография» (от греч. *ἔθνος* — народ и *γραφω* — пишу) появились на рубеже XVIII—XIX вв., позднее появился термин «этнология» (греч. *ἔθνος* — народ и *λόγος* — учение, наука). В англоязычных странах их аналогом выступают социальная и культурная антропология [1—3]. В России существует традиция толкования терминов «этнография», «этнология» и «народоведение» как синонимов. Однако в современных академических словарях русского языка слова «этнолог» и «этнология» отсутствуют. Можно много говорить о соотношении различных понятий, но паспорт специальности ВАК 07.00.07 «Этнография, этнология и антропология» включает 15 областей исследований (от этногенеза до этнической и возрастной антропологии).

Особый вклад в становление и развитие нового научного направления, изучающего академическую повседневность, внесла главный научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН Галина Александровна Комарова (1948—2020). Она выступила ответственным редактором нескольких изданий на эту тему [4—7], а также организатором и руководителем секции «Антропология академической жизни» в рамках VIII Конгресса этнографов и антропологов России (Оренбург, 2009 г.).

Обзор публикаций по этой теме представлен на страницах журналов «Антропологический форум» и «Историческая повседневность». Проследживается общность предметного поля антропологии академической жизни с историей повседневности и устной историей [8], идентологией и другими сферами гуманитарных знаний.

Существенный вклад в изучение академической проблематики внесли представители омской школы историографии. Среди них прежде всего следует назвать доктора исторических наук В. П. Корзун, возглавившую историографическое направление в Омском государственном университете (ОмГУ), которая активно трудится в данной сфере со своими учениками и коллегами [9; 10]. Наибольший интерес представляют работы, посвященные методике историографического анализа, отечественным историческим школам, в том числе корпорации омских историков, университетской повседневности и профессорской культуре [11].

История ЭОНЦ частично представлена в научных публикациях. В них отражен институциональный компонент и основная проблематика исследований, а также особенности формирования коммуникативного поля.

Хронологические рамки нашего исследования охватывают период с 1974 (открытие ОмГУ) до 2024 г. Изначально в университете этнографическое направление в рамках кафедры истории СССР, а затем — всеобщей истории, возглавил кандидат исторических наук Николай Аркадьевич Томилов. По его инициативе, поддержанной решением ученого совета ОмГУ от 5 ноября 1974 г., был основан музей истории ОмГУ, переименованный в 1976 г. в музей археологии и этнографии [12; 13]. В 1985 г. по инициативе Н. А. Томилова в ОмГУ была открыта специализированная кафедра этнографии, историографии и источниковедения истории СССР. В 1991 г. Н. А. Томилов возглавил созданный им Омский филиал Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН, преобразованный затем в Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН, а в 2018 г. — в Омскую лабораторию археологии, этнографии и музееведе-

ния Института археологии и этнографии СО РАН. В 1993 г. в Омске (также под руководством Н. А. Томилова) был открыт Сибирский филиал Российского института культурологии, сегодня — Сибирский филиал Института культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва. Так Омск превратился в этнографическую столицу Западной Сибири [14 ; 15].

Область основных научных интересов Н. А. Томилова охватывает несколько сфер: антропологию, этнографию/этнологию, историографию отечественной этнологии (этнографии) и музеологии, культурологию, музееведение, этноархеологию, этническую экологию, отечественную историю, краеведение, религиоведение, фольклор. Диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук «Современные этнические, культурные и бытовые процессы среди сибирских татар» (научный руководитель — И. С. Гурвич) Н. А. Томилов успешно защитил в 1973 г. в Институте этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. В 1983 г. Н. А. Томилов блестяще защитил докторскую диссертацию «Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI — начале XX вв.» (научный консультант — Ю. В. Бромлей). Им разработаны методолого-теоретические и методические аспекты этнической истории, этноархеологии, музеологии (музееведения), этнической экологии и др. Особое место в его исследованиях занимает этнография народов Северной и Центральной Азии [16 ; 17]. В 2002 г. Н. А. Томилову было присвоено почетное звание «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации». Им были разработаны лекционные курсы: «Введение в музееведение», «История первобытного общества», «Классика зарубежной и российской этнологии и антропологии», «Музееведение», «Общая музеология», «Происхождение религии и ее ранние формы», «Этноархеология», «Этнография» и др.

Список научных трудов Н. А. Томилова составляет сегодня около 1 300 публикаций [18—20]. Главным своим достижением Николай Аркадьевич считает создание в Омске научного коллектива этнологов (этнографов), этноархеологов, культурологов и музеологов, способного выполнять фундаментальные и прикладные исследования мирового уровня. Н. А. Томилов подготовил 35 кандидатов исторических наук и являлся научным консультантом четырех докторов исторических наук: В. П. Кривоногова, Д. Г. Коровушкина, Т. Б. Смирновой, И. В. Лоткина. Николай Аркадьевич — не просто удивительный человек, незаурядный ученый, талантливый лектор и организатор, но и творческая, артистичная личность. Его увлекательные лекции помнят многие студенты.

Сегодня Н. А. Томилов продолжает активно участвовать в научно-исследовательской, научно-организационной и общественной деятельности, воспитывать новые поколения этнографов, для которых он превратился в легендарную личность. К его 80-летию в Омске в сентябре 2021 г. была проведена Международная научная конференция «Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах — важнейшие факторы стабильного развития стран Евразии» и опубликован одноименный сборник. В рамках конференции прошла презентация нового издания Н. А. Томилова «60 лет в научном сообществе: гуманитарные исследования, российские ученые и их окружение (вторая половина XX — первые десятилетия XXI века» [21], а в «Вестнике Омского университета» была опубликована юбилейная статья [22].

Значимыми источниками истории ЭОНЦ являются работы по историографии, периодические научные издания, публикации, посвященные деятельности отдельных ученых [23—31], а также различных научных подразделений, организаций [32—34]. Среди других источников следует перечислить материалы научных конференций и семинаров, всесоюзных научных сессий, посвященных итогам полевых археологических, этнографических

и антропологических исследований, конгрессов этнографов и антропологов России (с 2015 г. — конгресс антропологов и этнологов России) и др.; справочные издания, учебно-методические публикации, вопросники и программы сбора материалов [35]; документы, хранящиеся в Историческом архиве Омской области, архивах и фондах Омского государственного историко-краеведческого музея, кафедры этнологии, антропологии, археологии и музеологии ОмГУ, музея археологии и этнографии музейного комплекса ОмГУ и Музея народов Сибири Омского научного центра СО РАН; экспертные тематические интервью и опросы, иллюстративные источники (рисунки и фотографии из государственных, музейных, общественных и личных архивов). Особым видом источников послужили официальные интернет-сайты различных учреждений и организаций, прежде всего кафедры этнографии и музееведения ОмГУ (создан в 2002 г.).

Сведения об истории и современной деятельности ЭОНЦ представлены в отдельных научных статьях [36 ; 37], авторских и коллективных изданиях. Среди них особо следует отметить монографию И. В. Захаровой и Н. А. Томилова [38]. В ней рассмотрены история, периодизация и некоторые современные проблемы этнографического сибиреведения в отечественной науке, представлены очерки зарождения этнографии в Омске, этнографическое описание народов Западной Сибири в трудах ученых Императорского РГО, работы омских ученых 1920 — начала 2000-х гг. (этнографическое, этносоциологическое и этноархеологическое изучение восточных славян, изучение современных этнических процессов, исследования народной культуры городского населения Сибири). В приложении содержатся перечень проведенных омскими учреждениями конгрессов, конференций и семинаров (1976—2006) по историко-этнографической тематике, основных публикаций омских этнографов (1978—2006), статьи, посвященные отдельным известным ученым и научным серийным изданиям ЭОНЦ (по археологии, этнографии, этноархеологии и культурологии), списки защищенных диссертаций, фотоиллюстрации.

Деятельности омских ученых посвящена монография М. А. Жигуновой «Этнографический Омский научный центр: история и современность» [39]. В ней выявлены основные источники и методы изучения академической повседневности и истории становления ЭОНЦ; охарактеризована история изучения омской этнографии и академической повседневности в отечественной науке второй половины XX — начала XXI в.; представлен процесс институционального оформления ЭОНЦ в хронологической ретроспективе; описаны основные школообразующие практики и организационные коммуникации омской этнографии, прослежена современная география выпускников омской этнографической школы; выделены основная проблематика, изученные народы, территориальные и хронологические рамки исследований; выявлены характерные черты представителей омской этнографии.

Всего учеными ЭОНЦ за 50 лет изучено около 50 народов Европы, России и Казахстана. Наибольшее количество кандидатских и докторских диссертаций посвящены сибирским татарам (32 %), немцам (20 %) и казахам (14 %), а также восточнославянским народам.

Важнейшей частью не только профессиональной подготовки этнографа, но и коммуникативной практикой, способствующей сближению всех членов этнографического сообщества, являются экспедиции. Родился даже своеобразный лозунг: «Мы ездим в экспедиции, чтоб изучать традиции, а также — инновации и даже — девиации». Наиболее активно экспедиционные исследования проводились в 1980-е гг., в двух-трех полевых сезонах (включая зимние каникулы), участвовали по 60-90 человек. Именно в экспедициях возникает и укрепляется «этнографическое братство и сестринство», поскольку совместно перенесенные испытания и приключения

сближают как ничто другое. Существовало и существует деление на собственно экспедиции и этнографические практики, которые в обязательном порядке проходили все студенты исторического факультета ОмГУ, специализирующиеся по этнографии, а с 2000-е гг. — по музееведению и антропологии.

Накануне проведения экспедиций обязательно устраивались своеобразные учения. В разные годы они имели различный масштаб, но, кроме обязательной сдачи экзамена по технике безопасности, включавшем вопросы ориентирования на местности, оказания первой медицинской помощи и др., проводился ликбез по психологии общения с информатором, методике сбора материалов, специфике культурно-бытовых традиций конкретных народов. На организационных собраниях перед выездом в поле все участники экспедиции под диктовку заполняли первый лист своей полевой описи (общая тетрадь из 48 листов): ФИО сотрудника или студента (практиканта), название экспедиции и отряда, год и конкретный район проведения работ, а также подпись «Нашедшего эту тетрадь просьба выслать по адресу: 644077, г. Омск-77, пр. Мира, 55-а, университет, музей археологии и этнографии». Всем участникам экспедиции выдавался список предметов, которые необходимо взять с собой (конкретные виды одежды и обуви, канцелярские и гигиенические принадлежности и др.), спальные мешки, распечатанные тематические вопросники по различным темам и опросные листы для сбора конкретной информации, банки с тушенкой и сгущенкой (на 1 человека в день — 1 банка тушенки и половина банки сгущенки).

Пищу в экспедиции обычно готовили поочередно по графику дежурства по кухне. В зависимости от условий проживания, готовили на костре, электрической плитке, газовой плите и даже — в русской печи. Бывали случаи, когда варили макароны в металлическом ведре при помощи кипятильника. Посуду мыли по очереди на всю экспедицию (весь отряд) или каждый самостоятельно за себя в реке, озере, под струей водонапорной колонки или в ведре, тазу. Железную чашку и ложку, эмалированную кружку каждый брал с собой из дома. В пищу использовались собранные в лесу грибы и ягоды, периодически питались у информаторов или в школьных и общественных столовых.

Главным праздником для сотрудников учреждений ЭОНЦ является День этнографа, который отмечается 17 июля, в день рождения Николая Николаевича Миклухо-Маклая. По свидетельствам многих историков, впервые профессиональный праздник этнографы стали отмечать в 1970-е гг. по инициативе первого заведующего кафедрой этнографии и антропологии Ленинградского государственного университета, директора ленинградской части Института этнографии АН СССР (1982—1990) Р. Ф. Итса. В экспедициях ЭОНЦ в этот день прекращались все работы и отдельные экспедиционные отряды собирались вместе. Основные силы были сконцентрированы на подготовке праздника, обязательными атрибутами которого являлись праздничные угощения и наряды. В большинстве случаев на ужин готовили мясную тушенку с вареной картошкой (а не с надоевшими всем макаронами) и праздничный торт. Если не получалось его традиционно испечь, то стряпали из кусочков печенья и вареной сгущенки, украшая конфетами, мармеладом, ягодами и т. д. В этот праздник полагалось надевать нарядную одежду, женщины — участники экспедиции переодевались из джинсов и спортивных штанов в юбки и кофты, платья и сарафаны.

Существенный вклад в формирование общей исторической памяти, обмен профессиональными навыками и знаниями вносят различные приватные совместные практики. Омскими этнографами изначально отмечались и отмечаются совместно все важнейшие события и юбилейные даты не только отдельных учреждений и их структурных подразделений, но и личной жизни (дни рождения, свадьбы, рождение детей и внуков, успешная

сдача вступительных экзаменов в аспирантуру/докторантуру, кандидатского минимума, защита кандидатской или докторской диссертации, присуждение ученой степени, презентация новых изданий и др.). Не остаются в стороне ученые ЭОНЦ и когда уходят из жизни коллеги и преподаватели. Как правило, прощание происходит в стенах учебного корпуса ОмГУ или в университетском храме Святой мученицы Татьяны.

Рассмотрев историю становления академического этнографического центра в Омске через призму антропологического подхода, можно выделить основные этапы его истории. Первый период (1974—1984), начавшийся с открытия Омского государственного университета и активной деятельности в нем Н. А. Томилова, — период зарождения омской академической этнографии. Второй период (1985—1993) связан с основным институциональным оформлением ЭОНЦ и появлением в Омске специализированных этнографических учреждений — кафедры этнографии, историографии и источниковедения истории СССР в ОмГУ (1985), Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии СО РАН (1991), Сибирского филиала Российского института культурологии (1993). Третий период (1994—2023) — период активной научно-исследовательской, научно-организационной, публикационной, просветительской и общественной деятельности омских этнографов, массовых защит кандидатских и докторских диссертаций, вхождения в элиту отечественной этнографической науки. Свидетельством этому является участие омских ученых в организации и проведении конгрессов этнографов и антропологов России (1995—2023). Вероятнее всего, структурные изменения в ОмГУ 2023 г. могут свидетельствовать о начале нового периода в истории ЭОНЦ.

Список источников

1. Головнёв А. В. Этнография в российской академической традиции // *Этнография*. 2018. № 1. С. 6—39.
2. Соколовский С. В. Российская антропология: современная проблематика и дистанционное устройство // *Этнометодология: проблемы, подходы, концепции*. Вып. 19. М.: Наследие ММК, 2015. С. 131—169.
3. Тишков В. А. Российская этнология: статус дисциплины, состояние теории, направления и результаты исследований // *Этнографическое обозрение*. 2003. № 5. С. 3—23.
4. Антропология академической жизни: адаптационные процессы и адаптивные стратегии / отв. ред. Г. А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2008. 300 с.
5. Антропология академической жизни: междисциплинарные исследования. Т. II. / отв. ред. Г. А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2010. 333 с.
6. Антропология академической жизни: традиции и инновации / отв. ред. Г. А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2013. 380 с.
7. Комарова Г. А. Антропология академической жизни: опыт интеграции наук // *Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии*. М.: ИЭА РАН, 2016. С. 224—246.
8. Щеглова Т. К. Николай Аркадьевич Томилов и его научная школа в контексте развития отечественной этнографии в советский и постсоветский период: вклад в полевые исследования истории и культуры народов Алтая и Верхнего Приобья // *Культура и взаимодействие народов в музейных, научных и образовательных процессах — важнейшие факторы стабильного развития стран Евразии: сб. науч. тр.: в 2 ч.* / отв. ред. М. Л. Бережнова, А. А. Ильина, С. Н. Корусенко. Омск: Наука, 2021. Ч. 1. С. 39—47.
9. Корзун В. П. Изменения институционального ландшафта исторической науки в 1990—2000-е гг.: омский вариант // *Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки*. 2017. № 4. С. 294—301.
10. Корзун В. П., Мягков Г. П. Научные школы в российской исторической науке: опыт историографического осмысления последних десятилетий // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2013. Vol. 6. P. 158—201.
11. Университет в истории и история университета: к 40-летию Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского / отв. ред. В. П. Корзун. Омск: Наука, 2014. 380 с.
12. Ахметова Ш. К., Захарова И. В., Патрушева Г. М. Культура народов и национальных групп Сибири и Казахстана в коллекциях Музея археологии и этнографии Омского государствен-

- ного университета / отв. ред. Н. А. Томилов, Г. М. Патрушева. Новосибирск : Наука, 2006. 192 с. (Культура народов мира в этнографических собраниях российских музеев).
13. Тихомирова М. Н., Блинова А. Н. Этнографические материалы в архиве Музея археологии и этнографии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского / отв. ред. Н. А. Томилов, М. А. Корусенко. Омск : Наука, 2015. 384 с.
 14. Академическая наука в Омске: этапы становления: каталог фотовыставки / [авт.-сост. А. Н. Блинова и др.]. Омск : Омский фил. Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2012. 78 с.
 15. Ахунова Э. Р., Межевикин И. В., Томилов Н. А. Издания научно-исследовательских учреждений Омска по истории и культуре народов Сибири // Народная культура Сибири : материалы XXII науч.-практ. семинара Сибирского регионального вузовского центра по фольклору. Омск : Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2014. С. 23—31.
 16. Томилов Н. А. Взаимодействие историков и этнографов в изучении народов Сибири (из опыта Омского научного центра) // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение) : сб. науч. тр. / под ред. Т. К. Щегловой (отв. ред.), М. А. Демина, Н. С. Грибановой, Н. Н. Головченко. Барнаул : АлтГПУ, 2022. Вып. 17. С. 48—53.
 17. Томилов Н. А., Ахунова Э. Р. Интеграционные процессы в гуманитарных исследованиях российских ученых в последней четверти XX — начале XXI в. (омский опыт) // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2015. № 4. С. 119—125.
 18. Исторический ежегодник. Спец. выпуск: посвящается 60-летию профессора Николая Аркадьевича Томилова / под. ред. М. А. Бережновой, А. В. Якуба. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2001. 260 с.
 19. Томилов Николай Аркадьевич: к 60-летию со дня рождения и 40-летию научной деятельности ученого и педагога / отв. ред. М. Е. Бударин, А. В. Ремнёв. Омск : Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2001. 126 с.
 20. Этнограф, культуролог, историк...: к 70-летию профессора Николая Аркадьевича Томилова / сост. С. Н. Корусенко ; отв. ред. А. П. Деревянко, К. Э. Разлогов, В. И. Струнин. Омск : Наука, 2011. 438 с.
 21. Томилов Н. А. 60 лет в научном сообществе: гуманитарные исследования, российские ученые и их окружение (вторая половина XX — первые десятилетия XXI века) : в 2 т. / отв. ред. А. П. Деревянко, В. П. Корзун, С. Н. Корусенко. Омск : Наука, 2020. Т. 1. 444 с. ; 2021. Т. 2, ч. 1. 538 с. ; 2022. Т. 2, ч. 2. 288 с.
 22. Корусенко С. Н. Голоса учеников: к 80-летию со дня рождения Николая Аркадьевича Томилова // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2021. Т. 8, № 3 (31). С. 222—230.
 23. Блинова А. Н., Корусенко С. А., Томилов Н. А. И все-таки этнография... К юбилею Татьяны Борисовны Смирновой // Вестник Ом. ун-та. Сер.: Исторические науки. 2018. № 2 (18). С. 17—23.
 24. Блинова А. Н., Томилов Н. А. Михаил Андреевич Корусенко: универсальность его гуманитарных исследований и организационная деятельность: к 55-летию со дня рождения // Вестник Ом. ун-та. Сер.: Исторические науки. 2021. № 4 (32). С. 264—276.
 25. Вибе П. П., Ахунова Э. Р., Назарцева Т. М. Николай Аркадьевич Томилов: к 75-летию со дня рождения // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2016. № 20. С. 333—337.
 26. Вибе П. П., Томилов Н. А. Марина Александровна Жигунова: к 55-летию со дня рождения и 35-летию научной деятельности // Известия Омского государственного историко-краеведческого музея. 2020. № 23. С. 215—219.
 27. Жигунова М. А., Корусенко С. Н., Томилов Н. А. Человек движения: к 60-летию Андрея Владимировича Головнёва // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2018. № 2 (18). С. 36—46.
 28. Ильина А. А., Томилов Н. А. И этнограф, и историк, и историограф, и этноархеолог, и... (к юбилею Светланы Николаевны Корусенко) // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2021. № 1 (29). С. 133—144.
 29. Патрушева Г. М., Томилов Н. А. Поздравляем Ирину Витальевну Захарову с 80-летним юбилеем! // Культурологические исследования в Сибири. 2004. № 1 (12). С. 9—13.
 30. Томилов Н. А. И этнограф, и историк, и демограф, и музеевед, и... (к 60-летию Дмитрия Георгиевича Коровушкина) // Вестник Омского университета. Сер.: Исторические науки. 2024. Т. 11, № 1 (41). С. 163—169.
 31. Фёдоров Р. Ю., Фурсова Е. Ф. Этнография, родившаяся и творящая в Сибири // Традиции и современность. 2024. № 2. С. 43—55.
 32. Бережнова М. Л., Корусенко С. Н. Тридцать лет вместе: к юбилею кафедры этнографии // Культурологические исследования в Сибири. 2015. № 1. С. 31—36.

33. Корусенко С. Н. Омский филиал Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук: к 25-летию. Омск : Наука ; Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. 28 с.
34. Корусенко С. Н., Смирнова Т. Б., Томилов Н. А. Омскому этнографическому научному центру 35 лет // Вестник Омского университета. 2011. № 1. С. 266—269.
35. Вопросники и программы по этноархеологии и этнографии для участников археологических и этнографических экспедиций и студенческих практик : учеб.-метод. пособие / отв. ред. С. Ф. Татауров, Н. А. Томилов. Омск : Ом. гос. ун-т, 2002. 200 с.
36. Коровушкин Д. Г., Лоткин И. В., Смирнова Т. Б. Неславянские этнодисперсные группы в Западной Сибири: история изучения // Исторический ежегодник. Спец. выпуск: посвящается 60-летию профессора Николая Аркадьевича Томилова. Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2001. С. 119—135.
37. Смирнова Т. Б. Этнографические экспедиции к немцам Сибири и Казахстана // Вестник Российского фонда фундаментальных исследований. Гуманитарные и общественные науки. 2022. № 4 (111). С. 105—117.
38. Захарова И. В., Томилов Н. А. Этнографические научные центры Западной Сибири середины XIX — начала XXI века. Омский этнографический центр / отв. ред. В. П. Корзун, В. И. Матющенко. Омск : Наука ; Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2007. 400 с.
39. Жигунова М. А. Этнографический Омский научный центр: история и современность : моногр. / отв. ред. В. П. Корзун ; Мин-во науки и высшего образования Рос. Федерации ; Рос. Академия наук, Сиб. отд-ние, Ин-т археологии и этнографии. Новосибирск : Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2024. 184 с.

References

1. Golovnev A.V. Etnografiya v rossiyskoy akademicheskoy traditsii [Ethnography in the Russian academic tradition], *Etnografiya [Ethnography]*, 2018, no. 1, pp. 6-39.
2. Sokolovskiy S.V. Rossiyskaya antropologiya: sovremennaya problematika i distantsionnoe ustroystvo [Russian Anthropology: Contemporary Problematics and Distant Structure], *Etnometodologiya: problemy, podkhody, kontseptsii [Ethnomethodology: Problems, Approaches, Concepts. Vol. 19]*, issue. 19. Moscow, Nasledie MMK, 2015, pp. 131-169.
3. Tishkov V.A. Rossiyskaya etnologiya: status distsipliny, sostoyanie teorii, napravleniya i rezul'taty issledovaniy [Russian Ethnology: Status of the Discipline, State of Theory, Directions and Results of Research], *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]*, 2003, no. 5, pp. 3-23.
4. Komarova G.A. (ed.) Antropologiya akademicheskoy zhizni: adaptatsionnye protsessy i adaptivnye strategii [Anthropology of Academic Life: Adaptive Processes and Adaptive Strategies]. Moscow, IEA RAN, 2008, 300 p.
5. Komarova G.A. (ed.) Antropologiya akademicheskoy zhizni: mezhdistsiplinarnye issledovaniya [Anthropology of Academic Life: Interdisciplinary Studies], vol. II. Moscow, IEA RAN, 2010, 333 p.
6. Komarova G.A. (ed.) Antropologiya akademicheskoy zhizni: traditsii i innovatsii [Anthropology of Academic Life: Traditions and Innovations]. Moscow, IEA RAN, 2013, 380 p.
7. Komarova G.A. Antropologiya akademicheskoy zhizni: opyt integratsii nauk [Anthropology of Academic Life: an Experience of Integrating the Sciences], *Fenomen mezhdistsiplinarnosti v otechestvennoy etnologii [The Phenomenon of Interdisciplinarity in Russian Ethnology]*. Moscow, IEA RAN, 2016, pp. 224-246.
8. Shcheglova T.K. Nikolay Arkad'evich Tomilov i ego nauchnaya shkola v kontekste razvitiya otechestvennoy etnografii v sovetskiy i postsovetskiy period: vklad v polevye issledovaniya istorii i kul'tury narodov Altaya i Verkhnego Priob'ya [Nikolai Arkadyevich Tomilov and his scientific school in the context of the development of national ethnography in the Soviet and post-Soviet period: contribution to field studies of the history and culture of the peoples of Altai and Upper Priob'ye], *Kul'tura i vzaimodeystvie narodov v muzeynykh, nauchnykh i obrazovatel'nykh protsessakh - vazhnyye faktory stabil'nogo razvitiya stran Evrazii [Culture and Interaction of Peoples in Museum, Scientific and Educational Processes - the Most Important Factors of Stable Development of Eurasian Countries]*, sb. nauch. tr. in 2 parts. Omsk, Nauka, 2021, part 1, pp. 39-47.
9. Korzun V.P. Izmeneniya institutsional'nogo landshafta istoricheskoy nauki v 1990-2000-e gg.: omskiy variant [Changes in the Institutional Landscape of Historical Science in the 1990-2000s: the Omsk Variant], *Vestnik Omskogo universiteta. Ser.: Istoricheskie nauki [Bulletin of Omsk University. Ser.: History]*, 2017, no. 4, pp. 294-301.
10. Korzun V.P., Myagkov G.P. Nauchnye shkoly v rossiyskoy istoricheskoy nauke: opyt istoriograficheskogo osmysleniya poslednikh desyatiletii [Scientific Schools in Russian History: the Experience of Historiographical Comprehension of the Last Decades], *Journal of Modern Russian History and Historiography* [, 2013, vol. 6, pp. 158-201.

11. Korzun V.P. (ed.) *Universitet v istorii i istoriya universiteta: k 40-letiyu Omskogo gosudarstvennogo universiteta imeni F.M. Dostoevskogo* [University in History and University History: Toward the 40th Anniversary of F.M. Dostoevsky Omsk State University]. Omsk, Nauka, 2014, 380 p.
12. Akhmetova Sh.K., Zakharova I.V., Patrusheva G.M. *Kul'tura narodov i natsional'nykh grupp Sibiri i Kazakhstana v kollektsiyakh Muzeya arkheologii i etnografii Omskogo gosudarstvennogo universiteta* [Culture of Peoples and National Groups of Siberia and Kazakhstan in the Collections of the Museum of Archaeology and Ethnography of Omsk State University]. Novosibirsk, Nauka, 2006, 192 p. (Kul'tura narodov mira v etnograficheskikh sobraniyakh rossiyskikh muzeev).
13. Tikhomirova M.N., Blinova A.N. *Etnograficheskie materialy v arkhive Muzeya arkheologii i etnografii Omskogo gosudarstvennogo universiteta imeni F.M. Dostoevskogo* [Ethnographic Materials in the Archive of the Museum of Archaeology and Ethnography of the F.M. Dostoevsky Omsk State University]. Omsk, Nauka, 2015, 384 p.
14. Blinova A.N. (ed.) *Akademicheskaya nauka v Omske: etapy stanovleniya: katalog fotovystavki* [Academic Science in Omsk: Stages of Development: Catalog of the Photo Exhibition]. Omsk, Omskiy fil. In-ta arkheologii i etnografii SO RAN, 2012, 78 p.
15. Akhunova E.R., Mezhevikin I.V., Tomilov N.A. *Izdaniya nauchno-issledovatel'skikh uchrezhdeniy Omska po istorii i kul'ture narodov Sibiri* [Publications of Omsk Research Institutions on the History and Culture of the Peoples of Siberia], *Narodnaya kul'tura Sibiri* [Folk Culture of Siberia], *materialy XXII nauch.-prakt. seminar Sibirskogo regional'nogo vuzovskogo tsentra po fol'kloru*. Omsk, Publ. Om. gos. ped. un-ta, 2014, pp. 23-31.
16. Tomilov N.A. *Vzaimodeystvie istorikov i etnografov v izuchenii narodov Sibiri (iz opyta Omskogo nauchnogo tsentra)* [Interaction Between Historians and Ethnographers in the Study of the Peoples of Siberia (from the Experience of the Omsk Scientific Center)], *Polevye issledovaniya v Verkhnem Priob'e, Priirtysh'e i na Altae (arkheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya i muzevedenie)* [Field Research in the Upper Priobye, Priirtyshye and Altai (Archaeology, Ethnography, Oral history and Museology)], *sb. nauch. tr. Barnaul, AltGPU*, 2022, issue 17, pp. 48-53.
17. Tomilov N.A., Akhunova E.R. *Integratsionnye protsessy v gumanitarnykh issledovaniyakh rossiyskikh uchenykh v posledney chetverti XX — nachale XXI v. (omskiy opyt)* [Integration Processes in Humanities of Russian Scientists in the Last Quarter of XX - Beginning of XXI Century (Omsk Experience)], *Vestnik Omskogo universiteta. Ser.: Istoricheskie nauki* [Vestnik of Omsk University. Ser.: History], 2015, no. 4, pp. 119-125.
18. Berezhnovoy M.A., Yakuba A.V. (eds.) *Istoricheskiy ezhegodnik. Spets. vypusk: posvyashchaetsya 60-letiyu professora Nikolaya Arkad'evicha Tomilova* [Historical Yearbook. Special issue: dedicated to the 60th Anniversary of Professor Nikolai Arkadyevich Tomilov]. Omsk, Publ. Om. gos. un-ta, 2001, 260 p.
19. Budarin M.E., Remnev A.V. *Tomilov Nikolay Arkad'evich: k 60-letiyu so dnya rozhdeniya i 40-letiyu nauchnoy deyatel'nosti uchenogo i pedagoga* [Nikolay Arkadyevich Tomilov: to the 60th Anniversary of his Birth and 40th Anniversary of Academic Activity of the Scholar and Teacher]. Omsk, Publ. Om. gos. ped. un-ta, 2001, 126 p.
20. Korusenko S.N., Derevyanko A.P., Razlogov K.E., Strunin V.I. (eds.) *Etnograf, kul'turolog, istorik... k 70-letiyu professora Nikolaya Arkad'evicha Tomilova* [Ethnographer, Culturologist, Historian... to the 70th Anniversary of Prof. Nikolai Arkadyevich Tomilov]. Omsk, Nauka, 2011, 438 p.
21. Tomilov N.A. *60 let v nauchnom soobshchestve: gumanitarnye issledovaniya, rossiyskie uchenye i ikh okruzhenie (vtoraya polovina XX - pervye desyatiletiya XXI veka)* [60 years in the Academic Community: Humanity Research, Russian Scholars and their Environment (second half of XX - first decades of XXI century)], in 2 vol. Omsk, Nauka, 2020, vol. 1, 444 p., 2021, vol. 2, part 1, 538 p., 2022, vol. 2, part 2, 288 p.
22. Korusenko S.N. *Golosa uchениkov: k 80-letiyu so dnya rozhdeniya Nikolaya Arkad'evicha Tomilova* [Voices of Pupils: to the 80th Anniversary of Nikolai Arkadyevich Tomilov], *Vestnik Omskogo universiteta, ser.: Istoricheskie nauki* [Vestnik of Omsk University. Ser.: History], 2021, vol. 8, no. 3 (31), pp. 222-230.
23. Blinova A.N., Korusenko S.A., Tomilov N.A. *I vse-taki etnografiya... K yubileyu Tat'yany Borisovny Smirnovoy* [And still Ethnography... To the Anniversary of Tatyana Borisovna Smirnova], *Vestnik Omskogo universiteta, ser.: Istoricheskie nauki* [Vestnik of Omsk University. Ser.: History], 2018, no. 2 (18), pp. 17-23.
24. Blinova A.N., Tomilov N.A. *Mikhail Andreevich Korusenko: universal'nost' ego gumanitarnykh issledovaniy i organizatsionnaya deyatel'nost': k 55-letiyu so dnya rozhdeniya* [Mikhail Andreyevich Korusenko: the Universality of his Research and Organizational Activities: to the 55th Anniversary of his Birth], *Vestnik Omskogo universiteta, ser.: Istoricheskie nauki* [Vestnik of Omsk University. Ser.: History], 2021, no. 4 (32), pp. 264-276.
25. Vibe P.P., Akhunova E.R., Nazartseva T.M. *Nikolay Arkad'evich Tomilov: k 75-letiyu so dnya rozhdeniya* [Nikolai Arkadyevich Tomilov: 75th Anniversary of his Birth], *Izvestiya Omskogo*

- gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya [Proceedings of the Omsk State Museum of History and Regional Studies]*, 2016, no. 20, pp. 333-337.
26. Vibe P.P., Tomilov N.A. Marina Aleksandrovna Zhigunova: k 55-letiyu so dnya rozhdeniya i 35-letiyu nauchnoy deyatel'nosti [Marina Alexandrovna Zhigunova: to the 55th Anniversary of her Birth and 35th Anniversary of her Academic Activity], *Izvestiya Omskogo gosudarstvennogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya [Proceedings of the Omsk State Museum of History and Regional Studies]*, 2020, no. 23, pp. 215-219.
27. Zhigunova M.A., Korusenko S.N., Tomilov N.A. Chelovek dvizheniya: k 60-letiyu Andrey a Vladimirovicha Golovneva [A Man of Movement: to the 60th Anniversary of Andrei Vladimirovich Golovnev], *Vestnik Omskogo universiteta. Ser.: Istoricheskie nauki [Vestnik of Omsk University. Ser.: History]*, 2018, no. 2 (18), 36-46.
28. Il'ina A.A., Tomilov N.A. I etnograf, i istorik, i istoriograf, i etnoarkheolog, i... (k yubileyu Svetlany Nikolaevny Korusenko) [Ethnographer, and Historian, and Historiographer, and Ethnoarchaeologist, and... (to the Anniversary of Svetlana Nikolaevna Korusenko)], *Vestnik Omskogo universiteta. Ser.: Istoricheskie nauki [Vestnik of Omsk University. Ser.: History]*, 2021, no. 1 (29), pp. 133-144.
29. Patrusheva G.M., Tomilov N.A. Pozdravlyаем Irinu Vital'evnu Zakharovu s 80-letnim yubileem! [Congratulations to Irina Vitalievna Zakharova on her 80th birthday!], *Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri [Cultural studies in Siberia]*, 2004, no. 1 (12), pp. 9-13.
30. Tomilov N.A. I etnograf, i istorik, i demograf, i muzeved, i... (k 60-letiyu Dmitriya Georgievicha Korovushkina) [Ethnographer, and Historian, and Demographer, and Museologist, and... (to the 60th Anniversary of Dmitry Korovushkin)], *Vestnik Omskogo universiteta. Ser.: Istoricheskie nauki [Vestnik of Omsk University. Ser.: History]*, 2024, vol. 11, no. 1 (41), pp. 163-169.
31. Fedorov R.Yu., Fursova E.F. Etnografinya, rodivshayasya i tvoryashchaya v Sibiri [Ethnographer, Born and Working in Siberia], *Traditsii i sovremennost' [Tradition and Modernity]*, 2024, no. 2, pp. 43-55.
32. Berezhnova M.L., Korusenko S.N. Tridsat' let vmeste: k yubileyu kafedry etnografii [Thirty Years Together: To the Anniversary of the Department of Ethnography], *Kul'turologicheskie issledovaniya v Sibiri [Cultural Studies in Siberia]*, 2015, no. 1, pp. 31-36.
33. Korusenko S.N. Omskiy filial Instituta arkhologii i etnografii Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk: k 25-letiyu [Omsk Branch of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences: 25th Anniversary]. Omsk, Nauka, Novosibirsk, Publ. IAET SORAN, 2016, 28 p.
34. Korusenko S.N., Smirnova T.B., Tomilov N.A. Omskomu etnograficheskomu nauchnomu tsentru 35 let [Omsk Ethnographic Research Center is 35 years old], *Vestnik Omskogo universiteta [Vestnik of Omsk University. Ser.: History]*, 2011, no. 1, pp. 266-269.
35. Tataurov S.F., Tomilov N.A. (eds.) Voprosniki i programmy po etnoarkheologii i etnografii dlya uchastnikov arkhologicheskikh i etnograficheskikh ekspeditsiy i studencheskikh praktik [Questionnaires and Programs on Ethnoarchaeology and Ethnography for Participants of Archaeological and Ethnographic Expeditions and Student Internships], *ucheb.-metod. posobie. Omsk, Om. gos. un-t, 2002, 200 p.*
36. Korovushkin D.G., Lotkin I.V., Smirnova T.B. Neslavyanskije etnodispersnye gruppy v Zapadnoy Sibiri: istoriya izucheniya [Non-Slavic Ethno-Dispersed Groups in Western Siberia: History of Study], *Istoricheskiy ezhegodnik. Spets. vypusk: posvyashchaetsya 60-letiyu professora Nikolaya Arkad'evicha Tomilova [Historical Yearbook. Special issue: dedicated to the 60th Anniversary of Professor Nikolai Arkadyevich Tomilov]*. Omsk, Publ. Om. gos. un-ta, 2001, pp. 119-135.
37. Smirnova T.B. Etnograficheskie ekspeditsii k nemtsam Sibiri i Kazakhstana [Ethnographic Expeditions to the Germans of Siberia and Kazakhstan], *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamental'nykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki [Bulletin of the Russian Foundation for Basic Research. Humanities and Social Sciences]*, 2022, no. 4 (111), pp. 105-117.
38. Zakharova I.V., Tomilov N.A. Etnograficheskie nauchnye tsentry Zapadnoy Sibiri serediny XIX - nachala XXI veka. Omskiy etnograficheskiy tsentr [Ethnographic Scientific Centers of Western Siberia in the mid XIX - early XXI century. Omsk Ethnographic Center]. Omsk, Nauka, Publ. Om. gos. ped. un-ta, 2007, 400 p.
39. Zhigunova M.A. Etnograficheskiy Omskiy nauchnyy tsentr: istoriya i sovremennost' [Ethnographic Omsk Scientific Center: History and Modernity], monogr. Novosibirsk, Publ. IAET SO RAN, 2024, 184 p.

Информация об авторе

Жигунова Марина Александровна — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН, Омск, Российская Федерация. E-mail: marizh.omsk@mail.ru

Information about the author

Marina A. Zhigunova — Candidate of Historical Science, Associate Professor, Senior Researcher, Omsk Laboratory of Archaeology, Ethnography and Museology, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Omsk, Russian Federation. E-mail: ma-rizh.omsk@mail.ru

Статья поступила в редакцию 14.09.2024; одобрена после рецензирования 17.10.2024; принята к публикации 28.10.2024.

The article was submitted 14.09.2024; approved after reviewing 17.10.2024; accepted for publication 28.10.2024.

ОБРАЗОВАНИЕ И ВОСПИТАНИЕ EDUCATION AND UPBRINGING

Сибирь гуманитарная. 2024. № 4. С. 107—115.
Siberia Humanitarian. 2024;(4):107—115.

Образование и воспитание

Научная статья
УДК 376.018.324(571.14)"1940/1950"
<https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-4-107-115>

Повседневность воспитанников детских домов Новосибирской области в военное и послевоенное время

Валентин Сергеевич Антоненко

Новосибирское высшее военное командное ордена Жукова училище, Новосибирск, Российская Федерация, antonenkovalentin@mail.com

Аннотация. Накопленный советским государством опыт социального призрения сирот, беспризорных, безнадзорных детей и подростков имеет научный и практический интерес для организации деятельности государственных, а также общественных социальных институтов современной России, способствует выявлению определенных тенденций и закономерностей на уровне отдельных субъектов Российской Федерации в процессе становления и функционирования как государственных, так и общественных организаций, занимающихся решением указанной проблемы.

Автор анализирует материальное, бытовое состояние детских домов в Новосибирской области в 1940-х — начале 1950-х гг. Особое внимание обращено на принимаемые местными органами власти и партийными органами меры для решения бытовых, материальных, продовольственных, вещевых и санитарных проблем детских домов. Автор утверждает, что на протяжении всех военных и послевоенных лет ситуация с поддержкой детских домов и предоставлением им всего необходимого была очень сложной ввиду социально-экономической обстановки в стране. В Новосибирской области проблемы обеспеченности детского населения были в числе приоритетных и не сходили с повестки дня как партийных органов, так и областных органов власти, а вопросы снабжения детских домов оставались актуальными на протяжении всего послевоенного двадцатилетия. Тем не менее, несмотря на военные и послевоенные трудности, со многими задачами удалось успешно справиться. Исследования проводились на основе источников Государственного архива Новосибирской области.

Ключевые слова: несовершеннолетние, детские дома, беспризорные и безнадзорные дети, социально-бытовые вопросы, повседневность, воспитанники детских домов, жилищно-бытовые условия, дети и подростки, Великая Отечественная война, Новосибирская область

Для цитирования: Антоненко В. С. Повседневность воспитанников детских домов Новосибирской области в военное и послевоенное время // Сибирь гуманитарная. 2024. № 4. С. 107—115. <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-4-107-115>

Daily Life of Orphanage Inmates in the Novosibirsk Region during the War and Post-War Years

Valentin S. Antonenko

Novosibirsk Higher Military Command School of the Order of Zhukov, Novosibirsk, Russian Federation, antonenkovalentin@mail.com

Abstract. The experience of social welfare of orphans, neglected, abandoned children and adolescents accumulated by the Soviet state is of scientific and practical interest for the activities carried by state and public social institutions in modern Russia. It contributes to the identification of certain trends and regularities at the level of individual constituent entities of the Russian Federation in the process of developing and functioning of both state and public organizations involved in solving this problem.

The article analyzes the provision and living conditions of orphanages in the Novosibirsk region in the 1940s - early 1950s. Particularly, it describes the measures taken by local authorities and party bodies to solve the domestic, material, food, clothing and sanitary problems of orphanages. The article argues that throughout the war and post-war years the situation with supporting orphanages and providing them with everything they needed was very difficult due to the social and economic situation in the country. In the Novosibirsk region, the problems of providing for the children were a priority and on the agenda of both party and regional authorities. Moreover, the issues of supplying orphanages remained topical throughout the entire post-war two decades. Nevertheless, despite the war and post-war difficulties, many tasks were successfully accomplished. The research used the sources of the State Archive of the Novosibirsk Region.

Keywords: minors, orphanages, homeless and neglected children, social and domestic issues, everyday life, children from orphanages, living conditions, children and teenagers, Great Patriotic War, Novosibirsk region

For citation: Antonenko V.S. Daily Life of Orphanage Inmates in the Novosibirsk Region during the War and Post-War Years. *Siberia Humanitarian*. 2024. № 4. С. 107—115. <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-4-107-115>

В советский и в постсоветский периоды было опубликовано большое количество работ, посвященных социальной политике Советского государства в отношении сирот, беспризорных, безнадзорных детей и подростков. В этой связи научный интерес представляют исследования А. А. Славко, в которых проведен комплексный анализ внутренней и внешней политики России в конце 1920-х — начале 1950-х гг., выявлена причина такого негативного социального явления, как безнадзорность и беспризорность несовершеннолетних. Автором также изучена деятельность государственных учреждений и общественных организаций по решению социально-бытовых проблем воспитанников различных детских учреждений [1].

Проблемам социальной защиты детей-сирот в годы Второй мировой войны посвящена диссертация И. А. Ложкиной [2]. Послевоенную действительность воспитанников детских домов охарактеризовала В. М. Коренюк [3 ; 4]. Рассматривая повседневность воспитанников детского дома, автор привела данные о рационе детей, осветила имевшиеся в детских учреждениях нарушения и факты хищения, влиявшие на организацию быта. Не остался без ее внимания вопрос о здоровье детей послевоенного времени, а также последствия перенесенных заболеваний. Ею было уделено внимание распорядку дня в детском доме, роли пионерской организации в жизни детского коллектива. М. Р. Зезина исследовала вопросы социальной защиты детей-сирот в послевоенные годы [5]. Общий анализ освещения дет-

ской повседневности в советской отечественной историографии был представлен К. К. Нуркиной [6].

Т. И. Дунбинская в ряде публикаций обратила внимание на вопросы снабжения западносибирских детских домов, организации местным руководством контроля над деятельностью всех детских учреждений, а также оказания помощи им общественностью [7].

Социально-бытовым проблемам в Западной Сибири посвящены исследования Н. М. Маркдорф, в частности охарактеризованы вопросы заболеваемости и смертности местного населения региона, проанализированы обеспеченность продуктами питания, одеждой и обувью, развитие подсобных хозяйств, дана характеристика состояния лечебного дела в целом по региону, а также в лагерях для военнопленных, интернированных, гражданского населения и иных категорий спецконтингента [8 ; 9]. На основе ранее не опубликованных архивных документов Н. М. Маркдорф представила историю пребывания в детских учреждениях (детские приемники-распределители, детдома) Кузбасса детей-сирот, исследовав вопросы их обучения в школах и других учебных заведениях, а также дальнейшего трудоустройства в годы Второй мировой войны и в послевоенное двадцатилетие [10 ; 11]. Н. М. Маркдорф, М. А. Маркдорф были проанализированы материальные, бытовые условия содержания воспитанников детских приемников-распределителей и детских домов Кузбасса, рассмотрены вопросы их физического состояния, обучения, формирования коммунистического мировоззрения, морали, а также трудоустройства выпускников детских домов, проблемы их снабжения жильем, одеждой и обувью. Уровень беспризорности и безнадзорности в послевоенные годы в стране был высок. В многонациональных коллективах детских домов содержались вывезенные ранее из блокадного Ленинграда сироты, дети репрессированных родителей, спецпоселенцев, погибших фронтовиков, а также дети, оставленные мобилизованными рабочими из многих краев и областей Советского Союза. Положение воспитанников детских учреждений Кузбасса определялось послевоенными трудностями страны [12 ; 13].

Особенности детской повседневности беспризорных и безнадзорных в условиях войны в Казахстане исследованы З. Г. Сактагановой, Ж. К. Абдукаримовой, А. А. Сальниковой [14]. Ж. К. Абдукаримова на примере Шокайской и Казалинской трудовых воспитательных колоний для несовершеннолетних освещает проблемы воспитательных учреждений для несовершеннолетних. Руководство не могло обеспечить воспитанникам удовлетворительных бытовых условий содержания, поскольку колонии открывались в чрезвычайной спешке [15].

Несмотря на наличие широкого спектра исследований по социально-бытовому обеспечению воспитанников детских домов и иных социально-воспитательных учреждений для несовершеннолетних, проблема детских домов Новосибирской области изучена не в полной мере. Этот пробел и призвана отчасти восполнить данная статья.

До начала Великой Отечественной войны в Советском Союзе существовала широкая сеть детских дошкольных и школьных учреждений, некоторые из них работали под надзором наркомата здравоохранения (детские дома, дома матери и ребенка, ясли и сады постоянного, сезонного и санаторно-курортного типа), другие же (в том числе и детские дома) находились под руководством наркомата просвещения [16, с. 46].

В годы войны в Новосибирскую область были эвакуированы многие детские дома. По решению Советского правительства основную работу по эвакуации и обустройству детей в восточных районах страны осуществлял Наркомат просвещения СССР, а на местах — наркоматы просвещения республик. Приказом наркомата просвещения РСФСР от 17 июля 1941 г.

управления по дошкольному воспитанию и управления по детским домам объединялись в управление детских домов и дошкольных учреждений.

В начале Великой Отечественной войны дети прибывали в Новосибирскую область вместе с родителями, родственниками, с эвакуированными детскими учебно-воспитательными учреждениями, индивидуально и группами. В соответствии с постановлением Оргбюро ЦК ВКП(б) от 22 августа 1941 г. ЦК компартий союзных республик, крайкомы, обкомы ВКП(б), Наркомпрос, Наркомздрав СССР обязаны были принять все необходимые меры для создания нормальных условий проживания эвакуированных детей на новых местах. Выполнение данного решения контролировал областной отдел партии, а также различные наркоматы и ведомства. Отдел школ проверял организацию жизни детей, подбор педагогических кадров. По данным Л. И. Снегиревой, Новосибирская область «с 3 июля 1941 г. по 1 марта 1942 г. приняла 42 992 детей. К весне поток детей начал спадать, но с мая-июня 1942 г. резко возрос и продолжался до конца 1942 г. За июнь-декабрь Новосибирский эвакуопункт принял 73 939 детей. С начала и до весны 1943 г. темп эвакуации вновь ослаб, но дети продолжали прибывать до глубокой осени 1943 г.» [17]. В 1943—1944 гг. в детские дома было принято 5 278 детей, в том числе из детских приемников НКВД — 1 404.

В Новосибирской области (до выделения Кемеровской области) было 106 детских домов. После разделения областей¹ в Новосибирской области осталось 63 детских дома, из них эвакуированных из Ленинграда — 12, из других краев и областей — 7. Общая численность детей и подростков в детских домах составила 7 614 человек, в том числе 1 590 детей из Ленинграда.

Учитывая высокий уровень беспризорности и безнадзорности в военные и в первые послевоенные годы, потребность в детских учреждениях была высока. Так, во втором полугодии 1947 г. в Новосибирской области открыли два новых детских дома (Вознесенский в Венгеровском районе и Лепокуровский в Андреевском районе) всего на 160 человек.

На 1 июля 1947 г. в детских домах из 6 642 воспитанников — круглых сирот числилось 5 051, полусирот — 1 591, детей до 6 лет — 498, от 7 до 14 лет — 5 118, от 14 лет и старше — 1 026. На 1 января 1948 г. в области действовал 81 детский дом, в которых было 6 642 воспитанника. К концу 1947 г. в Новосибирской области работали 63 школьных детских дома, 15 смешанных, специальных, дошкольных и санаторных — по одному. В 1940—1950-х гг. численность детских домов и количество воспитанников в них менялось. В начале 1950-х гг. ввиду большого числа беспризорных и безнадзорных детей значительного сокращения численности детских домов не произошло.

В военный и послевоенный периоды ситуация с материально-бытовым обеспечением детских домов Новосибирской области была очень сложной. Сказывались последствия Великой Отечественной войны: послевоенная разруха, катастрофические человеческие потери, отсутствие необходимых специалистов. Присутствовало и халатное отношение некоторых работников сферы образования и здравоохранения к должностным обязанностям. Комплекс этих проблем создавал сложные условия для воспитанников детских домов второй половины 1940-х — начала 1950-х гг.

Проблемы жизнеобеспечения воспитанников детских домов решались как на государственном уровне, так и на уровне местной власти. Выделялись бюджетные средства, однако их не хватало, и материально-бытовые условия в детских домах оставляли желать лучшего. Исходя из многочисленных отчетов, хранящихся в архивах, можно сделать вывод о недостаточном обеспечении детей топливом, бытовыми принадлежностями, одеждой, обувью, медикаментами, дезинфицирующими средствами в этот период.

¹ 26 января 1943 г. из состава Новосибирской области была выделена Кемеровская область.

Работа детских домов находилась под постоянным контролем государственных и партийных органов. Партийное руководство области неоднократно констатировало недостаточную обеспеченность детских учреждений. Нехватка помещений для проживания приводила к скученности проживания и, как следствие, невозможности обеспечить соответствие условий санитарно-гигиеническим нормам. Многие здания требовали ремонта, некоторые пришли в полную негодность. Не все воспитанники детских домов имели постельное и нательное белье.

Областной отдел народного образования постоянно проводил обследование детских домов, иногда выборочное, зачастую тотальное. В 1940—1950-х гг. обеспеченность детей и подростков в детских домах всем необходимым, особенно в зимних условиях, проверялась штатными и внештатными инспекторами отдела образования, ревизорами контрольно-ревизионного управления.

Результаты проверок обсуждались на бюро обкомов партии и облисполкомов. Отчитывались председатели городских и областных исполкомов, обсуждались принимаемые ими меры по улучшению материально-бытовой деятельности детских домов. Решения, иногда радикальные, следовали незамедлительно. Часто отчет и действительность различались существенно. Например, в соответствии с докладом заведующего облоно на всероссийском совещании по народному образованию в 1944 г. большинство новосибирских детских домов находились в удовлетворительном состоянии. На самом деле это было далеко не так. Это были голодные годы для большинства детей, находившихся в детских домах Новосибирской области. Но имели место и успехи в организации быта детей и подростков. Так, администрации детдомов № 9 (Томск) и № 15 (Новосибирск) за хорошую учебно-воспитательную работу с детьми были награждены почетными грамотами Наркомпроса.

Успеваемость воспитанников Бутринского детского дома Кировского района Новосибирска (115 человек) составляла 97,5 %. Труд детей в этом детском доме был хорошо организован: 30 га различных культур, посеянных в подсобном хозяйстве, позволили обеспечить их питанием в нелегкие для страны годы.

Коллектив Болотнинского детского дома № 2 (эвакуированный из Ленинграда в октябре 1942 г. и известный как «ленинградский»)¹ добился существенных успехов. Его первым директором стала выпускница ленинградского педагогического техникума Евгения Николаевна Лукашевич, которой на тот момент было около тридцати лет. Первоначально в Болотном было размещено 60 детей-ленинградцев, 20 июня 1942 г. проживало 90 воспитанников. В апреле 1944 г. в Болотнинском детском доме № 2 был 91 ребенок, в октябре того же года — 111. Благодаря хорошему уходу эвакуированные ленинградцы поправились, окрепли. Был установлен четкий распорядок дня для детей. Обслуживающий персонал работал не считаясь со временем. Несмотря на достижения, проблемы с обеспеченностью всем необходимым в этом детском учреждении имелись существенные. Так, в октябре 1944 г. детям приходилось спать по два-три человека на одной кровати, не хватало одежды и обуви, продуктов питания [18]. В докладной записке от 30 октября 1944 г. «О неудовлетворительном состоянии и работе детских домов в Новосибирской области» уполномоченный Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) по Новосибирской области Кузнецов пишет, что в Болотнинский и другие районные детдома завезли очень мало топлива, дети зимой продолжали жить, как и в предыдущем году, в холодных, нетопленных помещениях. Это учреждение за август не получило

¹ В Болотном в это же время находился Болотнинский детский дом № 1, возглавляемый директором Агрипиной Захаровной Барановой. В нем проживал 61 воспитанник.

положенных 75 килограммов мяса, а также масла, две тысячи штук яиц. На 111 детей имелось в наличии 50 зимних пальто для дошкольников, а школьники теплой одежды не имели совсем [19, л. 243].

Не подготовленным к зиме ввиду отсутствия дров стал Кожевниковский детский дом. Во всех помещениях было очень холодно, дети спали в верхней одежде. Райком партии, зная о таком положении, никакой помощи не оказывает. «Тягловой силы детский дом не имеет, осталось две чесоточных лошади из десяти. Остальные подошли от плохого ухода. Питание детей плохое. Бывают случаи, когда дети по суткам не получают даже хлеба. Можно видеть воспитанников, собирающих отбросы. Много больных детей. Но райздравотдел никаких мер не принимает» [20, л. 256].

Аналогичное состояние дел наблюдалось в Семилужковском детском доме Туганского района¹. Дети проживали скученно, питание было плохим. Отмечались массовый педикулез и антисанитария. Из-за перебоев в поставках хлеба дети не получали хлеба в декабре до 10 дней, а в январе — до 5 дней. Материалы по обеспеченности руководством детского дома были переданы в областную прокуратуру, но ответа не последовало.

В Каргате в тяжелых условиях, прежде всего из-за отсутствия достаточного количества топлива, проживали дети, эвакуированные из Ленинграда. Следствием нехватки мыла и дезинфицирующих средств стал педикулез и антисанитария.

В докладе областного отдела здравоохранения утверждалось, что питание детей в военные и первые послевоенные годы было крайне неудовлетворительное. Поставки выделяемых фондов задерживались. Так, в Асиновском районе в с. Ягодное ленинградский детский дом получил 30 кг сахара вместо положенных 200 кг. Были снижены нормы отпуска хлеба до 30 г (Зырянский, Ясинский, Кожевниковский районы) [21, л. 56].

Теплая одежда и обувь у большинства детей отсутствовали. В зимнее время не было ватных одеял, нательного и постельного белья. Крайне слабо было привлечено внимание общественности к потребностям детских домов. Шефство колхозов и совхозов организовано не было. К концу 1946 г. решение Новосибирского облисполкома от 10 октября 1942 г. № 2190 «Об обслуживании детских учреждений и подготовке их к зиме» практически не выполнялось, а облоно не обеспечил его выполнение.

Улучшить питание воспитанников помогли овощи, выращенные детскими организациями на приусадебных участках. Необходимо было не просто без потерь убрать урожай в подсобных хозяйствах, но и полностью сохранить его [22, л. 90—94]. В летнее время воспитанники ежедневно по четыре-шесть часов работали в мастерских и в подсобных хозяйствах (вспашка земли, вскапывание огородов, посадка, поливка, прополка овощей)².

С конца 1940-х гг. для засева полей детские дома стали получать помощь от колхозов и совхозов (лошади, тракторы, семена). Доходы от ведения хозяйства позволяли приобретать необходимые предметы, на которые областные бюджетные средства не выделялись. К 1953 г. воспитанники стали получать питание три раза в день при норме калорийности 1 800—2 000 ккал. В летний оздоровительный период старались организовывать четырехразовое питание. При составлении меню учитывали пожелания и вкусы детей.

В период 1947 — начало 1949 г. в Новосибирской области в очередной раз прошла проверка 44 детских домов, которую проводили бригады Совета министров с участием инспекторов областного отдела народного образования. В результате проверки были заменены директора 12 детских домов, из них два привлечены к уголовной ответственности. С июля 1947 по

¹ Административная единица, существовавшая на территории нынешней Томской области.

² Перед администрацией детдомов в 1942 г. была поставлена задача создания своей собственной продовольственной базы для обеспечения воспитанников свежими овощами, крупой и другими продуктами питания.

1948 г. было организовано еще 35 ревизий. В этот период вопросы исполнения рекомендаций областного совета народного образования, касающиеся состояния детских домов, обсуждались на различного рода совещаниях шесть раз, на областной комиссии по устройству детей, оставшихся без родителей, — три раза. В конце 1947 г. по итогам обследования детских учреждений было проведено областное совещание директоров детских домов, на котором присутствовали 56 руководителей, 20 заведующих учебной частью, 32 воспитателя, 12 инспекторов района и 9 заведующих районными отделами народного образования [23, л. 2]. В частности, на совещании администрациям детских домов для устранения недостатка овощей было предложено обратить внимание на создание собственной продовольственной базы, развивать подсобные хозяйства, а также шире обращаться за помощью к шефствующим предприятиям, к колхозам и совхозам области. Кроме того, констатировали, что работа детских домов, их снабжение будет находиться под постоянным вниманием руководства области в целях исключения случаев сокрытия недостатков, выявленных в отдельных районах области.

Наличие серьезных недостатков в работе детских домов послужило причиной принятия постановления Совета Министров Союза ССР от 26 ноября 1951 г. № 4857 «О мероприятиях по дальнейшему улучшению работы детских домов и усилению контроля за их учебно-воспитательной и финансово-хозяйственной деятельностью» [24, л. 32—33 об.]. В постановлении предлагалось усилить финансово-хозяйственный контроль, проводить ревизии и инспекторские проверки не менее двух раз в год в каждом детском доме с предоставлением строгой отчетности в Министерство финансов СССР и в его органы на местах.

Таким образом, можно утверждать, что проблемы снабжения, материального, финансового состояния детских домов остро стояли перед государством не только во время Великой Отечественной войны, но и вплоть до середины 1950-х гг. На государственном и региональном уровнях успех их решения во многом определялся социально-экономической ситуацией в стране, и в частности в Новосибирской области. В годы войны и в первое послевоенное десятилетие острыми проблемами детских домов области были обеспеченность топливом, одеждой и обувью, продуктами питания, медикаментами и дезсредствами. Частично материально-бытовые проблемы детских домов Новосибирской области решались. В целом же решить их не удалось даже до конца 1950-х гг.

Список источников

1. Славко А. А. Детская беспризорность и безнадзорность в России конца 1920-х — начала 1950-х годов: социальный портрет, причины, формы борьбы : дис. ... д-ра ист. наук. Самара, 2011. 488 с.
2. Ложкина И. А. Социальная защита детей-сирот в годы Великой Отечественной войны (на материалах детских домов и интернатов Удмуртской АССР) : дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2010. 204 с.
3. Коренюк В. М. Повседневная жизнь детей военного и послевоенного времени (по материалам Молотовской области) : дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2017. 293 с.
4. Коренюк В. М. Послевоенная действительность воспитанников детских домов // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9, № 3/2. С. 58—64.
5. Зезина М. Р. Социальная защита детей-сирот в послевоенные годы (1945—1955) // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 127—136.
6. Нуркина К. К. Освещение детской повседневности в советской отечественной историографии // Культура, наука, образование: проблемы и перспективы : материалы III Всерос. науч.-практ. конф. (г. Нижневартовск, 7 февр. 2014 г.). Нижневартовск : Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014. Ч. 1. С. 185—188.
7. Дунбинская Т. И. Социальная адаптация детей на территории Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны: анализ исторического опыта : дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2004. 249 с.

8. Маркдорф Н. М. Лечебное дело в лагерях и спецгоспиталях для военнопленных в Западной Сибири (1943—1950 гг.). Новосибирск : Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2013. 251 с.
9. Маркдорф Н. М. Материально-бытовые проблемы лагерей НКВД–МВД СССР для военнопленных в Западной Сибири и пути их разрешения // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2012. Т. 12. Сер.: История. Международные отношения. Вып. 4. С. 109—123.
10. Маркдорф Н. М. Дети войны. Проблема детской беспризорности и безнадзорности в тыловых районах СССР // Вестник Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева. 2020. № 4. С. 132—139.
11. Маркдорф Н. М. Проблемы ликвидации детской беспризорности и безнадзорности в Кузбассе (1944—1950) // История повседневности. 2020. № 4 (16). С. 64—79.
12. Маркдорф Н. М., Маркдорф М. А. В детских учреждениях Кузбасса: 1945—1950 гг. // Сибирь гуманитарная. 2023. № 4 (4). С. 10—19.
13. Маркдорф Н. М., Маркдорф М. А. Young Bessarabian Germans in Children's Institutions of Kuzbass // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2023. № 2 (14). С. 43—57.
14. Сактаганова З. Г., Абдукаримова Ж. К., Сальникова А. А. Дети войны: беспризорность и безнадзорность в Центральном Казахстане в 1941—1945 гг. (по архивным документам) // Ученые записки Казанского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2021. Т. 163. Кн. 6. С. 202—214.
15. Абдукаримова Ж. К. Трудовые воспитательные колонии НКВД для несовершеннолетних в Казахской ССР в 1943—1945 гг. // Сибирь гуманитарная. 2023. № 4 (4). С. 123—133.
16. Дунбинская Т. И. Статистика эвакуированных детских учреждений в годы Великой Отечественной Войны (на материалах Западной Сибири) // Вестник ТГПУ. 2011. № 13. С. 46—51.
17. Снегирева Л. И. Прием и размещение эвакуированных детских учреждений в западносибирском тылу (1941—1943 годы) // Вестник ТГПУ. 2018. № 5. С. 143—156.
18. Хомченко Т. Болотнинский Ленинградский детский дом // Проза.ру. URL: <https://proza.ru/2016/03/03/499?ysclid=m2c7uvgwz2943276575> (дата обращения: 24.01.2024).
19. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 200.
20. ГАО. Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 198.
21. ГАО. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 84.
22. ГАО. Ф. П-4. Оп. 6. Д. 141.
23. ГАО. Ф. Р-1366. Оп. 1. Д. 160.
24. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 210. Т. 2.

References

1. Slavko A.A. Detskaya besprizornost' i beznadzornost' v Rossii kontsa 1920-kh - nachala 1950-kh godov: sotsial'nyy portret, prichiny, formy bor'by [Child Homelessness and Neglect in Russia in the late 1920s - early 1950s: Social Portrait, Causes, Ways of Struggle], Dr. hist. sci. diss. Samara, 2011, 488 p.
2. Lozhkina I.A. Sotsial'naya zashchita detey-sirot v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (na materialakh detskikh domov i internatov Udmurtskoy ASSR) [Social Protection of Orphans during the Great Patriotic War (on the Materials of Orphanages and Boarding Schools of the Udmurt ASSR)], Cand. hist. sci. diss. Izhevsk, 2010, 204 p.
3. Korenyuk V.M. Povsednevnyaya zhizn' detey voennogo i poslevoennogo vremeni (po materialam Molotovskoy oblasti) [Everyday Life of Children in the War and Post-War Period (based on the materials of the Molotov region)], Cand. hist. sci. diss. Perm', 2017, 293 p.
4. Korenyuk V.M. Poslevoennaya deystvitel'nost' vospitannikov detskikh domov [Post-War reality of Orphanage Inmates], *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and Social-Educational Thought], 2017, vol. 9, no. 3/2, pp. 58-64.
5. Zezina M.R. Sotsial'naya zashchita detey-sirot v poslevoennye gody (1945-1955) [Social Protection of Orphans in the Post-War Years (1945-1955)], *Voprosy istorii* [History Matters], 1999, no. 1, pp. 127-136.
6. Nurkina K.K. Osveshchenie detskoy povsednevnosti v sovetskoy otechestvennoy istoriografii [Coverage of Children's Everyday Life in Soviet Russian Historiography], *Kul'tura, nauka, obrazovanie: problemy i perspektivy* [Culture, Science, Education: Problems and Prospects], *materialy III Vse-ros. nauch.-prakt. konf. (Nizhnevartovsk, 7 February. 2014)*. Nizhnevartovsk, Publ. Nizhnevart. gos. un-ta, 2014, part 1, pp. 185-188.
7. Dunbinskaya T.I. Sotsial'naya adaptatsiya detey na territorii Zapadnoy Sibiri v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: analiz istoricheskogo opyta [Social Adaptation of Children in Western Siberia during the Great Patriotic War: Analysis of Historical Experience], Cand. hist. sci. diss. Tomsk, 2004, 249 p.
8. Markdorf N.M. Lechebnoe delo v lageryakh i spetsgospitalyakh dlya voennoplennykh v Zapadnoy Sibiri (1943-1950 gg.) [Medicine in Camps and Special Hospitals for Prisoners of War in Western Siberia (1943-1950)]. Novosibirsk, Publ. Novosib. gos. pед. un-ta, 2013, 251 p.

9. Markdorf N.M. Material'no-bytovye problemy lagerey NKVD-MVD SSSR dlya voennoplennyykh v Zapadnoy Sibiri i puti ikh razresheniya [Material and Domestic Problems of the NKVD-MVD USSR Prisoner-of-War Camps in Western Siberia and Ways to Resolve], *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya [Izvestiya Saratovskogo un-ta. New series]*, 2012, vol. 12, ser.: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya [Ser.: History. International Relations], vyp. 4, pp. 109-123.
10. Markdorf N.M. Deti voyny. Problema detskoy besprizornosti i beznadzornosti v tylovyykh rayonakh SSSR [Children of the War. The Problem of Child Homelessness and Neglect in the Rear areas of the USSR], *Vestnik Kyrgyzskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Arabaeva [Bulletin of the Kyrgyz State University named after I. Arabaev]*, 2020, no. 4, pp. 132-139.
11. Markdorf N.M. Problemy likvidatsii detskoy besprizornosti i beznadzornosti v Kuzbasse (1944-1950) [Problems of Elimination of Child Homelessness and Neglect in Kuzbass (1944-1950)], *Istoriya povsednevnosti [A history of everyday life]*, 2020, no. 4 (16), pp. 64-79.
12. Markdorf N.M., Markdorf M.A. V detskikh uchrezhdeniyakh Kuzbassa: 1945-1950 gg. [In Children's Institutions of Kuzbass: 1945-1950], *Sibir' gumanitarnaya [Humanities in Siberia]*, 2023, no. 4 (4), pp. 10-19.
13. Markdorf N.M., Markdorf M.A. Young Bessarabian Germans in Children's Institutions of Kuzbass, *Ezhegodnik Mezhdunarodnoy assotsiatsii issledovateley istorii i kul'tury rossiyskikh nemtsev [Year-book of the International Association of Researchers of History and Culture of Russian Germans]*, 2023, no. 2 (14), pp. 43-57.
14. Saktaganova Z.G., Abdukarimova Zh.K., Sal'nikova A.A. Deti voyny: besprizornost' i beznadzornost' v Tsentral'nom Kazakhstane v 1941-1945 gg. (po arkhivnym dokumentam) [Children of War: Homelessness and Neglect in Central Kazakhstan in 1941-1945 (based on archival documents)], *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye nauki [Scientific Notes of Kazan University. Ser.: Humanities]*, 2021, vol. 163, book 6, pp. 202-214.
15. Abdukarimova Zh.K. Trudovye vospitatel'nye kolonii NKVD dlya nesovershennoletnykh v Kazakhskoy SSR v 1943-1945 [Labour Educational Colonies of the NKVD for Minors in the Kazakh SSR in 1943-1945], *Sibir' gumanitarnaya [Humanities in Siberia]*, 2023, no. 4 (4), pp. 123-133.
16. Dunbinskaya T.I. Statistika evakuirovannykh detskikh uchrezhdeniy v gody Velikoy Otechestvennoy Voyny (na materialakh Zapadnoy Sibiri) [Statistics of Evacuated Children's Institutions during the Great Patriotic War (on the materials of Western Siberia)], *Vestnik TGPU [Vestnik TSPU]*, 2011, no. 13, pp. 46-51.
17. Snegireva L.I. Priem i razmeshchenie evakuirovannykh detskikh uchrezhdeniy v zapadnosibirskom tylu (1941-1943) [Reception and Accommodation of Evacuated Children's Institutions in the West Siberian Home Front (1941-1943)], *Vestnik TGPU [Vestnik TSPU]*, 2018, no. 5, pp. 143-156.
18. Khomchenko T. Bolotninskiy Leningradskiy detskiy dom [Bolotninsky Leningrad orphanage], *Proza.ru [Prose.ru]*. Available at: <https://proza.ru/2016/03/03/499?ysclid=m2c7uvgwz2943276575> (accessed: 24.01.2024).
19. *Gosudarstvennyy arkhiv Novosibirskoy oblasti (GANO) [State Archive of the Novosibirsk Region (hereinafter - GANO)]*, coll. R-1366, aids. 1, fol. 200.
20. *GANO*, coll. R-1366, aids. 1, fol. 198.
21. *GANO*, coll. P-4, aids. 1, fol. 84.
22. *GANO*, coll. P-4, aids. 6, fol. 141.
23. *GANO*, coll. R-1366, aids. 1, fol. 160.
24. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation]*, coll. R-9401, aids. 12, fol. 210, vol. 2.

Информация об авторе

Антоненко Валентин Сергеевич — преподаватель, Новосибирское высшее военное командное ордена Жукова училище, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: antonenkovaletin@mail.com

Information about the author

Valentin S. Antonenko — Teacher, Novosibirsk Higher Military Command School of the Order of Zhukov, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: antonenkovaletin@mail.com

Статья поступила в редакцию 02.09.2024; одобрена после рецензирования 15.10.2024; принята к публикации 18.10.2024.

The article was submitted 02.09.2024; approved after reviewing 15.10.2024; accepted for publication 18.10.2024.

Образование и воспитание

Научная статья
УДК 379.81(47+57)-053.2
<https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-4-116-122>

Детский клуб как форма повседневности ребенка

Борис Аркадьевич Дейч

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Российская Федерация, deich67@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению проблемы детской повседневности с историко-педагогических позиций. Рассматривается динамика отношения к детскому клубу от восприятия этой формы организации досуга детей как необычности к восприятию ее как повседневности. Целью данного анализа является историко-педагогическое обоснование данной динамики с выделением педагогического потенциала детских клубов на каждом этапе их развития. Методология осуществленного анализа базируется на использовании культурологического подхода, позволившего исследовать развитие детских клубов как социокультурного феномена, содержание которого зависело от взаимосвязанных культурных и социальных факторов, а также феноменологического подхода, дающего возможность конструирования различных теоретических оснований феномена детских клубов как одного из способов организации детского досуга.

В статье определена сущность понятий «повседневность» и «детская повседневность» с философских, исторических и историко-педагогических позиций, представлена история зарождения и развития детских клубов в России с рубежа XIX—XX вв. до 70-х гг. XX в., когда детские клубы представляли собой массовое явление, позволяющее любому ребенку удовлетворить имеющиеся интересы и потребности, а посещение детского клуба стало одной из форм детской повседневности. Определено, что предпосылкой для появления детских клубов, с одной стороны, стало понимание в среде российской интеллигенции необходимости облегчить жизнь детей беднейших слоев общества, развить их духовные и физические силы, активность, а с другой стороны, — потребность ряда прогрессивных педагогов в апробации и развитии новых педагогических подходов и педагогического опыта.

Ключевые слова: повседневность, детская повседневность, детский клуб, внешкольные учреждения, внешкольная работа

Для цитирования: Дейч Б. А. Детский клуб как форма повседневности ребенка // Сибирь гуманитарная. 2024. № 4. С. 116—122. <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-4-116-122>

Education and upbringing

Original article

Children's Club as a Child's Everyday Life Activity

Boris A. Deich

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation, deich67@mail.ru

Abstract. The article studies the issues of children's everyday life from a historical and pedagogical point of view. It examines the dynamics of the attitude to the children's club

from the perception of this mode of children's leisure time as unusual to the perception of it as everyday life. The aim of this analysis is the historical and pedagogical substantiation of this dynamics, highlighting the pedagogical potential of children's clubs at each stage of their development. The methodology of the analysis uses the cultural approach, which allows studying the development of children's clubs as a sociocultural phenomenon that depended on interrelated cultural and social factors. In addition, it uses the phenomenological approach, which makes it possible to construct various theoretical bases for the phenomenon of children's clubs as one of the ways of arranging children's leisure.

The article defines the concepts of "everyday life" and "children's everyday life" from philosophical, historical and historical-pedagogical points of view. The article presents the history of the origin and development of children's clubs in Russia from the turn of the XIX—XX centuries to the 1970s of the twentieth century, when children's clubs became a mass phenomenon, when any child could satisfy the available interests and needs, and children's clubs became one of the children's everyday life activity. The article states that the prerequisite for the emergence of children's clubs, on the one hand, were Russian intellectuals who tried to facilitate the lives of children of the poorest strata of society, to develop their spiritual and physical strength through activity. On the other hand, there was the need of a number of progressive educators in approbation and development of new pedagogical approaches and pedagogical experience.

Keywords: everyday life, children's everyday life, children's club, out-of-school institutions, out-of-school work

For citation: Deich B.A. Children's Club as a Child's Everyday Life Activity. *Siberia Humanitarian*. 2024. № 4. C. 116—122. <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-4-116-122>

Повседневность как область социальной реальности, проявляющаяся в привычных для человека ситуациях, во многом воспринимаемых им как часть быта, неоднократно становилась предметом исследования социологов и историков. Современные научные подходы к определению сущности понятия «повседневность» во многом базируются на феноменологическом подходе (Х. Абельс, П. Бергер, Э. Гуссерль, Т. Лукман и др.). Э. Гуссерль писал о том, что «задача феноменологии состоит в раскрытии смысла предметов, затемненного множеством слов, разноречивых мнений и оценок» [1, с. 280]. Основная цель феноменологического анализа любых социальных явлений, по мнению Х. Абельса, заключается в «исследовании того, как человек шаг за шагом организует социальную реальность» [2, с. 98].

В настоящее время можно говорить об усилении внимания к детской повседневности с исторических (А. С. Ляшок, А. Ю. Рожков, М. В. Ромашова, А. А. Сальникова и др.) и историко-педагогических позиций (Б. В. Куприянов, А. В. Кудряшов и др.). При этом исследование данного контекста повседневности затруднено тем, что «в отличие от взрослого мира, который вполне осознанно оставляет после себя массу свидетельств, источники о жизни детей в прошлом оказываются настоящей редкостью. <...> Постепенное признание истории детства как вполне состоявшегося научного направления не меняет ситуации: детские источники либо разбросаны по разным архивным фондам, либо находятся в частных коллекциях, либо не сохранены вообще» [3, с. 172].

А. С. Ляшок на основе анализа различных подходов к определению дефиниций «повседневность» и «культура повседневности» рассматривает понятие «детская повседневность» как «ежедневный процесс жизнедеятельности детей, характеризующийся определенными повторяющимися практиками, наименованием и содержанием которых зависит от социокультурного конструирования представлений о детстве в рамках конкретного общества» [4, с. 100].

В последние годы различные аспекты детской повседневности советского периода стали предметом исследования Б. В. Куприянова и А. В. Кудряшова, которые, обобщив подходы культурологов и социологов к структуре повседневности, рассматривают внешкольную повседневность советских детей с пяти основных позиций: подростковое приключение как событие,

одежда и украшения как вещи (предметы), ритуальные практики и сценарии поведения, мечты и фантазии как мыслимые деятелями образы желательного состояния повседневности, гендерные различия в повседневности деятелей. А сам процесс изучения детской повседневности представляют в виде «интеграции историко-этнографических, социологических, культурологических и педагогических методов исследования, в результате чего может быть получено целостное описание фрагментов социальной ситуации развития детей, отдельных процессов, определяющих их социализацию» [5, с. 7].

Детские клубы сегодня также можно отнести к повседневности современного ребенка. Однако за время своего существования эта форма детского досуга прошла путь от необычности к повседневности. Детские клубы, которые относительно активно стали создаваться в России в 90-е гг. XIX в., было во многом новое явление, необычное для большинства детей, причем всех слоев населения. Первые детские клубы появлялись как в структуре народных домов, так и как самостоятельные объединения, а впоследствии — учреждения. В определенной мере активизации деятельности по созданию детских клубов послужила теория свободного воспитания, последователи которой считали, что создание детских клубов позволит решить проблему оторванности от жизни современного им образования, а также проблему учета в педагогической деятельности интересов, потребностей и способностей детей. К. Н. Вентцель считал, что «клубы, то есть группы детей, объединенные общими вкусами, стремлениями и желаниями, в диком виде существовали везде и всегда. Задача воспитателя-социолога заключается в том, чтобы привлечь эти группы, окружить их культурным влиянием, поставить в условия, способствующие развитию» [6, с. 44].

Возникновение внешкольных детских учреждений связывают с именами И. Бенековского, Н. А. Бартошевича, К. Н. Вентцеля, А. У. Зеленко, А. Кокошина, П. Ф. Лесгафта, А. Третьякова, С. Т. Шацкого, К. А. Фортунатова и других прогрессивных деятелей России конца XIX — начала XX в., которые, используя уже существующий опыт организации деятельности учреждений внешкольного образования, а также заимствуя положительный опыт подобной деятельности в Северной Америке и ряде европейских стран, обосновывали необходимость клубной работы с детьми и предприняли попытки создания внешкольных объединений для детей рабочих и служащих. Идея площадок, «детских собраний» увлекала российскую интеллигенцию, так как в ней она видела, с одной стороны, возможность украсить, облегчить жизнь детей беднейших слоев общества, развить их духовные и физические силы, активность, а с другой стороны, — возможность развития новых педагогических подходов и педагогического творчества. По мнению первых создателей детских клубов, они должны были в том числе решать задачи снижения отрицательного влияния среды, в которой находились дети беднейших слоев городского населения, и в то же время способствовать их просвещению и разноплановому развитию через привлечение к организованным формам досуга. С. Т. Шацкий писал, что «создавая наше общество, мы имеем в виду те коренные недостатки условий детской жизни, которые вытекают из неблагоприятных условий жизни города. Мы глубоко убеждены, что в деятельности городского общества существует пробел, все более и более расширяющийся. ... Пробел этот состоит в том, что жители города почти не тратят сил на устройство разумной, развивающей обстановки для городских детей. А между тем, достаточно хотя бы немного приглядеться к их жизни, чтобы признать и весь ужас ее, и насущную необходимость прийти ей на помощь» [7, с. 121].

В начале XX в. детские клубы начали появляться в образовательных учреждениях для детей. Главную задачу клубов, создаваемых в школах, училищах и гимназиях, видели в том, чтобы «дать всем учащимся возмож-

ности разумного отдыха, дружеского общения, возможность обмениваться мыслями, обсуждать интересующие вопросы, проявлять свои способности не только на учебном материале — одним словом дать возможность хоть раз в неделю пожить, вздохнуть по-своему; провести время особенным интересным и культурным образом» [8, с. 8].

Деятельность по открытию детских клубов получила поддержку представителей общественно-педагогического движения начала XX в. На I Всероссийском съезде по семейному воспитанию (1912) принимается резолюция, в которой говорится в том числе и о необходимости повсеместной организации детских клубов: «Устройство детских клубов для всех слоев населения необходимо для нравственного и умственного развития подрастающего поколения...» [9, с. 602]. I Всероссийский съезд по вопросам народного образования принимает специальную резолюцию «О детских клубах», в которой, в частности, отмечается:

«1. Детские клубы являются при современных социальных условиях необходимой общественно-педагогической организацией, обслуживающей детей во внешкольное время.

2. Заполняя детский досуг разумными занятиями и развлечениями, клуб должен служить лишь местом отдыха детей; выбор занятий должен быть свободен, а сами занятия индивидуализированы.

3. Ввиду большого значения детских клубов в борьбе с влиянием улицы необходимо широкое распространение их при содействии земских и городских самоуправлений и других общественных учреждений» [10, с. 89].

Тем не менее в первые десятилетия XX в. создание детских клубов даже в крупных городах нельзя отнести к массовому явлению, а посещение детских клубов в тот период нельзя назвать детской повседневностью. Во многом это связано с тем, что детские клубы создавались тогда на основе частной инициативы, под которой понимались «все формы свободной общественной взаимопомощи, обеспечивающей свободное, полное и всестороннее развитие личности в деле внешкольного образования» [11, с. 88]. Государственные органы контролировали и регулировали, но не финансировали и не организовывали данную деятельность. Ситуация в этом отношении начинает меняться практически с самого начала советского периода российской истории.

Большое значение для развития и становления системы детских клубов имела теоретическая и практическая поддержка Н. К. Крупской и А. В. Луначарского. Будучи руководителями Народного комиссариата просвещения в первом советском правительстве, они, не отрицая положительного влияния школы, считали, что различные учреждения внешкольной работы с детьми могут способствовать более продуктивному решению вопросов воспитания и образования человека нового общества. Залогом бурного развития внешкольных учреждений становится то, что их появление и деятельность соответствовали потребностям государства, которое хотело расширить свое влияние на детей, приобщить их к новым социальным и культурным ценностям, помочь развить творческий потенциал. Не случайно одним из первых клубов, возникших в послереволюционный период, считается открывшийся в октябре 1917 г. в Костроме социалистический детский клуб «Юный рабочий». «Уже в ноябре в него входили десятки детей рабочих. Вскоре в губернском центре возникли еще 11 социалистических клубов: „Юный социалист“, „Друг детей“, „Трудовичок“ и др., — объединивших около четырех тысяч детей и подростков. Основной задачей клубов, согласно уставу, было приучение детей к общественной работе» [12, с. 48]. Впоследствии сеть детских социалистических клубов распространилась по России. В них действовали кружки и мастерские, в которых дети получали трудовые навыки. Кроме того, у детей была возможность для

занятий спортом, пением, музыкой, подвижными играми. Таким образом, их существование отвечало общественным и индивидуальным запросам.

Все это приводит к тому, что детские клубы постепенно становятся эффективным звеном в системе общественного воспитания, в них быстро накапливается во многом уникальный опыт организации работы и педагогического взаимодействия. Будучи прогрессивными в отборе содержания, форм и методов работы, чем традиционно более консервативная школа, они вскоре становятся центрами культурно-массовой, просветительской и досуговой работы с детьми и подростками. В этот период открывается сеть клубов с постоянным штатом сотрудников, организуются различные кружки и студии для детей при избах-читальнях, библиотеках, рабочих клубах и общежитиях.

В 1918 г. в Москве, в Сокольниках, открылось первое государственное внешкольное учреждение — Станция юных любителей природы (Биологическая станция юных натуралистов). Первоначально туда записались 17 детей, но уже в 1921 г. существовал конкурс, чтобы попасть в число учеников. Ребенок проходил стажировку и только после выполнения научного (посильного для ребенка) задания мог быть зачислен. В момент открытия станции появились первые кружки по интересам: водолобов, орнитологов, энтомологов, ботаников. К 1925 г. их число значительно увеличивается. Появляются кружки звероводов, луговодов, цветоводов, фенологов, гидрометеорологов. В декабре 1919 г. в Перми открывается детский клуб «Муравейник», организатором которого был учитель В. М. Шулепов. В нем дети со всего города занимались в столярном, слесарном, переплетном и других кружках. Особым успехом пользовались кружки художественного чтения и хорового пения. Занятия вели молодые рабочие и учителя, командированные со специальным поручением от партийных ячеек. В уставе клуба говорилось, что дети должны развивать свои физические и умственные способности, самостоятельность, общественные навыки, уметь разумно организовать свой труд и свои развлечения. Членами клуба могли быть все дети, участвующие в работе его кружков. Сами подростки, придумавшие название клуба, объясняли его так: «Муравей — это маленькое трудолюбивое насекомое, и мы, дети, тоже должны подражать этим маленьким трудолюбивым муравьям. Мы должны все как один любить труд» [12, с. 48]. Чуть позже подобные клубы были открыты в Оренбурге и Ижевске. Уже в конце второго десятилетия XX в., кроме перечисленных выше, известность получают московские детские клубы «Пчелка», «Трудовая коммуна», «Детский уголок». Активную деятельность ведет «Детский пролеткульт» в Туле, созданный в январе 1919 г. при Обществе борьбы за пролетарскую культуру. К лету его отделения были созданы и в уездных городах губернии. Работа «Детского пролеткульта», имевшая политико-просветительский, культурно-массовый характер при значительном развитии общественно-практической деятельности ребят, строилась на началах детской самоорганизации. Летом 1919 г. в объединении состояло 800 человек, а в 1920 г. — более 3 тыс. детей губернии. Их силами были организованы 14 мастерских и студий, открыт театр [12, с. 47].

Первые годы советского периода нашей истории ряд исследователей (В. А. Горский, Е. В. Смольников и др.) относят ко времени расцвета внешкольной работы. Действительно, в тот период начинают активно входить в жизнь интересные педагогические начинания, появляются оригинальные формы организации детской жизни, идет интенсивное становление научно-методической базы внешкольного движения, внешкольной работы, ведутся серьезные научные исследования и наблюдения за развитием самостоятельности, творческих способностей личности, ее интересов и потребностей, изучаются коллективные и групповые формы работы. К созданию детских клубов активно подключаются органы государственной власти, и количе-

ство таких детских объединений значительно увеличивается не только в городах, но и в сельской местности, что позволяет уже в 1930-е гг. отнести детские клубы к массовому явлению. Внимание, которое по-прежнему уделяют развитию внешкольной работы с детьми партийные и государственные органы, приводит к быстрому количественному увеличению внешкольных учреждений. Так, к 1950 г. число таких учреждений, относящихся к ведению Министерства просвещения РСФСР, увеличивается до 2 200 [13, с. 14].

В 1960-е — начале 1970-х гг. усиливается внимание к организации воспитательного процесса по месту жительства и начинает бурно развиваться система подростковых клубов по месту жительства, которые становятся обязательным элементом социальной инфраструктуры жилых микрорайонов. Клубы по месту жительства заслуженно пользовались любовью и уважением детей и взрослых, и не случайно неформально их называли дворовыми клубами. Само название демонстрировало их приближенность к конкретным потребителям их услуг. Многие социальные инициативы, принявшие затем размеры общегосударственных акций, зарождались именно в подростковых клубах. К ним можно отнести ставшие впоследствии широко известными соревнования «Кожаный мяч» и «Золотая шайба», в которых первоначально принимали участие не профессионально занимающиеся футболом или хоккеем подростки, а воспитанники дворовых команд, создаваемых на базе клубов по месту жительства.

Можно говорить о том, что именно к этому периоду детские клубы становятся формой повседневности советского ребенка. Создаваемые при поддержке государства, они начинают носить действительно массовый характер. Так, в 1970-е гг. в Советском Союзе насчитывалось свыше 12 тыс. внешкольных детских учреждений, которые находились в непосредственном ведении Министерства просвещения, более 15 тыс. внешкольных детских учреждений, функционирующих в системе профессиональных союзов. Разнообразную внешкольную работу с детьми осуществляло Министерство культуры, более 500 ведомственных внешкольных учреждений действовало в структуре Министерства путей сообщения и Министерств речного и морского флота. Непосредственно в РСФСР осуществляли свою работу с детьми 2 022 дома (дворца) пионеров, 254 станции юных техников, 151 станция юных натуралистов, 84 детские экскурсионно-туристические станции [13, с. 4—5]. Все эти учреждения носили клубный характер, и их посещение было повседневным явлением для советского ребенка.

Список источников

1. Гуссерль Э. Собрание сочинений. Т. 3. М. : Гнозис ; Дом интеллектуальной книги, 2001. 529 с.
2. Абельс Х. Интеракция, идентичность, презентация: введение в интерактивную социологию. СПб. : Алетейя, 2000. 272 с.
3. Ромашова М. В. Занимательное источниковедение: история детства // Вестник Пермского университета. 2012. № 3 (20). С. 172—179.
4. Ляшок А. С. Повседневность как предмет исследований // Культурная жизнь юга России. 2011. № 1 (39). С. 98—101.
5. Кудряшов А. В., Куприянов Б. В. Внешкольная повседневность советских школьников (в материалах газеты «Пионерская правда» 1959—1988 гг.) // Информационный бюллетень / Московский городской педагогический университет. Т. 1. Кострома : Авантикул, 2018. 128 с.
6. Вентцель К. Н. Новые пути воспитания и образования детей. 2-е изд. М. : Земля и фабрика, 1923. 151 с.
7. Шацкий С. Т. Задачи общества «Детский труд и отдых» // Педагогические сочинения : в 4 т. Т. 1. М. : Просвещение, 1962. С. 287—292.
8. Обухов А. М. Клубы для учащихся и вообще молодежи. М., 1909. 74 с.
9. Труды Первого Всероссийского съезда по семейному воспитанию. Т. 2. СПб., 1914. 672 с.

10. Резолюции, принятые на 1-м Всероссийском съезде по вопросам народного образования // Русская школа. 1914. № 1. С. 50—105.
11. Чарнолуский В. И. Основные вопросы организации внешкольного образования в России. СПб. : Знание, 1909. 90 с.
12. Основы социокинетики детства / сост., ред.: Т. В. Трухачева, А. Г. Кирпичник. М., 2009. 528 с.
13. Глух Е. Г. Развитие советской системы внешкольной работы с детьми в 1945—1973 гг. : автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1975. 27 с.

References

1. Gusserl' E. Sobranie sochineniy [Collected Works], vol. 3. Moscow, Gnozis, Dom intellektual'noy knigi, 2001, 529 p.
2. Abel's Kh. Interaktsiya, identichnost', prezentatsiya: vvedenie v interaktivnuyu sotsiologiyu [Interaction, Identity, Presentation: An Introduction to Interactive Sociology]. Saint-Petersburg, Aleteyya, 2000, 272 p.
3. Romashova M.V. Zanimatel'noe istochnikovedenie: istoriya detstva [Entertaining Source Study: the History of Childhood], *Vestnik Permskogo universiteta [Bulletin of Perm University]*, 2012, no. 3 (20), pp. 172-179.
4. Lyashok A.S. Povsednevnost' kak predmet issledovaniy [Everyday Life as a Subject of Research], *Kul'turnaya zhizn' yuga Rossii [Cultural Life in the South of Russia]*, 2011, no. 1 (39), pp. 98-101.
5. Kudryashov A.V., Kupriyanov B.V. Vneshkol'naya povsednevnost' sovetskikh shkol'nikov (v materialakh gazety «Pionerskaya pravda» 1959-1988 gg.) [Extracurricular Everyday Life of Soviet Schoolchildren (in the Materials of the Newspaper «Pionerskaya Pravda» 1959-1988)], *Informatsionnyy byulleten' [Newsletter]*, vol. 1. Kostroma, Avantikul, 2018, 128 p.
6. Venttsel' K.N. Novye puti vospitaniya i obrazovaniya detey [New Ways of Raising and Educating Children], 2 ed. Moscow, Zemlya i fabrika, 1923, 151 p.
7. Shatskiy S.T. Zadachi obshchestva «Detskiy trud i otdykh» [Objectives of the Children's Labor and Recreation Society], *Pedagogicheskie sochineniya [Pedagogical Essays]*, in 4 vol., vol. 1. Moscow, Prosveshchenie, 1962, pp. 287-292.
8. Obukhov A.M. Kluby dlya uchashchikhsya i voobshche molodezhi [Clubs for Students and Young People in General]. Moscow, 1909, 74 p.
9. Trudy Pervogo Vserossiyskogo s'ezda po semeynomu vospitaniyu [Proceedings of the First All-Russian Congress on Family Education], vol. 2. Saint-Petersburg, 1914, 672 p.
10. Rezolyutsii, prinyaty na 1-m Vserossiyskom s'ezde po voprosam narodnogo obrazovaniya [Resolutions Adopted at the 1st All-Russian Congress on the Issues of Public Education], *Russkaya shkola [Russian School]*, 1914, no. 1, pp. 50-105.
11. Charnoluskiy V.I. Osnovnye voprosy organizatsii vneshkol'nogo obrazovaniya v Rossii [Main Issues of Organization of Out-of-School Education in Russia]. Saint-Petersburg, Znanie, 1909, 90 p.
12. Trukhacheva T.V., Kirpichnik A.G. (eds.) Osnovy sotsiokinetiki detstva [Foundations of Sociokinetics of Childhood]. Moscow, 2009, 528 p.
13. Glukh E.G. Razvitie sovetskoy sistemy vneshkol'noy raboty s det'mi v 1945—1973 gg. [Development of the Soviet System of Out-of-School Work with Children in 1945-1973], Cand. pedagog. sci. diss. Abstr. Moscow, 1975, 27 p.

Информация об авторе

Дейч Борис Аркадьевич — доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и методики воспитательных систем Института культуры и молодежной политики Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: deich67@mail.ru

Information about the author

Boris A. Deich — Doctor of Pedagogical Science, Associate Professor, Head of the Department of Theory and Methodology of Educational Systems, Institute of Culture and Youth Policy, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: deich67@mail.ru

Статья поступила в редакцию 14.10.2024; одобрена после рецензирования 15.11.2024; принята к публикации 18.11.2024.

The article was submitted 14.10.2024; approved after reviewing 15.11.2024; accepted for publication 18.11.2024.

Образование и воспитание

Научная статья
УДК 378.072
<https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-4-123-127>

Центр международного образования и межкультурной коммуникации как способ организации международной деятельности вуза

Светлана Сергеевна Лопатина

Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Российская Федерация, s.s.lopatina@nsuem.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1690-4384>

Аннотация. Статья посвящена проблеме осуществления международной деятельности в образовательной организации высшего образования. В современном мире эта деятельность способствует интеграции вуза в мировое образовательное пространство. Центр международного образования и межкультурной коммуникации может быть одним из способов организации международной деятельности в образовательном пространстве любого вуза. Основные направления центра: информационно-рекламная деятельность; организация образовательной деятельности, ориентированной на граждан зарубежных государств; педагогическое сопровождение социокультурной (бытовая, академическая) адаптации иностранных студентов в вузе; организация академической мобильности преподавателей и студентов; содействие развитию научно-образовательных и культурных связей с зарубежными школами и образовательными организациями высшего образования — партнерами вуза. Кроме того, деятельность центра должна быть направлена на популяризацию русского языка и российской культуры среди российских студентов. Таким образом, работа центра по этим направлениям может стать инструментом организации международной деятельности вуза, его функционирование будет способствовать укреплению международных связей в области образования, науки и культуры.

Ключевые слова: международное образование, межкультурная коммуникация, международная деятельность вуза, укрепление международных связей, иностранные студенты, интеграция в мировое образовательное пространство, образовательная и научная деятельность, инструмент социокультурной адаптации иностранных студентов

Для цитирования: Лопатина С. С. Центр международного образования и межкультурной коммуникации как способ организации международной деятельности вуза // Сибирь гуманитарная. 2024. № 4. С. 123—127. <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-4-123-127>

Center for International Education and Intercultural Communication as a Way to Carry International Activities of the University

Svetlana S. Lopatina

Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation,
s.s.lopatina@nsuem.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1690-4384>

Abstract. The article deals with the questions of international activities in the educational institution of higher education. In the modern world, this activity contributes to the integration of the university into the world educational space. The Center for International Education and Intercultural Communication can be one of the ways to arrange international activities in the educational space of any university. The main directions of the Center's activity might cover information and advertising activities and educational activities focused on citizens of foreign countries. Besides, it might include pedagogical support of socio-cultural (everyday, academic) adaptation of foreign students in the university and academic mobility of teachers and students; promotion of academic, educational and cultural cooperation with foreign schools and educational organizations of higher education - partners of the university. In general, the activities of the Center should be aimed at promoting the Russian language and Russian culture among Russian students. Thus, the work of the Center in these areas can become a tool for carrying international activities of the university; its activities will contribute to the strengthening of international relations in the field of education, science and culture.

Keywords: international education, intercultural communication, international activities of the university, strengthening international relations, foreign students, integration into the world educational space, educational and scientific activities, tool of socio-cultural adaptation of foreign students

For citation: Lopatina S.S. Center for International Education and Intercultural Communication as a Way to Carry International Activities of the University. *Siberia Humanitarian*. 2024. № 4. С. 123—127. <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-4-123-127>

Международная деятельность в современной образовательной организации высшего образования является одним из приоритетных направлений ее развития, способствует интеграции вуза в мировое образовательное пространство, обеспечивая соответствующее современным требованиям качество образовательной и научной деятельности.

Вопросам организации международной деятельности в вузе посвящено немало работ. Например, В. Г. Упирова объясняет сущность международной деятельности в вузе, анализирует эффективность процесса международной деятельности [1, с. 72]. С. И. Григашкина, С. М. Бугрова приводят примеры приоритетных направлений международной деятельности вуза, обозначают проблемы ее организации [2, с. 32]. А. В. Меликян представляет кластерный анализ вузов — организаторов международной образовательной деятельности [3, с. 58]. Л. А. Юшкова уделяет особое внимание сопоставительному анализу процессов развития международного сотрудничества в сфере высшего образования в немецких и российских вузах [4, с. 75]. Н. А. Чикунова отмечает актуальность молодежной проектной деятельности в сфере культуры, которая может являться эффективной формой международного сотрудничества образовательных организаций высшего образования [5, с. 56].

Одним из способов организации международной деятельности вуза, а также инструментом социокультурной адаптации иностранных студентов, по нашему мнению, может стать центр международного образования

и межкультурной коммуникации. Цели деятельности центра — развитие международного сотрудничества с иностранными организациями среднего и высшего образования в области науки и образования, а также популяризация русского языка и русской культуры среди студентов.

Для достижения этих целей задачами центра будут являться разработка и реализация образовательных программ дополнительного образования по русскому языку и культуре России; организация и проведение мероприятий по популяризации русского языка, формированию грамотной устной и письменной речи, в том числе в рамках проекта «Тотальный диктант»; проведение мероприятий, ориентированных на иностранных абитуриентов, для их подготовки к поступлению в вуз; организация информационного обеспечения межкультурной коммуникации, социальной адаптации и интеграции представителей разных стран и культур в русскую языковую и культурную среду; организация и реализация академической мобильности студентов и преподавателей вуза; организация и проведение международных научных, культурных, профессиональных мероприятий. Считаем, что деятельность центра в области изучения русского языка и культуры будет способствовать повышению конкурентоспособности вуза.

Важным направлением работы центра считаем ориентированную на граждан зарубежных государств образовательную деятельность по изучению русского языка, истории, культуры России и обществознания. В этих целях преподаватели центра могут создавать и реализовывать программы по предметам; готовить учебно-методические материалы, учебные пособия для использования зарубежными партнерами в учебном процессе. Для успешной социокультурной адаптации иностранных студентов в российском вузе в эти пособия следует включать материалы, не только содержащие сведения по фонетике, лексике, грамматике русского языка, но и отражающие региональную специфику вуза, выбранного иностранцами для будущей учебы.

Считаем полезным участие преподавателей центра международного образования и межкультурной коммуникации в работе приемной комиссии вуза, принятии решения о зачислении иностранных абитуриентов на учебу.

Для набора мотивированных на успешную учебу абитуриентов необходимо организовывать для иностранных школьников выездные летние и зимние школы, предполагающие проведение интенсивных курсов по русскому языку, культурных мероприятий с целью выявления талантливых школьников, хорошо владеющих русским языком. В рамках проведения школ интересными формами работы могут быть: проведение онлайн-экскурсий по университету, просмотр роликов о вузе, видеообращений иностранных студентов к абитуриентам с рассказом о стране, городе, вузе, в котором они обучаются, преподавателях и дисциплинах, особенностях адаптации, участии в творческих, спортивных, научных мероприятиях. Написание сочинения по русскому языку в рамках проведения школы позволит проверить уровень развития письменной речи, творческие способности иностранных школьников. Кроме выездных школ, считаем целесообразным проведение курсов для изучения русского языка в очном формате или с использованием образовательных онлайн-платформ.

Задачей центра также должна быть подготовка и проведение неформальных вступительных испытаний для иностранных абитуриентов, включающих проверку устной и письменной речи.

В современном образовании актуальным остается вопрос социокультурной адаптации иностранных студентов. Создание благоприятной среды в образовательном пространстве вуза становится первостепенной задачей образовательных организаций высшего образования. Формирование универсальных, профессиональных компетенций осложняется слабым знанием языка, культурным шоком, оторванностью, слабой мотивацией к учебе

и низкой социальной активностью. Для преодоления языкового барьера считаем необходимым дополнительное изучение русского языка в сфере профессиональной коммуникации, а также разговорного и делового языка.

Одним из важнейших аспектов работы центра считаем организацию изучения правовых основ пребывания иностранных граждан на территории Российской Федерации, их прав и обязанностей, а также российских законов. В целях решения проблем социокультурной адаптации иностранных студентов в центре может быть организована работа психолога.

Еще одно направление деятельности центра международного образования и межкультурной коммуникации — организация академической мобильности преподавателей и студентов. Как свидетельствует анализ запросов вузов, многие студенты стран Центральной Азии (Узбекистан, Таджикистан), планируя обучение в магистратуре в России, хотели бы стать слушателями лекций по экономике, юриспруденции, политологии, международным отношениям, русскому языку и культуре речи в деловой сфере. В рамках академической мобильности возможны краткосрочные программы обучения студентов, организация и проведение цикла мероприятий учебной и внеучебной деятельности, проведение мастер-классов по актуальным темам, научных, культурных, профессиональных мероприятий, а также развитие образовательного туризма.

Актуальной задачей центра может быть содействие развитию научно-образовательных и культурных связей с зарубежными школами и образовательными организациями высшего образования — партнерами вуза путем привлечения иностранных коллег для участия в программах переподготовки для иностранных учителей русского языка и литературы, в научных мероприятиях вуза; проведение совместных с зарубежными вузами научных и других мероприятий (фестивали, конкурсы, конференции и т. д.); реализация совместных грант-проектов. По согласованию с руководством вуза возможна реализация магистерской программы двух дипломов.

Что касается работы центра с российскими студентами, можно рекомендовать проведение культурных, литературных, языковых мероприятий, способствующих воспитанию патриотизма, формированию культурной идентичности: литературных гостиных (чтение и анализ русской и зарубежной литературы), пушкинского марафона, поликультурных диалогов (беседы о традициях и обычаях разных стран); конкурсов публичных выступлений на актуальные для молодежи темы и др.

Считаем важным формирование готовности к межкультурной коммуникации и работе (как у российских, так и иностранных студентов) в условиях многообразия современного общества.

Таким образом, центр международного образования и межкультурной коммуникации — это модель организации международной деятельности вуза, а также инструмент социокультурной адаптации иностранных студентов в образовательном пространстве российского вуза, деятельность которого способствует укреплению международных связей в области образования, науки и культуры.

Список источников

1. Упирова В. Г. Основные характеристики феномена «международная деятельность высшего учебного заведения» // Иноязычное образование в поликультурной среде : материалы и доклады XXIV науч.-практ. конф. Национальной ассоциации преподавателей английского языка (NATE 2018) (Самара, 18—20 апр. 2018 г.). Самара : Изд-во Самар. ун-та, 2018. С. 71—75.
2. Григашкина С. И., Бугрова С. М. Международная деятельность в вузе // Управление экономическими системами : электрон. науч. журнал. 2013. № 9 (57). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnaya-deyatelnost-v-vuze> (дата обращения: 09.10.2024).

3. Меликян А. В. Международная образовательная деятельность российских вузов // Университетское управление: практика и анализ. 2017. Т. 21, № 1. С. 52—62.
4. Юшкова Л. А., Неборская В. В. Международное сотрудничество в области высшего образования (на примере российских и немецких университетов) // Мир науки : интернет-журнал. 2016. Т. 4. № 4. URL: <http://mir-nauki.com/PDF/33PDMN416.pdf> (дата обращения: 10.10.2024).
5. Чикунова Н. А. Международная деятельность студентов и преподавателей высших учебных заведений: на примере культурного обмена молодежных групп Германии и России // Педагогическое образование в России. 2018. № 3. С. 53—58.

References

1. Upirova V.G. Osnovnye kharakteristiki fenomena “mezhdunarodnaya deyatel'nost' vysshego uchebnogo zavedeniya” [Main Characteristics of the Phenomenon “of International Activity of Higher Education Institution”], *Inoyazychnoe obrazovanie v polikul'turnoy srede, materialy i doklady XXIV nauch.-prakt. konf. Natsional'noy assotsiatsii prepodavateley angliyskogo yazyka (NATE 2018) (Samara, 18-20 apr. 2018 g.)* [Foreign language education in a multicultural environment, materials and reports of the XXIV scientific and practical conference of the National Association of Teachers of English (NATE 2018) (Samara, April 18-20, 2018)]. Samara, Publ. Samar-skogo universiteta, 2018, pp. 71-75.
2. Grigashkina S.I., Bugrova S.M. Mezhdunarodnaya deyatel'nost' v vuze [International Activities at the University], *Upravlenie ekonomicheskimi sistemami [Management of Economic Systems: electronic scientific journal]*, 2013, no. 9 (57). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhdunarodnaya-deyatelnost-v-vuze> (accessed: 09.10.2024).
3. Melikyan A.V. Mezhdunarodnaya obrazovatel'naya deyatel'nost' rossiyskikh vuzov [International Educational Activities of Russian Universities], *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz [University Governance: Practice and Analysis]*, 2017, vol. 21, no. 1, pp. 52-62.
4. Yushkova L.A., Neborskaya V.V. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v oblasti vysshego obrazovaniya (na primere rossiyskikh i nemetskikh universitetov) [International Cooperation in Higher Education (on the example of Russian and German universities)], *Mir nauki [World of science, an online journal]*, 2016, vol. 4, no. 4. Available at: <http://mir-nauki.com/PDF/33PDMN416.pdf> (accessed: 10.10.2024).
5. Chikunova N.A. Mezhdunarodnaya deyatel'nost' studentov i prepodavateley vysshikh uchebnykh zavedeniy: na primere kul'turnogo obmena molodezhnykh grupp Germanii i Rossii [International Activities of Students and Teachers of Higher Education Institutions: the example of Cultural Exchange of Youth Groups in Germany and Russia], *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii [Pedagogical Education in Russia]*, 2018, no. 3, pp. 53-58.

Информация об авторе

Лопатина Светлана Сергеевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры маркетинга, рекламы и связей с общественностью, Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: s.s.lopatina@nsuem.ru

Information about the author

Svetlana S. Lopatina — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Marketing, Advertising and Public Relations, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: s.s.lopatina@nsuem.ru

Статья поступила в редакцию 10.09.2024; одобрена после рецензирования 15.10.2024; принята к публикации 18.10.2024.

The article was submitted 10.09.2024; approved after reviewing 15.10.2024; accepted for publication 18.10.2024.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDIES

Сибирь гуманитарная. 2024. № 4. С. 128—136.
Siberia Humanitarian. 2024;(4):128—136.

Историография и источниковедение

Научная статья
УДК 322.24(470.323)''1910/1920'':304.3
<https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-4-128-136>

Изменение жизненных практик жителей Курской губернии в конце 1910 — начале 1920-х гг. (по архивным документам органов ЗАГС)

Олег Николаевич Аргунов¹, Андрей Русланович Конищев²

^{1,2} Государственный архив Курской области, Курск, Российская Федерация

¹ argunovoleg-poet@mail.ru

² akonishhev@inbox.ru

Аннотация. Отделение церкви от государства было одной из ключевых программ советского правительства, реализованной в рамках постепенной модернизации общества, которая была жизненно необходима в условиях международной турбулентности и череды геополитических кризисов первой половины XX в. Данный процесс невозможен без внедрения новых жизненных практик в повседневность обывателя. Подобными практиками стали регистрация гражданскими органами рождений, браков и смерти, которая до этого находилась в исключительном ведении церкви, а также разрешение гражданских разводов. Несмотря на то, что подавляющее большинство населения Курской губернии были верующими людьми, внедрение новых светских повседневных практик, как показал анализ архивных документов, не вызвало широкого социального сопротивления. Однако сам процесс внедрения был сопряжен со сложностями, связанными как с несовершенством самой советской системы управления в конце 1910 — начале 1920-х гг. и недостатком подготовленных кадров, так и с сопротивлением духовенства, которое лишалось существенного влияния на общество и доходов от совершения таинств. В этой связи государство было вынуждено применять определенные санкции, а также наказывать тех лиц, которые отказывались исполнять закон, но подобные случаи в изучаемый нами период имели единичный характер. Большинство граждан встретило внедрение новых практик в повседневность адаптацией их под уже сложившиеся традиции, что не вызвало каких-либо возражений со стороны власти. Кроме того, новые практики, в частности внедрение в семейную жизнь института развода, отчасти позволяли улучшить жизнь определенной части рядовых жителей губернии.

Ключевые слова: Курская губерния, революция, органы власти, ЗАГС, жизненные практики, повседневность, церковь, государственная власть

Для цитирования: Аргунов О. Н., Конищев А. Р. Изменение жизненных практик жителей Курской губернии в конце 1910 — начале 1920-х гг. (по архивным документам органов ЗАГС) // Сибирь гуманитарная. 2024. № 4. С. 128—136. <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-4-128-136>

Changes in Life Style of Kursk Province Residents in the late 1910s — early 1920s (on Archival Documents of Civil Registry Offices)

Oleg N. Argunov¹, Andrey R. Konischev²

^{1,2} State Archive of Kursk Region, Kursk, Russian Federation

¹ argunovoleg-poet@mail.ru

² akonishhev@inbox.ru

Abstract. The separation of church and state was one of the key programs of the Soviet government as part of the gradual modernization of society, which was vital in the context of international turbulence and a series of geopolitical crises in the first half of the twentieth century. This process is impossible without the introduction of new life practices into the everyday life of the average citizen. Such practices were the registration of births, marriages and deaths by civil authorities, which had previously been the exclusive responsibility of the church, as well as the authorization of civil divorces. As the analysis of archival documents has shown, despite the fact that the overwhelming majority of the population of Kursk Province were believers, the introduction of new secular everyday practices did not provoke widespread social resistance. However, the process was fraught with difficulties due to the imperfection of the Soviet system of administration in the late 1910s and early 1920s, the lack of trained personnel, and the resistance of the clergy, who were deprived of significant influence on society and income from the sacraments. In this regard, the state had to apply certain sanctions, as well as to punish those persons who refused to fulfill the law. Nevertheless, such cases in the period under study were isolated. The majority of citizens met the introduction of new practices into everyday life by adapting them to the already established traditions, which did not cause any objections on the part of the authorities. In addition, new practices, in particular, the introduction of the institution of divorce into family life, partly allowed to improve the lives of a certain part of ordinary residents of the province.

Keywords: Kursk Province, revolution, authorities, Civil Registry Office, life practices, everyday life, church, state power

For citation: Argunov O.N., Konischev A.R. Changes in Life Style of Kursk Province Residents in the late 1910s — early 1920s (on Archival Documents of Civil Registry Offices). *Siberia Humanitarian*. 2024. № 4. С. 128—136. <https://doi.org/10.32324/2949-1568-2024-4-128-136>

Великая Октябрьская социалистическая революция стала одним из ключевых факторов коренных изменений мирового порядка практически всего XX в. Это событие оказало, по нашему мнению, определяющее влияние на ход дальнейшей мировой истории. Английский историк Э. Хобсбаум констатирует, что «порождением войны XX в. стала революция, в частности — русская революция 1917 года, создавшая Советский Союз, который в результате второго этапа тридцатилетней войны превратился в супердержаву, а в более общем смысле — революция как общемировая константа в истории XX столетия» [1, с. 71]. Однако абстрагируясь от глобальных исторических процессов, стоит отметить, что она оказала не меньшее, а в некоторых случаях определяющее, влияние и на жизнь людей в России, в первую очередь крестьянства.

Крестьянство — самая массовая¹ и наиболее архаизированная [3 ; 4] часть общества нашей страны — в конце первой четверти XX в. столкнулось с совершенно новым для себя явлением — социалистическим госу-

¹ Например, в Курской губернии, по данным переписи 1920 г., из 2 713 тыс. населения 2 514 тыс., или 92,6 %, были крестьянами [2, с. 7].

дарством, которое с первых лет своего существования направило колоссальные ресурсы на освобождение крестьянства от его архаичного наследия. Для достижения цели государством был разработан ряд программ — ликбез, ГОЭЛРО и прочие программы, — которые с разной степенью успешности начали реализовываться в конце 1910 — начале 1920-х гг. Одним из результатов их реализации стало начавшееся еще в царское время превращение страны из аграрной и крестьянской в промышленную и городскую [5, с. 7—8]. Данное обстоятельство прекрасно понимала власть, поэтому встраивание крестьянского большинства в новые реалии государственного пролетарского меньшинства было важнейшей задачей. «Наша Республика — страна земледельческая. Села и деревни — это те корни, которые питают аппарат Советской власти. Чем скорее и правильнее утвердятся в сознании гуцци сельского населения советские принципы, чем скорее землепользование будет производиться с наибольшим соблюдением интересов пролетарского государства в целом, чем скорее установятся правильные взаимоотношения города с деревней, тем обеспеченнее наша победа, победа трудящихся» [6, с. 4]. И данный тезис, на наш взгляд, в значительной степени отражал политику советского государства по отношению к крестьянству.

Путем реализации одной из самых известных программ стало издание серии декретов, затрагивавших вопросы отделения церкви от государства и усиления его роли в повседневной жизни жителей страны.

Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 18 декабря 1917 г. «О гражданском браке, о детях, о ведении книг актов гражданского состояния» вопросы учета движения населения из церковного ведомства были переданы в ведение новых светских структур — органов ЗАГС [7]. Тем самым церковь была лишена существенного влияния, а также важного источника доходов.

Декрет СНК РСФСР от 20 января 1918 г. «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» стал основанием для отделения церкви от государства и школы от церкви [8, с. 371—374].

В настоящее время в отечественной историографии сложилось устойчивое мнение, ретранслированное в массовое сознание, что с реализацией этих документов на практике связаны напрямую последующие гонения на церковь и репрессии в отношении священно- и церковнослужителей [9 ; 10] с целью «уничтожить ее как социальный институт» [11, с. 75—78]. Однако, на наш взгляд, данный вывод является тенденциозным и не отражающим исторических реалий, которые зафиксированы в архивных документах. О свободе вероисповедания в РСФСР говорит хотя бы тот факт, что в 1923 г. на территории Курской губернии работали 1 115 православных и 82 иноверческих зарегистрированных общества, в которых официально состояло более полумиллиона человек [12, л. 19] (в действительности же, по нашему мнению, их было намного больше). Для сравнения, по официальным данным Курской епархии, на 1908 г. в губернии действовали 1 109 церквей, что с учетом строительства новых в период с 1908 по 1917 г. [13, с. 1—253] и существовавших иноверческих приходов дает основание сделать вывод о достаточной степени религиозных свобод на территории региона в этот период.

Свое отношение к религии и исполнению религиозных обрядов советское правительство выразило в циркулярном письме об отношении к религиозным обществам, разосланном всем губернским и городским исполнительным комитетам 28 февраля 1919 г.: «Уравниваются в правах все религии и н[и] одна из них не может пользоваться преимуществами, поддержкой государственной власти и содержанием на средства, принадлежащие всему народу. Каждый гражданин и гражданка получают право исповедовать по своему убеждению любую религию, поскольку религиозные действия не сопровождаются контрреволюционными и уголовно наказуемыми дея-

ниями. И каждый гражданин и гражданка имеют право не исповедовать никакой религии. Не только отменяются насильственные сборы в пользу какой-либо религии, но ни одно религиозное общество не имеет права владеть собственностью, почему все имущества церквей и других общин объявляются достоянием всего народа. <...> Только теперь искренне верующие получили полную возможность свободно исповедовать свои религиозные взгляды и проявлять их в храмах и молитвенных домах, не стремясь [к] собственническому стяжению. Не испытывая гонений и не цепляясь за подачки и поддержку государственной власти» [14, л. 93—94 об.].

Между тем необходимо констатировать, что внедрение в повседневную жизнь новых практик, связанных с отделением церкви от государства (в первую очередь это касалось регистрации рождений, бракосочетаний и смерти в органах ЗАГС), проходило в весьма сложных условиях.

Несмотря на то, что уже в 1918 г. на территории Курской губернии начинают создаваться органы ЗАГС, на места активно рассылаются инструкции о порядке регистрации актов гражданского состояния [14, л. 42—43 об.], работа шла крайне сложно из-за фактического отсутствия кадров. Причем в рассматриваемый нами период эта проблема так и не была решена. Так, согласно докладной записке заведующего Грайворонским уездным отделом ЗАГС от 9 марта 1921 г., «в большинстве случаев в местных ЗАГСах занимают должности делопроизводителей мальчишки-ученики от 14-16 лет, заведующие ЗАГСами малограмотны или вовсе неграмотны... едва в состоянии подписать бумагу, не понимая ни смысла, ни значения ее» [15, л. 42—46].

В докладе заведующего губернским подотделом ЗАГС П. Нестерова от 23 октября 1923 г. отмечалось: «Регистрация актов гражданского состояния за 1919 год во многих волостях если и велась, то кое-как, неправильно, случайно и неполно, без определенной формы и даже на клочках старой бумаги, но и такие записи... в большинстве случаев или утеряны или уничтожены. Губотдел приказал озаботиться уотделам о восстановлении регистрационных книг за 1919 год, хотя бы по церковным записям в тех местностях, где этих книг нет налицо. Но на это предписание уезды сообщают, что на местах совершенно нет бумаги, из которой можно было бы изготовить если не книги, то тетради, чтобы осуществлять текущую регистрацию. Не хватало работников. Так, в Краснояружском волЗАГСе переименована одному гражданину не только фамилия, но и имя, и отчество, а незаконные разводы, якобы по кодексу законов, явление частое. <...> Тут неопытность, неумение, непонимание, словом — практическая беспомощность, которую видя, черные вороны — духовенство, из рук которых вырвано доходное дело регистрации, критически усмеваются и самодовольно каркают» [16, л. 12—13]. Подтверждением тому служат данные о количестве зарегистрированных актов гражданского состояния по Рыльскому уезду за 1919 г. До момента оккупации уезда белогвардейскими войсками (с января по сентябрь) органы ЗАГС регистрировали только 541 акт (229 рождений, 173 смерти и 139 браков) [17, л. 8].

Проблемы, изложенные в приведенном докладе П. Нестерова, действительно имели широкое распространение в губернии. Отчасти их нерешаемость, помимо кадрового голода, можно объяснить отсутствием устойчивой связи между губернским центром и уездами. «Связи постоянной и регулярной с центром и низами не имелось, она велась случайно», — констатировал в своем отчете от 2 марта 1920 г. заведующий подотделом ЗАГС В. Л. Сальников [18, л. 8]. По нашему мнению, одним из препятствий внедрению светских повседневных практик в жизнь Курского региона конца 1910 — начала 1920-х гг. были действия представителей духовенства, продолжавших проводить традиционные обряды и регистрировать их. В письме подотдела ЗАГС Курского уездного исполкома от 19 декабря 1918 г. в Казацкий волостной исполком указано: «1. Строжайшим образом запретить

священникам местных церквей производить обряды бракосочетания, крещения и погребения по требованию лиц, не имеющих на руках соответствующего удостоверения, устанавливающего факт регистрации каждого случая в Исполкоме, причем сельское население должно быть широко осведомлено об этом, с разъяснением, что совершение церковных обрядов не обязательно, и что таковые являются частным делом каждого. 2. Поставить на вид священникам, что за малейшее игнорирование распоряжений они будут представлены суду народного трибунала. 3. Немедленно отобрать в церквях метрические книги, если это еще не сделано, и о последовавших действиях Исполкома по сему положению донести в подотдел» [14, л. 1—1 об.]. Подобные письма были разосланы и в другие волисполкомы и уисполкомы Курской губернии. Однако требования пункта первого письма регулярно нарушались священниками. Наиболее распространенным нарушением было венчание до официальной регистрации в органах ЗАГС.

К примеру, в Рыльском уезде в конце 1910 — начале 1920-х гг. была распространена следующая практика. По закону в брак можно было вступать девушкам с 16 лет, юношам с 18 лет [19]. Однако в эти годы получили широкое распространение ранние браки, которые активно регистрировали служители религиозных культов, при этом официально, в отделе ЗАГС, такие супруги не регистрировали своих отношений, а делали это зачастую значительно позже, спустя несколько лет [20]. Отчасти такую ситуацию можно объяснить плохой работой органов ЗАГС, но действия священников, носящие явно противозаконный характер, объясняют применение к ним соответствующих мер государством, вплоть до арестов и уголовного преследования.

Некоторые церкви активно сопротивлялись изъятию у них метрических книг и запрету на совершение религиозных обрядов ранее государственной регистрации актов гражданского состояния. Так, из письма заведующего Курским уездно-городским отделом управления от 26 ноября 1921 г. начальнику Курской уездно-городской милиции известно, что причт Иоанно-Богословской церкви Курска в конце 1920 — начале 1921 г. отказался передавать свои метрические книги в отдел ЗАГС, сославшись на то, что они уже переданы в отдел милиции третьего участка города. Однако их там не оказалось. В ходе выяснения обстоятельств было установлено, что приходской священник не только активно выдавал гражданам за соответствующую плату метрические выписки, заверенные печатью прихода, что было запрещено законом, но и совершал религиозные таинства (крестил детей, венчал пары) и отпевал умерших, несмотря на отсутствие официальных государственных документов о регистрации актов гражданского состояния [21, л. 116 а].

В большинстве своем подобные практики заканчивались преследованием со стороны государства не только тех, кто совершал таинства, но и тех, кто в них участвовал [22, с. 147—155], наказания для которых в большинстве случаев ограничивалось незначительными штрафами.

Необходимо констатировать, что при всех сложностях внедрения в жизнь курян новых повседневных светских практик городские и сельские жители достаточно быстро их освоили, адаптировав под собственные представления не только о светской, но и о духовной жизни. При этом влияние религиозных представлений оставалось значительным, особенно это касалось обрядовых практик создания новых семей.

Традиционно наибольшее количество браков заключалось в ноябре, январе и феврале. Это было связано, с одной стороны, с периодом относительного отдыха и отсутствия напряженных физических работ, а с другой стороны, в эти месяцы не было продолжительных постов. Анализ журналов сведений о зарегистрированных актах гражданского состояния за 1922 [23, л. 1—91] и 1923 гг. [24, л. 1—71 об. ; 25, л. 1—71 об.] показывает, что дан-

ные тенденции продолжают сохраняться и в начале 1920-х гг. К примеру, в Суджанском уезде за 1922 г. органами ЗАГС было зарегистрировано 2 602 брака, при этом в январе — 472 брака, в феврале — 881, ноябре — 567. В месяцы, на которые приходится продолжительные посты (март), зарегистрированных браков или вовсе нет, или их минимальное количество (к примеру, восемь браков за декабрь 1922 г.) [23, л. 67 об. — 93].

Таким образом, в повседневной жизни жителей Курской области конца 1910 — начала 1920-х гг. можно было наблюдать определенный симбиоз внедряемых новых повседневных практик, имеющих светскую природу, и традиционных, в основе которых лежали религиозные представления. Подобный процесс, считаем, был прямым следствием нежелания подавляющей массы населения вступать в прямой конфликт с властью. В то же время некоторые жизненные практики, имевшие сугубо светский характер, получили определенную поддержку в обывательской среде. Так, постепенно в повседневную жизнь людей начинает входить официальный развод, добиться которого в дореволюционный период было практически невозможно для рядовых подданных [26, л. 8]. Но при этом супругов официально мог развести только суд. Анализ судебных решений за период конца 1910 — начала 1920-х гг., которые хранятся в Государственном архиве Курской области, показал, что в абсолютном большинстве случаев граждане не разводились без причины. В основном разводы оформляли женщины, чьи мужья пропали без вести, что было распространенным явлением в условиях Первой мировой и Гражданской войн, а также революционного лихолетья. К примеру, 9 февраля 1920 г. судья 8-го участка Курского судебного округа И. П. Кондратов вынес решение о разводе Е. Л. Москалевой с Н. Д. Москалевым, которые были в браке с 28 сентября 1903 г., по причине пропажи мужа более десяти лет назад [27, л. 6—6 об.]. Причем, по сведениям Казацкого волисполкома Курского уезда, к середине 1919 г. данная тенденция распространялась во все больших масштабах [28, л. 53]. Судебных решений о разводе из-за измен и прочих проявлений чувств нам выявить не удалось, в связи с чем можно сделать вывод о постепенном становлении в рассматриваемый период определенной культуры разводов, в основе которой лежали не столько решения проблем личной жизни, сколько проблемы выживания (самостоятельно женщина не могла в полной мере вести хозяйство).

Подводя итог, отметим, что внедрение в повседневность курян новых жизненных практик, связанных с функционированием органов ЗАГС, в конце 1910 — начале 1920-х гг. проходило достаточно спокойно, без массового сопротивления, но было осложнено, с одной стороны, отсутствием кадров на местах и их подавляющей некомпетентностью, а с другой стороны, деятельностью духовных лиц, которые игнорировали требования советского законодательства в семейно-брачной сфере. Новые практики вступали в симбиоз с традиционными практиками, благодаря чему успешно приживались в обывательской среде. Необходимо отметить, что внедрение института развода в систему семейных отношений также было встречено позитивно, при этом изначальная его культура формировалась преимущественно не на основе решения личных проблем между партнерами, а в связи с вопросами выживания в сложных экономических условиях конца 1910 — начала 1920-х гг.

Список источников

1. Хобсбаум Э. Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век (1914—1991) / пер. с англ. О. Лифановой и А. Никольской. М. : АСТ : CORPUS, 2020. 688 с.

2. Труды Центрального статистического управления. Т. 1. Вып. 1. Предварительные итоги переписи населения 28 августа 1920 г. Население 58 губерний Европейской и Азиатской России. М. : 14-я тип. Мос. Сов. Нар. Хоз., 1921. 19 с.
3. Аграрные преобразования и сельское хозяйство Сибири в XX веке: очерки истории / отв. ред. В. А. Ильиных. Новосибирск : Ин-т истории СО РАН, 2009. 307 с.
4. Безгин В. Б. Традиции и перемены в жизни российской деревни: 1921—1928 гг. (по материалам Центрального Черноземья) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 1998. 16 с.
5. Кондрашин В. В. Российская деревня в условиях индустриальной модернизации. М. : Политическая энциклопедия, 2024. 663 с.
6. Внимание к деревне не должно ослабевать (о связи с волисполкомами) // Власть Советов. 1921. Сент. № 3.
7. Известия. 1917. 20 дек.
8. Декреты Советской власти. Т. I: 25 октября 1917 г. — 16 марта 1918 г. / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Ин-т истории акад. наук СССР. М. : Политиздат, 1957. 640 с.
9. Соколов А. В. Государство и православная церковь в России, февраль 1917 — январь 1918 гг. : дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2014. 810 с.
10. Емельянов С. Н., Шатанкова Е. Н. Особенности проведения антирелигиозных мероприятий большевиков в годы Гражданской войны в российской провинции // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: История и право. 2018. Т. 8, № 4 (29). С. 259—266.
11. Страхова И. А. Взаимоотношение государственной власти и православного духовенства в 1918—1922 гг. (на территории современной Белгородской области) // Историческая социальная и образовательная мысль. 2015. Т. 7, № 6. Ч. 1. С. 75—78.
12. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 976.
13. Справочная книга о церквях, приходах и причтах Курской епархии : в 3 ч. : с картой Курской епархии: за 1908 год / Курская духовная консистория. Курск, 1909. 408 с.
14. ГАКО. Ф. Р-496. Оп. 1. Д. 9.
15. ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 635.
16. ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 259.
17. ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 335.
18. ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 257.
19. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве // Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. 22 окт. № 76—77. Ст. 818.
20. Красная искра. 1921. 10 июня.
21. ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 641.
22. Рогозний П. Г. К вопросу о проведении в жизнь декрета об отделении церкви от государства // Русская революция 1917 г.: проблемы истории и историографии : сб. докладов межвузов. науч. конф. СПб. : ЛЭТИ, 2013. С. 147—155.
23. ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 832.
24. ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 977.
25. ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 992.
26. Рогозний П. Г. Гражданский брак, развод и революция: конец семейного насилия или разложение семьи? // Петербургский исторический журнал. 2021. № 3 (31). С. 132—154.
27. ГАКО. Ф. Р-520. Оп. 1. Д. 5.
28. ГАКО. Ф. Р-493. Оп. 1. Д. 9.

References

1. Khobsbaum E. Epokha krainostey. Korotkiy dvadtsatyy vek (1914-1991) [The Age of Extremes. The Short Twentieth Century (1914-1991)]. Moscow, AST, CORPUS, 2020, 688 p. (in Russ.)
2. Trudy Tsentral'nogo statisticheskogo upravleniya. T. 1. Vyp. 1. Predvaritel'nye itogi perepisi naseleniya 28 avgusta 1920 g. Naselenie 58 guberniy Evropeyskoy i Aziatskoy Rossii [Proceedings of the Central Statistical Office. T. 1. Vol. 1. Preliminary results of the Population Census of 28 August 1920. Population of 58 Provinces of European and Asian Russia]. Moscow, 14-ya tip. Mos. Sov. Nar. Khoz., 1921, 19 p.
3. Il'nykh V.A. (ed.) Agrarnye preobrazovaniya i sel'skoe khozyaystvo Sibiri v XX veke: ocherki istorii [Agrarian Transformations and Siberian Agriculture in the Twentieth Century: Historical Sketches]. Novosibirsk, In-t istorii SO RAN, 2009, 307 p.
4. Bezgin V.B. Traditsii i peremeny v zhizni rossiyskoy derevni: 1921-1928 gg. (po materialam Tsentral'nogo Chernozem'ya) [Traditions and Changes in Russian Village Life: 1921-1928 (based on the materials of the Central Black Earth Region)], Cand. hist. sci. diss. Abstr. Tambov, 1998, 16 p.

5. Kondrashin V.V. Rossiyskaya derevnya v usloviyakh industrial'noy modernizatsii [Russian Village in the Conditions of Industrial Modernisation]. Moscow, Politicheskaya entsiklopediya, 2024, 663 p.
6. Vnimanie k derevne ne dolzhno oslabevat' (o svyazi s volispolkomami) [Attention to the Village Should Not Be Weakened (on Liaising with the Volisol Committees)], *Vlast' Sovetov [Power of the Soviets]*, 1921, September, no. 3.
7. *Izvestiya [Izvestia]*, 1917, 20 December.
8. Dekrety Sovetskoy vlasti. T. I: 25 oktyabrya 1917 g. - 16 marta 1918 g. [Decrees of Soviet Power. Vol. I: 25 October 1917. - 16 March 1918]. Moscow, Politizdat, 1957, 640 p.
9. Sokolov A.V. Gosudarstvo i pravoslavnaya tserkov' v Rossii, fevral' 1917 - yanvar' 1918 gg. [The State and the Orthodox Church in Russia, February 1917 - January 1918], Dr. hist. sci. diss. Saint-Petersburg, 2014, 810 p.
10. Emel'yanov S.N., Shatankova E.N. Osobennosti provedeniya antireligioznykh meropriyatiy bol'shevikov v gody Grazhdanskoj vojny v rossiyskoy provintsii [Peculiarities of the Bolsheviks' Anti-Religious Activities during the Civil War in the Russian Provinces], *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya i pravo [Izvestiya South-West State University. Ser.: History and Law]*, 2018, vol. 8, no. 4 (29), pp. 259-266.
11. Strakhova I.A. Vzaimootnoshenie gosudarstvennoy vlasti i pravoslavnogo dukhovenstva v 1918-1922 gg. (na territorii sovremennoy Belgorodskoy oblasti) [The Relationship Between the State Authorities and the Orthodox Clergy in 1918-1922 (on the territory of Modern Belgorod Region)], *Istoricheskaya sotsial'naya i obrazovatel'naya mysl' [Historical Social and Educational Thought]*, 2015, vol. 7, no. 6, part. 1, pp. 75-78.
12. *Gosudarstvennyy arkhiv Kurskoy oblasti (GAKO) [State Archive of Kursk Region (GAKO)]*, coll. R-323, aids. 1, fol. 976.
13. Spravochnaya kniga o tserkvakh, prikhodakh i prich'takh Kurckoy eparkhii, v 3 ch., s kartoy Kurckoy eparkhii: za 1908 god [Reference Book on Churches, Parishes and Parishioners of Kursk Diocese, in 3 parts, with a map of Kursk diocese, for 1908]. Kursk, 1909, 408 p.
14. *GAKO*, coll. R-496, aids. 1, fol. 9.
15. *GAKO*, coll. R-323, aids. 1, fol. 635.
16. *GAKO*, coll. R-323, aids. 1, fol. 259.
17. *GAKO*, coll. R-323, aids. 1, fol. 335.
18. *GAKO*, coll. R-323, aids. 1, fol. 257.
19. Kodeks zakonov ob aktakh grazhdanskogo sostoyaniya, brachnom, semeynom i opekunskom prave [Code of Civil Status, Marriage, Family and Guardianship Laws], *Sobranie uzakoneniy i rasporyazheniy rabocheho i krest'yanskogo pravitel'stva [Collection of Decrees and Orders of the Workers' and Peasants' Government]*, 1918, 22 October, no. 7677, st. 818.
20. *Krasnaya iskra [Red Spark]*, 1921, 10 June.
21. *GAKO*, coll. R-323, aids. 1, fol. 641.
22. Rogoznyy P.G. K voprosu o provedenii v zhizn' dekreta ob otdelenii tserkvi ot gosudarstva [On the Implementation of the Decree on the Separation of Church and State], *Russkaya revolyutsiya 1917 g.: problemy istorii i istoriografii [The Russian Revolution of 1917: Problems of History and Historiography]*, sb. dokladov mezhdvuzov. nauch. konf. Saint-Petersburg, LETI, 2013, pp. 147-155.
23. *GAKO*, coll. R-323, aids. 1, fol. 832.
24. *GAKO*, coll. R-323, aids. 1, fol. 977.
25. *GAKO*, coll. R-323, aids. 1, fol. 992.
26. Rogoznyy P.G. Grazhdanskiy brak, razvod i revolyutsiya: konets semeynogo nasiliya ili razlozhenie sem'i? [Civil Marriage, Divorce and Revolution: the End of Family Violence or the Decomposition of the Family?], *Peterburgskiy istoricheskiy zhurnal [Petersburg Historical Journal]*, 2021, no. 3 (31), pp. 132-154.
27. *GAKO*, coll. R-520, aids. 1, fol. 5.
28. *GAKO*, coll. R-493, aids. 1, fol. 9.

Информация об авторах

Аргунов Олег Николаевич — кандидат исторических наук, заместитель директора по научно-исследовательской работе, Государственный архив Курской области, Курск, Российская Федерация. E-mail: argunovoleg-poet@mail.ru

Конищев Андрей Русланович — старший научный сотрудник отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения, Государственный архив Курской области, Курск, Российская Федерация. E-mail: akonishhev@inbox.ru

Information about the authors

Oleg N. Argunov — Candidate of Historical Science, Deputy Director for Research Work, State Archive of Kursk Region, Kursk, Russian Federation. E-mail: argunovoleg-poet@mail.ru

Andrei R. Konishev — Senior Researcher, Research and Information Support Department, State Archive of Kursk Region, Kursk, Russian Federation. E-mail: akonishhev@inbox.ru

Статья поступила в редакцию 20.09.2024; одобрена после рецензирования 25.10.2024; принята к публикации 02.11.2024.

The article was submitted 20.09.2024; approved after reviewing 25.10.2024; accepted for publication 02.11.2024.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антоненко Валентин Сергеевич — преподаватель, Новосибирское высшее военное командное ордена Жукова училище, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: antonenkovaletnin@mail.com

Аргунов Олег Николаевич — кандидат исторических наук, заместитель директора по научно-исследовательской работе, Государственный архив Курской области, Курск, Российская Федерация. E-mail: argunovoleg-poet@mail.ru

Блинова Вера Владиславовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права, Оренбургский институт (филиал) Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), Оренбург, Российская Федерация. E-mail: blinova.vera2010@yandex.ru

Дейч Борис Аркадьевич — доктор педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и методики воспитательных систем Института культуры и молодежной политики Новосибирского государственного педагогического университета, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: deich67@mail.ru

Джорджевич Александра — докторант, Белградский университет, факультет политических наук, Белград, Республика Сербия. E-mail: alexys_cello@yahoo.com

Живанович Милана — доктор исторических наук, научный сотрудник Института новейшей истории Сербии, Белград, Республика Сербия. E-mail: milana.zivanovic@yahoo.com

Жигунова Марина Александровна — кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Омская лаборатория археологии, этнографии и музееведения Института археологии и этнографии СО РАН, Омск, Российская Федерация. E-mail: marizh.omsk@mail.ru

Иларионова Татьяна Семеновна — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация. E-mail: ilarionovat@mail.ru

Конищев Андрей Русланович — старший научный сотрудник отдела научно-исследовательской работы и информационного обеспечения, Государственный архив Курской области, Курск, Российская Федерация. E-mail: akonishhev@inbox.ru

Лопатина Светлана Сергеевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры маркетинга, рекламы и связей с общественностью, Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: s.s.lopatina@nsuem.ru

Петренко Максим Степанович — кандидат исторических наук, доцент, Новосибирский государственный университет экономики и управления, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: petmaxim@yandex.ru

Пивень Наталья Николаевна — кандидат педагогических наук, доцент, декан социально-гуманитарного факультета, Приазовский государственный технический университет, Мариуполь, Российская Федерация. E-mail: piven.n4ta@yandex.ru

Савин Андрей Иванович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заведующий сектором общественно-политического развития, Институт истории СО РАН, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: a_savin_2004@mail.ru

Шульга Даниил Петрович — доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений и гуманитарного сотрудничества, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: shulga-dp@ranepa.ru

AUTHOR AFFILIATIONS

Valentin S. Antonenko — Teacher, Novosibirsk Higher Military Command School of the Order of Zhukov, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: antonenkova@yandex.ru

Oleg N. Argunov — Candidate of Historical Science, Deputy Director for Research Work, State Archive of Kursk Region, Kursk, Russian Federation. E-mail: argunovoleg-poet@mail.ru

Vera V. Blinova — Candidate of Historical Science, Associate Professor, Department of History of State and Law, Orenburg Institute (Branch) of O.E. Kutafin University (Moscow State Law Academy), Orenburg, Russian Federation. E-mail: blinova.vera2010@yandex.ru

Boris A. Deich — Doctor of Pedagogical Science, Associate Professor, Head of the Department of Theory and Methodology of Educational Systems, Institute of Culture and Youth Policy, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: deich67@mail.ru

Aleksandra Djordjević — Doctoral Student, University of Belgrade, Faculty of Political Sciences, Belgrade, Republic of Serbia. E-mail: alexys_cello@yahoo.com

Milana Zivanovic — Doctor of Historical Sciences, Research Associate, Institute for Recent History of Serbia, Belgrade, Republic of Serbia. E-mail: milana.zivanovic@yahoo.com

Marina A. Zhigunova — Candidate of Historical Science, Associate Professor, Senior Researcher, Omsk Laboratory of Archaeology, Ethnography and Museology, Institute of Archaeology and Ethnography, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Omsk, Russian Federation. E-mail: ma-rizh.omsk@mail.ru

Tatiana S. Ilarionova — Doctor of Philosophical Science, Professor of the Department of State and Municipal Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation. E-mail: ilarionovat@mail.ru

Andrei R. Konischev — Senior Researcher, Research and Information Support Department, State Archive of Kursk Region, Kursk, Russian Federation. E-mail: akonishhev@inbox.ru

Svetlana S. Lopatina — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Marketing, Advertising and Public Relations, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: s.s.lopatina@nsuem.ru

Maxim S. Petrenko — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: petmaxim@yandex.ru

Natalia N. Piven — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Social Sciences and Humanities, Priazovsky State Technical University, Mariupol, Russian Federation. E-mail: piven.n4ta@yandex.ru

Andrey I. Savin — Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Head of the Sector of Social and Political Development, Institute of History, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: a_savin_2004@mail.ru

Daniil P. Shulga — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of International Relations and Humanitarian Cooperation, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: shulga-dp@ranepa.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЬИ

1. Общие положения

Редакция журнала «Сибирь гуманитарная» принимает к рассмотрению оригинальные, ранее нигде (в том числе в сети Интернет) не публиковавшиеся статьи.

Периодичность выхода журнала — четыре раза в год (ежеквартально). Журнал распространяется по подписке. Полнотекстовые электронные версии вышедших номеров доступны на сайте Сибирского института управления — филиала РАНХиГС.

В журнале публикуются результаты фундаментальных и прикладных научных исследований отечественных и зарубежных ученых, а также аспирантов и студентов (совместно с преподавателями) по следующим научным специальностям:

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки;

5.6. Исторические науки (5.6.1. «Отечественная история»; 5.6.2. «Всеобщая история»; 5.6.4. «Этнология, антропология, этнография»; 5.6.5. «Историография, источниковедение, методы исторического исследования»; 5.6.6. «История науки и техники»; 5.6.7. «История международных отношений»; 5.6.8. «Документалистика, документоведение, архивоведение»);

5.7. Философия (5.7.1. «Онтология и теория познания»; 5.7.2. «История философии»; 5.7.6. «Философия науки и техники»; 5.7.7. «Социальная и политическая философия»; 5.7.8. «Философская антропология, философия культуры»; 5.7.9. «Философия религии и религиоведение»);

5.8. Педагогика (5.8.1. «Общая педагогика, история педагогики и образования»; 5.8.2. «Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования)»; 5.8.5. «Теория и методика спорта»; 5.8.7. «Методология и технология профессионального образования»).

Статьи публикуются на русском языке и сопровождаются аннотацией и ключевыми словами на русском и английском языках.

Объем статьи должен составлять от 20 до 60 тыс. знаков (с пробелами). Статья должна быть тщательно выверена автором. За достоверность и точность приведенных фактов, цитат, географических названий, собственных имен и прочих сведений ответственность несет автор.

Материалы представляются по электронной почте e-mail: sib.gum@siu.ranepa.ru

Взаимодействие редакционной коллегии, связанное с публикацией рукописи, осуществляется с ответственным автором, который должен предоставить редакционной коллегии номер мобильного телефона для рабочих контактов. Если автор один, то он является ответственным автором. Авторский коллектив самостоятельно выбирает ответственного автора данной публикации. В редакционную коллегию представляется доверенность каждого соавтора на передачу всех прав и обязанностей по взаимодействию с редколлегией при подготовке рукописи к публикации конкретному лицу. Доверенности должны быть заверены в отделе кадров по месту работы.

2. Издательское оформление статей

Статьи в журнал «Сибирь гуманитарная» оформляются по ГОСТ Р 7.0.7-2021 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

2.1. Элементы издания, оформляемые автором¹:

— УДК;

— заглавие статьи — на русском и английском;

— подзаголовочные данные (при наличии) — на русском и английском;

— сведения об авторе (авторах) — на русском и английском;

— аннотация — на русском и английском (*Abstract*);

— ключевые слова (словосочетания) — на русском и английском (*Keywords*);

— благодарности (при желании) — на русском и английском (*Acknowledgments*);

¹ Расположение и последовательность элементов см. Приложение.

— знак охраны авторского права;
— перечень затекстовых библиографических ссылок — на русском и английском (*References*);

— информация об авторе (авторах) (*Information about the author(authors)*).

Если статья публикуется не на русском языке, то элементы, требующие перевода, указываются сначала на языке статьи, затем — на английском языке, после чего — на русском.

2.2. Описание элементов издания

2.2.1. УДК — индекс Универсальной десятичной классификации, проставляется в соответствии с тематикой статьи.

2.2.2. Заглавие статьи — формулировка темы, точно отражающая рассматриваемую проблему.

2.2.3. Подзаголовочные данные статьи содержат сведения, поясняющие ее заглавие.

2.2.4. Сведения об авторе (авторах) содержат:

— имя, отчество, фамилию автора (авторов¹) (полностью);
— наименование организации (организаций²), ее подразделения, где работает или учится автор (без обозначения организационно-правовой формы юридического лица: ФГБУН, ФГБОУ ВО, ПАО и др.);

— адрес организации (организаций), ее подразделения, где работает или учится автор (город и страна);

— электронный адрес автора (авторов);

— открытый идентификатор ученого (*Open Researcher and Contributor ID — ORCID*) (при наличии);

— автор, ответственный за переписку (*Corresponding author*) (при наличии нескольких авторов): фамилия, имя, отчество (полностью), электронный адрес.

2.2.5. Аннотацию оформляют по ГОСТ Р 7.0.99-2018 «Реферат и аннотация. Общие требования». Объем не превышает 250 слов.

2.2.6. Ключевые слова (словосочетания) должны соответствовать теме статьи и отражать ее предметную, терминологическую область. Не используют обобщенные и многозначные слова, а также словосочетания, содержащие причастные обороты. После ключевых слов точку не ставят.

2.2.7. Благодарности. При желании приводят слова благодарности организациям (учреждениям), научным руководителям и другим лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи, проектах, научно-исследовательских работах, в рамках или по результатам которых опубликована статья.

2.2.8. Знак охраны авторского права приводят по ГОСТ Р 7.0.1-2003 «Издания. Знак охраны авторского права. Общие требования и правила оформления» внизу первой полосы с указанием фамилии и инициалов автора (авторов) или других правообладателей и года публикации статьи.

2.2.9. Перечень затекстовых библиографических ссылок формируется из подстрочных ссылок со сквозной нумерацией по всему тексту. Ссылки оформляются по ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила оформления».

2.2.10. Информация об авторе (авторах). В этот блок входит дополнительная информация об авторе (авторах): ученые степени, ученые звания, указание должности (с наименованием и адресом организации), почетные звания, членство в организациях и т. п.

2.3. Основной текст статьи может иметь следующие структурные части:

— введение;

— основную часть с выделением разделов «Материалы и методы», «Результаты», «Обсуждение» и др. (допускается деление основной части на тематические рубрики и подразделы);

— заключение.

2.4. Надписи и подписи к иллюстративному материалу (таблицы, рисунки и др.) приводят на языке текста статьи и повторяют на английском языке.

¹ Имена авторов приводят в принятой ими последовательности.

² Если автор (авторы) работает (учится) в нескольких организациях.

3. Требования к техническому оформлению

3.1. Общие технические требования:

- текстовый редактор: MS WORD версия 2003 или более современная;
- редактор таблиц: MS Word 2003 или более современная (формат Excel не допускается);
- редактор графиков и диаграмм: MS Word 2003 или более современная;
- формат файла с рукописью: **.doc; .docx**
- формат файлов с рисунками, графиками, схемами и др. иллюстрациями: ***.jpg (jpeg), *.tif (tiff); *.png.**
- тип иллюстраций: полутоновой черно-белый, штриховой черно-белый;
- кегль (размер шрифта) для заголовка и текста статьи (кроме сносок) — 14;
- гарнитура — Times New Roman (TNR).

3.2. Параметры страницы:

- поля — 2 см вокруг;
- нумерация — автоматическая с первой страницы в нижнем правом углу.

3.3. Параметры абзаца:

- выравнивание — по ширине;
- отступ слева/справа — 0;
- интервал перед/после — 0;
- межстрочный интервал — 1,0.
- отступ первой строки абзаца — 0,7;
- должен быть установлен запрет висячих строк.

4. Оформление отдельных элементов текста

4.1. Рисунки должны быть четкими, подлежащими редактированию, диаграммы и графики составлены в программах Microsoft Graph или Microsoft Office Excel, фотографии — контрастными. Все иллюстрации должны иметь сквозную нумерацию, подрисуночные подписи. Не рекомендуется загромождать иллюстрации ненужными деталями: большинство надписей выносятся в подрисуночную подпись, а на рисунке заменяется цифрами или буквами. Подрисуночная подпись должна быть лаконичной и соответствовать содержанию рисунка (10 пт).

4.2. Таблицы должны быть наглядными, иметь название, порядковый номер. Содержание таблиц должно быть связано с той мыслью в тексте, после изложения которой дается ссылка на таблицу. Название таблицы должно точно отражать ее содержание, заголовки граф — соответствовать их содержанию. Все данные внутри таблицы — 10 пт.

Размеры рисунков и таблиц — не более 135 × 2100 мм. Не нумеруются таблица или рисунок, если они в тексте единственные. На все таблицы и рисунки должны быть ссылки в тексте. Рисунки и таблицы располагаются в тексте после ссылки на них.

4.3. Формулы. Простые внутристрочные и однострочные могут быть набраны символами, без использования специальных редакторов. Сложные и многострочные формулы должны быть набраны в редакторе формул MathType 5. Смещение символов из текстовых редакторов с символами из редактора формул не допускается. Индексы и показатели степени должны быть четко ниже или выше строки. В случае ссылок на формулы в тексте нумерация формул дается справа в круглых скобках, а сама формула размещается отдельной строкой по центру. Если на конкретную формулу нет дополнительных ссылок в тексте или она в тексте единственная, то нумерация не нужна. Длина формулы — не более 12,5 мм.

4.4. Буква «ё» употребляется только в целях смысловоразличения слов, в именах и фамилиях согласно записи в документах, удостоверяющих личность.

4.5. Примечания, комментарии и др. можно размещать в подстрочных ссылках.

4.6. Цитаты. При использовании цитат обязательно обозначение границ заимствованных материалов в целях различения авторского и неавторского текстов. При прямом (дословном) цитировании границами служат кавычки, в которые заключается цитата, после которой ставится отсылка на источник. При передаче своими словами идей, концепций, точек зрения других лиц) левой границей служит вводная конструкция типа

«В работе И. Л. Михайлова...», «По мнению специалистов...», «Современные цивилисты трактуют...» и т. д. Правой границей является отсылка на источник заимствования.

4.7. Ссылки. Даются ссылки на источники всего заимствованного материала (прямая цитата, парафраз, фактический материал, таблица, рисунок и др.).

ПРИМЕР ПРИСТАТЕЙНОГО СПИСКА

Список источников

1. Конев Е. Прогнозируемые векторы развития зарубежных медиа // Журналистика—2018: состояние, проблемы, перспективы : материалы 20-й Междунар. науч.-практ. конф. (15—16 нояб., 2018, БГУ). Минск : БГУ, 2018. С. 294—297.
2. Огилви Д. Тайны рекламного двора — советы старого рекламиста. М. : Ассоциация работников рекламы, 2005. 61 с.
3. Браславец Л. А. Социальные сети как средства массовой информации: к постановке проблемы // Вестн. ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2009. № 1. С. 125—132.
4. Harris T.L., Whalen P.T. The Marketer's Guide to Public Relations in the 21st Century. 1st ed. South-Western Educational Pub, 2006. 304 p.

References

1. Konev E. Prognoziruemye vektory razvitiya zarubezhnyh media [Projected vectors of development of foreign media], *Zhurnalistika-2018: sostojanie, problemy, perspektivy: materialy 20-j mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (15—16 nojab., 2018, BGU)* [Journalism-2018: state, problems, prospects : materials of the 20th International Scientific and Practical Conference (November 15—16, 2018, BSU)]. Minsk: BGU, 2018, pp. 294—297.
2. Ogilvi D. Tajny reklamnogo dvora — sovery starogo reklamista [Secrets of the advertising yard — tips of an old advertiser]. Moscow, Associacija rabotnikov reklamy, 2005, 61 p.
3. Braslavet L.A. Social'nye seti kak sredstva massovoj informacii: k postanovke problem [Social networks as mass media: towards the formulation of the problem], *Vestnik VGU. Serija: Filologija. Zhurnalistika* [Bulletin of the VSU. Series: Philology. Journalism], 2009, no. 1, pp. 125—132.
4. Harris T.L., Whalen P.T. The Marketer's Guide to Public Relations in the 21st Century. 1st ed., South-Western Educational Pub, 2006, 304 p.

ПРИМЕР СТРУКТУРЫ СТАТЬИ

Сибирь гуманитарная. 2023. № 1. С. 42—54.
Siberia Humanitarian. 2023;(1):42—54.

Этнокультурное наследие

Научная статья

УДК (номер проставляет автор)

DOI: (номер проставляет редакция)

Этнокультурное наследие в современной России

Иван Сергеевич Сидоров¹, Игорь Павлович Петров²

¹ Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация

² Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация

¹ kaf-polit@siu.ranepa.ru, <http://orcid.org/> (представляется автором)

² ipp86@mail.ru

Аннотация

Ключевые слова

Для цитирования: Сидоров И. С., Петров И. П. Этнокультурное наследие в современной России // Сибирь гуманитарная. 2023. № 1. С. 42—54. <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2023-1-42-54>

Ethnocultural heritage of modern Russia

Ivan S. Sidorov¹, Igor P. Petrov²

¹ Novosibirsk National Research State University, Novosibirsk, Russian Federation

² Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation

¹ kaf-polit@siu.ranepa.ru, <http://orcid.org/>

² ipp86@mail.ru

Abstract

Keywords

For citation: Sidorov I.S., Petrov I.P. Ethnocultural heritage of modern Russia. *Siberia Humanitarian*. 2023;(1):42—54. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2023-1-42-54>

ТЕКСТ СТАТЬИ

Список источников

References

Информация об авторах

Сидоров Иван Сергеевич — доктор политических наук, профессор, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: kaf-polit@siu.ranepa.ru

Петров Игорь Павлович — магистрант, Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: ipp86@mail.ru

Information about the authors

Ivan S. Sidorov — Doctor of Political Sciences, Professor, Novosibirsk National Research State University, Professor Faculty of Political science and Technology, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: kaf-polit@siu.ranepa.ru

Igor P. Petrov — master's student, Siberian Institute of Management — branch of RANEPa, Novosibirsk, Russian Federation. E-mail: ipp86@mail.ru

Статья поступила в редакцию 00.00.2023; одобрена после рецензирования 00.00.2023; принята к публикации 00.00.2023.

The article was submitted 00.00.2023; approved after reviewing 00.00.2023; accepted for publication 00.00.2023.

